

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023 Том 23 № 4

В номере: 100 лет Турецкой Республике: международное измерение

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат исторических наук **М.М. Агазаде** (история), РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук **М.А. Никулин** (политика, экономика), РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джэ., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, директор, Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2024 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 2 2024	Поворот России на Восток	До 1 ноября 2023 г.	До 15 января 2024 г.
№ 3 2024	Глобальная стратегия КНР	До 1 января 2024 г.	До 15 апреля 2024 г.
№ 4 2024	Сохранение идентичности в глобальном мире	До 1 марта 2024 г.	До 15 июня 2024 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Редакторы англоязычных текстов А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.12.2023. Выход в свет 28.12.2023.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1607. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2023 VOLUME 23 No. 4

In this issue: 100th Anniversary of the Republic of Türkiye: International Dimension

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada** (History), RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Maxim A. Nikulin** (Politics, Economics), RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2024 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 2 2024	Russia's Turn to the East	By November 1, 2023	By January 15, 2024
No. 3 2024	China's Global Strategy	By January 1, 2024	By April 15, 2024
No. 4 2024	Preserving Identity in a Global World	By March 1, 2024	By June 15, 2024

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova*
Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: 100 лет Турецкой Республике: международное измерение

- Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана 595
- Енокян А.В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002—2022 гг. 609
- Чедия А.Р. Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет» 620
- Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона..... 643

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Арсланов Р.А., Курьлев К.П., Станис Д.В. Восточный вопрос во взглядах российских либералов начала XX в. 662

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Западные Балканы: внешние игроки в преддверии и в ходе текущего кризиса 678

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Вохминцев И.В., Гузаеров Р.И. Прикладной анализ многовекторности во внешней политике Турции в период президентства Р.Т. Эрдогана в 2014—2022 гг. 689

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Шпаковская М.А., Барнашов О.В., Малаховский А.К., Данилов В.А. Турецко-израильские отношения: партнерство, проблемы, перспективы 704
- Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции..... 719
- Мамедов Р.Т. «Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии 734

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Челикпала М., Татлыоглу Э. Черноморская политика Турции в области энергетической безопасности 748

РЕЦЕНЗИИ

- Прохоренко И.Л. Рецензия на книгу: Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д.А. Дегтерева, М.М. Агазаде. Москва: Аспект Пресс, 2023. 664 с. 762
- Кириченко В.П. Рецензия на книгу: Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / под ред. И.Д. Звягельской. Москва: Аспект Пресс, 2022. 288 с. 766
- Соков И.А. Рецензия на книгу: Turkey, Russia and Iran in the Middle East: Establishing a New Regional Order / ed. by B. Balci, N. Monceau. London: Palgrave Macmillan, 2021. 255 p. 769

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: 100th Anniversary of the Republic of Türkiye: International Dimension

- Avatkov V.A., Sbitneva A.I.** The Republic of Türkiye on the Eve of the Centenary: The Era of R.T. Erdogan 595
- Yenokyan A.V.** The Importance of Soft Power in Türkiye's Foreign Policy in 2002—2022..... 609
- Chedia A.R.** Activities of the Turkish Maarif Educational Foundation in Confrontation with the Hizmet Movement 620
- Moskalenko O.A., Muradov G.L., Irkhin A.A., Demeshko N.E., Nagornyak K.I.** The Montreux Convention After the Beginning of the Special Military Operation. Status Quo or Denunciation: Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Implications for the Black Sea Region 643

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Arslanov R.A., Kurylev K.P., Stanis D.V.** The Eastern Question in the Views of the Russian Liberals of the Early 20th Century..... 662

INTERNATIONAL SECURITY

- Arlyapova E.S., Ponomareva E.G.** Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis 678

APPLIED ANALYSIS

- Vokhmintsev I.V., Guzaerov R.I.** Applied Quantitative Analysis of R.T. Erdogan's Multi-Vector Foreign Policy in 2014—2022 689

BILATERAL RELATIONS

- Shpakovskaya M.A., Barnashov O.V., Malakhovsky A.K., Danilov V.A.** Turkish-Israeli Relations: Partnership, Problems, Perspectives 704
- Aghazada M.M.** Azerbaijani-Iranian Relations After the Second Karabakh War: Features and Trends 719
- Mamedov R.T.** "Soft Power" as a Part of Turkish Foreign Policy in Georgia 734

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Celikpala M., Tatlioglu E.** Türkiye's Black Sea Policy for Energy Security 748

BOOK REVIEWS

- Prokhorenko I.L.** Book review: Degterev, D. A., & Aghazada, M. M. (Eds.). (2023). The Greater Mediterranean as an Emerging Subsystem of International Relations. Moscow: Aspekt Press publ., 664 p. (In Russian)..... 762
- Kirichenko V.P.** Book review: Zvyagelskaya, I. D. (2022). The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions. Moscow: Aspekt Press publ., 288 p. (In Russian) 766
- Sokov I.A.** Book review: Balci, B., & Monceau, N. (Eds.). (2021). Turkey, Russia and Iran in the Middle East: Establishing a New Regional Order. London: Palgrave Macmillan, 255 p. 769

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: 100 лет Турецкой Республике: международное измерение

THEMATIC DOSSIER: 100th Anniversary of the Republic of Türkiye: International Dimension

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608

EDN: NTHNRR

Научная статья / Research article

Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана

В.А. Аватков , **А.И. Сбитнева** Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация v.avatkov@gmail.com

Аннотация. В 2023 г. Турецкая Республика отметила свое столетие. Вставая во главе республиканской Турции в 1923 г., первый президент страны М.К. Ататюрк видел ее независимой и свободной от навязанных извне логик. Тем не менее за столетний период Турция, в истории которой был как период «прозападничества», так и открытой борьбы с проявлениями западного неокOLONIALИЗМА, основанной на национальных интересах, пережила ряд взлетов и падений. Более того, на ее веку появился новый М.К. Ататюрк в лице амбициозного Р.Т. Эрдогана, стремящегося начать историю страны с чистого листа. Наибольшую трансформацию за последние 100 лет претерпел идеологический и внешнеполитический фундаменты Турции. Современная Анкара подходит к важному рубежу своей истории в роли независимой региональной державы и лидера, который держит уверенный курс на вхождение в «высшую лигу» — группу мировых акторов — членов Совета Безопасности (СБ) ООН. Идеал президента страны — неоимперская Турция, сочетающая в себе лучшие практики прошлого «кемализма» и современного «неоосманизма», который реализуется за счет экспорта «турецкости» и продвижения в мир туркоцентричных идеологием, подкрепленных практическими действиями на обширном географическом пространстве, выходящем далеко за пределы Турции. Авторы приходят к выводу, что за долгую историю своего существования Турецкая Республика выработала ряд идейно-ценностных концептов, служащих опорой при реализации ее внешнеполитического курса. Являясь антропологическим государством, Турция, подобно человеку, имеет первичные — жизненно важные — и вторичные, связанные прежде всего с восприятием ее другими акторами международных отношений, потребности. При этом важно, что в то время как удовлетворение вторичных потребностей осуществляется Анкарой вполне успешно, восполнение первичных вызывает определенные трудности. Особенно сложной остается экономическая ситуация, которая, в свою очередь, в перспективе способна повлиять на общее благосостояние государства, сделать его нестабильным относительно общей международной среды и тем самым спровоцировать определенный «экзистенциальный кризис».

© Аватков В.А., Сбитнева А.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: внешняя политика, ценности, пирамида идей, антропологическое государство, кемализм, эрдоганизм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Аватков В. А., Сбитнева А. И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 595—608. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608>

The Republic of Türkiye on the Eve of the Centenary: The Era of R.T. Erdogan

Vladimir A. Avatkov , Alina I. Sbitneva

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[✉v.avatkov@gmail.com](mailto:v.avatkov@gmail.com)

Abstract. In 2023, the Republic of Türkiye celebrated its centenary. Standing at the head of republican Türkiye in 1923, the first president of the country, M.K. Atatürk, saw it as independent and free from logic imposed from outside. Nevertheless, Türkiye, whose history included both a pro-Western period and an open struggle against manifestations of the Western neocolonialism based on national interests, has experienced a series of ups and downs over a century-long period. Moreover, a new M.K. Atatürk appeared in its lifetime in the person of the ambitious R.T. Erdogan, who seeks to start the history of the country from scratch. The ideological and foreign policy foundations of Türkiye have undergone the greatest transformation in the last 100 years. Modern Ankara is approaching an important milestone in its history as an independent regional power and a leader who holds a confident course towards joining the “top league” — a group of world actors-members of the UN Security Council. The ideal of the president of the country is a neo-imperial Türkiye, combining the best practices of the past “Kemalism” and modern “neo-Ottomanism,” which is realized through the export of “Turkishness” and the promotion of Turkocentric ideologies into the world, supported by practical actions in a vast geographical space that goes far beyond Türkiye. The study concludes that over the long history of its existence, the Republic of Türkiye has developed a number of ideological and value concepts that serve as a support for the implementation of its foreign policy. As an anthropological state, Türkiye, like a human being, has primary — vital — and secondary needs, related to the perception of other international actors. At the same time, it is important that while the satisfaction of secondary needs is carried out by Ankara quite successfully, the replenishment of primary causes certain difficulties. The economic situation remains particularly difficult, which, in turn, is capable of affecting the general welfare of the state in the future, making it unstable amid general international environment and thereby provoking a certain “existential crisis.”

Key words: foreign policy, values, pyramid of ideas, anthropological state, kemalism, erdoganism

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Avatkov, V. A., & Sbitneva, A. I. (2023). The Republic of Türkiye on the eve of the centenary: The era of R.T. Erdogan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 595—608. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608>

Введение

Турецкая Республика уверенно подступает к важному рубежу в своей истории — столетию, которое отмечает в октябре 2023 г.

За последние 100 лет Турция претерпела ряд как внутри-, так и внешнеполитических изменений, придавших государству его современный облик. На одних направлениях Анкара однозначно преуспела, на других, напротив,

вплоть до настоящего времени решает ряд доставшихся в наследство от предыдущих поколений проблем. На долю современной Турции, находящейся накануне очередного юбилея, помимо прочего, в мае 2023 г. выпало еще одно важное испытание в виде всеобщих выборов — одних из самых неоднозначных и мало предсказуемых за всю историю ее существования.

От Р.Т. Эрдогана, в очередной раз возглавившего страну, во многом зависит дальнейший политический курс Турции, в русле которого она будет двигаться еще долгие годы. Сложно преуменьшить роль личности в истории Турции — страна была и остается лидероцентрична. Особую важность в связи с этим приобретает изучение Турецкой Республики как *антропологического государства*, многие внешнеполитические действия которого прямо или косвенно отражают характер, качества и ценности стоящего во главе лидера или группы лиц, ответственных за принятие государственных решений.

В современной Турции, как и во многих других восточных обществах, по-прежнему особая важность придается не столько институтам, сколько стоящим над ними лидерам, мировоззрению которых должны соответствовать все остальные механизмы государственного аппарата управления, а не наоборот. В связи с этим можно утверждать, что турецкое государство само по себе — антропоцентрично и, следовательно, относится к когорте стран, в существенной степени подверженных «человеческому фактору» (Баталов, 2019, с. 118).

За последние сто лет, однако, во главе государства стояло лишь несколько настоящих лидеров-харизматиков (Надеин-Раевский, 2017, с. 140), деятельность которых однозначно войдет в летопись страны: это, прежде всего, основатель республиканской Турции М.К. Ататюрк и действующий президент Р.Т. Эрдоган, баллотировавшийся на выборах 2023 г. под лозунгом «Правильному времени — правильный человек» (тур. *Doğru zaman doğru adam*) и старающийся оставить свой собственный след в истории современной Турции, во многом за счет переписывания этой самой истории.

Другая грань турецкой антропоцентричности заключается в проведении так называемой «человекоориентированной» (*insani*, дословно — гуманитарной) и инициативной (*girişimci*) внешней политики, официально провозглашенной МИД Турции¹, в рамках которой Турецкая Республика предстает доброй, сострадающей силой (*müşfik güç*), нацеленной на помощь человеку в широком смысле этого слова.

Для комплексного понимания того, к чему Турецкая Республика пришла за столь длительный постимперский срок, следует рассмотреть результаты ее деятельности в двух ключевых плоскостях, к которым относятся идейно-ценностное (идеологическое) поле и внешняя политика.

Идейно-ценностная компонента внешнеполитического процесса Турции

За последние 100 лет Турции так и не удалось выстроить официальную идеологию. Тем не менее этот факт никогда не мешал руководству страны в том или ином виде претворять в жизнь набор идейно-ценностных концептов, соответствующих времени. М.К. Ататюрк, придя к власти и пытаясь избавить страну от пережитков Османской империи, установил в качестве идейно-ценностного базиса турецкого общества «кемализм», который олицетворяли так называемые «шесть стрел»: республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и революционность. Кемализм вскоре приобрел статус неофициальной идеологии Турецкой Республики, однако с годами так и не нашел в полной мере нормативного закрепления.

Несмотря на то, что сегодня отдельные принципы М.К. Ататюрка частично отражены в Основном законе страны, Конституция современной Турции гласит, что «никакая деятельность, основанная на турецких национальных интересах, принципе неделимости государства со своей страной, исторических и

¹ Türkiye'nin girişimci ve insani dış politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa> (accessed: 15.06.2023).

духовных ценностях тюркизма, национализме Ататюрка, принципах революционности и цивилизационизма, а также священных религиозных чувствах, обосновывающих секуляризм, не может быть всецело вовлечена в государственные дела и политику»². Понятие «кемализм» в турецкой законотворческой практике отсутствует в принципе.

При этом формально Турция продолжает жить под знаменами кемализма, в свете памяти об отце-основателе республики и его идей, однако с приходом на пост президента Р.Т. Эрдогана в 2014 г. эти идеи все больше подвергаются определенному пересмотру и трансформации. Следует отметить, что эпоха правления Партии справедливости и развития Р.Т. Эрдогана, находящейся у власти с 2002 г., в широком смысле может быть охарактеризована как период контрреформ. Принято считать, что действующий лидер Турецкой Республики привнес в политику страны набор идеологем, в обобщенном виде получивших название «неоосманизм», однако своему возникновению в политическом пространстве Турции они обязаны не одному только президенту. Одним из идеологов «неоосманских» воззрений наряду с главой страны был экс-министр иностранных дел Турецкой Республики А. Давутоглу, еще в начале XXI столетия в своей книге «Стратегическая глубина» рассуждавший о Турции как надрегиональной державе — наследнице Османской империи (Davutoğlu, 2001, p. 172).

По своей сути идеология *неоосманизма*, ставящая целью возвращение Турции былого имперского могущества, совмещает в себе две основные идеи — пантюркизм, то есть объединение тюркских народов мира под своей эгидой, и исламизм, проявляющийся в укреплении консерватизма внутри и вовне, в частности в возвращении Турции к религиозным истокам. Каждую из составных частей неоосманизма при этом можно рассматривать в качестве противопоставления принципам

² Türkiye Cumhuriyeti Anayasası // Türkiye Cumhuriyeti İçişleri Bakanlığı. 18.10.1982. URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/IcSite/illeridaresi/Mevzuat/Kanunlar/Anayasa.pdf> (accessed: 15.06.2023).

М.К. Ататюрка. Однако если кемализм в большей степени затрагивает внутреннюю политику и предлагает «правила жизни» в первую очередь гражданину, то есть турецкому населению в широком смысле, то неоосманизм сосредоточен больше на внешнеполитических вопросах.

Так, например, постепенная *исламизация* политического процесса в Турции неформально олицетворяет негласную отмену светскости, привнесенной М.К. Ататюрком после долгих лет халифата. Особенно показательным в этом контексте стало принятое в 2020 г. решение о преобразовании обратно в мечеть музея Собора Святой Софии (Айя-София)³, который в 1935 г., согласно указу первого президента Турецкой Республики, утратил религиозный статус и использовался в качестве символа лаицизма. Более того, в 2022 г. Р.Т. Эрдоган выступил с предложением вынести на общенациональный референдум вопрос о ношении женщинами хиджаба⁴. Речь, в частности, шла о закреплении такого права в Основном законе страны. Безусловно, введение норм шариата в Турции не обсуждается, однако исламу, в том числе политическому (Киреев, 2007, с. 321), за более чем 20-летний срок правления Партии справедливости и развития стало придаваться все большее значение.

Важным Рубиконом, ознаменовавшим определенный откат Турции к прошлому, также стала попытка государственного переворота в 2016 г., в результате которой армия потеряла функцию гаранта светскости. М.К. Ататюрк поставил военных (Karpat, 2019) на стражу своих основных принципов, в числе которых защита государства от проникновения ислама в политику, в том числе путем организации антиправительственных

³ Обращение в мечеть: Эрдоган подписал указ об открытии собора Святой Софии для богослужений // RT на русском. 11.07.2020. URL: <https://russian.rt.com/world/article/763328-sobor-svyataya-sofiya-mechet-turciya> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ Президент Турции предложил вынести на референдум вопрос о ношении женщинами хиджаба // ТАСС. 22.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16128755> (дата обращения: 17.06.2023).

переворотов. Р.Т. Эрдоган, в свою очередь, провел кадровые перестановки, отстранив от дел военных (Дружиловский, 2016, с. 18), несогласных с политикой президента.

Так, во внешнем поле турецкая исламизация проявляется в жесткой критике любых исламофобских актов за рубежом и стремлении Турции примкнуть к «суннитской дуге» в качестве одного из лидеров. Более того, Анкара все чаще примеряет на себя роль защитника угнетенных мусульман и высказывается в поддержку палестинцев⁵, уйгуров⁶, этноса рохинджа⁷. Во внутреннем поле исламизация происходит за счет преобразования бывших музейных объектов, по-прежнему остающихся символами святости для части христианского населения страны, в мусульманские, а также других реформ, направленных на либерализацию светских устоев, в частности выдвинутого предложения о внесении поправок в Конституцию и нормативного закрепления права на ношение религиозных одежд.

Современной видоизмененной альтернативой национализма отца-основателя Турецкой Республики является *пантюркизм*, активно продвигающийся командой Р.Т. Эрдогана. Отличие состоит в том, что М.К. Ататюрк придерживался французского подхода к национализму и был нацелен на создание *nation-state*, в то время как Р.Т. Эрдоган прибегает к использованию объединительных механизмов с целью сплочения тюркских народов, ареал расселения которых не ограничивается только лишь территорией

Турции, а выходит далеко за пределы государства. На карте «тюркского мира» — особой формируемой турками подсистемы международных отношений — можно встретить, в частности, Крым, Восточную Сибирь, республики Северного Кавказа и другие субъекты — тюркоязычные регионы Российской Федерации, не являющейся, в отличие от Турции, частью тюркской цивилизации. Именно такое графическое отражение имеет, например, аналогичная карта, врученная президенту Турции его соратником Д. Бахчели из Партии националистического движения⁸, входящей в одну коалицию с правящей Партией справедливости и развития.

В связке с этим следует выделить еще одну идеологическую надстройку Турции, касающуюся государственных границ. «Наши физические границы отличаются от границ в нашем сердце»⁹, — заявил Р.Т. Эрдоган в ходе одного из своих выступлений в Ризе. Турецкая Республика на официальном уровне дает понять о своих претензиях к исторической, по ее мнению, «несправедливости» — соглашениям, подытоживающим земельный раздел времен Первой мировой войны, в результате которых Анкара лишилась ряда территорий. Такого рода «сердечная», или «воображаемая география» (Цибенко, 2022, с. 135) Турции — объективная реальность страны и неотъемлемая часть политического дискурса турецких политиков, приписывающих к сфере влияния Турецкой Республики обширное географическое пространство, опираясь лишь на схожесть лингвистических, культурных, религиозных или этнических признаков.

Крепко связанный с данным концепт — «Турция — не только Турция», или «Турция больше, чем Турция» также вошел в список нарицательных. В 2016 г. Р.Т. Эрдоган заявил, что на обширном пространстве от

⁵ Cumhurbaşkanı Erdoğan: Başkenti Doğu Kudüs olan bağımsız Filistin devleti barış ve istikrar için şarttır // Anadolu Ajansı. 25.07.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskani-erdogan-baskenti-dogu-kudus-olan-bagimsiz-filistin-devleti-baris-ve-istikrar-icin-sarttir/2954134> (accessed: 14.09.2023).

⁶ Türkiye tüm soydaşları ve kardeşleri gibi, Çin'deki uygur türklerinin de yanındadır // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 09.07.2015. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/32891/cumhurbaskani-erdogan-buyukelcilerle-iftar-yapti.html> (accessed: 14.09.2023).

⁷ Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan Rohingya mesajı // TRT Haber. 23.12.2020. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-rohingya-mesaji-540436.html> (accessed: 14.09.2023).

⁸ Эрдогану подарили карту «тюркского мира» с российской территорией // РИА Новости. 17.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211117/erdogan-1759551187.html> (дата обращения: 29.08.2023).

⁹ Gönül sınırlarımız başka // Takvim. 17.10.2016. URL: <https://www.takvim.com.tr/guncel/2016/10/17/gonul-sinirlarimiz-baska> (accessed: 17.06.2023).

Фракии до Восточной Европы обязательно найдется след предков турок, а также высказал мысль, что забота об Ираке, Сирии, Ливии, Крыме, Карабахе, Боснии и других «братских» регионах является одновременно обязанностью и правом страны, поскольку «Турция — это не только Турция, и она несет ответственность за своих братьев и сестер на обширной географии, где переплетается с глубоко укоренившимися историческими, культурными и гуманитарными связями»¹⁰.

При этом все воображаемое планомерно претворяется Анкарой в реальное. Наглядный пример — требование Турции к НАТО обозначить в оборонной стратегии альянса Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы (в оригинале, на англ. — *Straits*) как «Турецкие проливы» (*Turkish Straits*)¹¹, что представляет собой кальку с турецкого языка, где названные водные пути имеют название «турецких» (*Türk Boğazları*).

Подобным восприятием обусловлено стремление Турции влиять в том числе и на сопредельные территории, например соседние Сирию и Ирак, северные части которых ранее входили в состав Османской империи. Следует отметить, что неоимперская политика Р.Т. Эрдогана предусматривает, наряду с прочим, пересмотр внешнеполитического принципа М.К. Ататюрка «Мир в стране, мир во всем мире», который теперь воспринимается скорее как «Мир в мире, мир в стране». Идеологизация вопроса безопасности привела к возникновению феномена «мягкой милитаризации» Турции, проявляющейся в повышении престижа армии в глазах населения и парадоксальной практике решения вопросов, связанных с привнесением мира и устранением разного рода угроз военным путем. Так, например, с международным терроризмом в Сирии и Ираке (Аватков, Гузаеров,

2023, с. 113) Турция борется посредством проведения военных операций, нелегитимных с точки зрения международного права, но вполне оправданных с позиции национальных интересов Турции и продвигаемого ею концепта справедливости.

Справедливость по-турецки — еще одна ниша идейно-ценностной картины мира Р.Т. Эрдогана, в 2021 г. на 7 языках опубликовавшего книгу под названием «Более справедливый мир возможен». Сквозь текст красной нитью проходит тесно переплетенный с концептом справедливости тезис «Мир больше пяти», с помощью которого Турецкая Республика призывает к реформе Совета Безопасности (СБ) ООН (Erdoğan, 2021, p. 132) и заявляет международному сообществу о том, что она «переросла» статус пассивной региональной державы и готова двигаться в сторону трансформации в активную надрегиональную — ту, которая способна брать ответственность за глобальные процессы. Анкара в данном случае апеллирует к несправедливому, по ее мнению, распределению государств в системе СБ ООН (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 92), где судьбу остальных акторов решают пять постоянных членов Совета Безопасности.

Интересно, что схожую мысль высказывал в ходе заседания СБ ООН 25 апреля 2023 г. министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, заявивший о «чрезмерной перепредставленности в органе Запада», подрывающей «принцип многополярности»¹². В формирующемся образе будущего России также исторически заложена приверженность дозированной или разноуровневой справедливости, однако если для Турции справедливость означает включение в список глобальных управленцев в первую очередь ее самой, то Россия видит в составе коллег по СБ ООН не только и не столько Турцию, сколько представителей не-Запада в широком

¹⁰ Erdoğan: Türkiye sadece Türkiye değildir // Hürriyet. 16.10.2016. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/erdogan-turkiye-sadece-turkiye-degildir-40250602> (accessed: 17.06.2023).

¹¹ Turkey Holds Up NATO Defense Strategy Over Straits amid Sweden Standoff // Al-Monitor. June 26, 2023. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2023/06/turkey-holds-nato-defense-strategy-over-straits-amid-sweden-standoff> (accessed: 17.06.2023).

¹² Устав ООН: о чем говорил Сергей Лавров на заседании Совбеза в Нью-Йорке // Известия. 25.04.2023. URL: <https://iz.ru/1503512/iuliia-nemchenko/ustav-ot-oon-o-chem-govoril-sergei-lavrov-na-zasedanii-sovbeza-v-niu-jorke> (дата обращения: 17.06.2023).

смысле — от государств Азии до стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Таким образом, турецкая индивидуальная справедливость (Евстафьев, Ильницкий, 2020, с. 62) базируется на эгоистическом по отношению к другим акторам международно-политического процесса психологическом «Я-концепте» (James, 1950), нацеленном на удовлетворение собственных потребностей. Если рассматривать политику Турции с точки зрения теории А. Маслоу (Maslow, 1954), то в этом смысле Анкара, подобно человеку, стремится к самореализации — высшей ступени в пирамиде потребностей, что делает ее поведение вполне естественным.

Последнее отчасти реализуется за счет продвижения Турцией идеи восприятия ее в качестве многопрофильного хаба (Altun, 2022), который ставит в зависимое от себя положение других акторов мировых процессов. Так, в рамках российско-украинского кризиса Турция предпочла занять нишу продовольственного и дипломатического хаба, контролирующего вопрос поставок зерна на мировые рынки и — частично — переговорный процесс Москвы и Киева. Наряду с этим Анкара продвигает антитеррористический хаб, в рамках которого предстает в роли борца с угрозой международного терроризма (Çakır, 2013) — как внутри страны, так и за ее пределами (на территориях Сирии и Ирака).

Апогеем этой идеологии стал проект газового хаба, который Турция реализует при поддержке России. В конце 2022 г. стороны договорились о создании на территории страны перераспределительного газового центра, а ранее президент России В.В. Путин отмечал, что «европейские партнеры должны быть благодарны Турции за то, что она обеспечивает бесперебойный транзит газа на европейский рынок»¹³. Все эти заявления и инициативы, в свою очередь, в полной мере вписываются в существующую идейно-ценностную логику Турецкой Республики и

ее концепцию лидерства (Майорова, 2022, с. 76).

Тем не менее при всей уверенности Р.Т. Эрдогана в правильности его идей переход от республиканского кемализма к «пост-кемализму» или в конечном итоге неоимперскому «эрдоганизму» (Yılmaz & Bashirov, 2018) нельзя назвать беспроблемным. Помимо неприятия продвигаемых правящей элитой воззрений светской частью населения страны можно предположить, что Турецкая Республика также рано или поздно столкнется с вопросом легитимизации «неоосманизма» как официальной идеологии, к чему турецкое общество по-прежнему остается неготовым. Продвижение имперских логик неизбежно означает отказ от кемализма и связанных с ним атрибутов, в числе которых Мавзолей отца-основателя Турции, расположенные по всей стране памятники М.К. Ататюрку и его портреты.

В обществе, подсознательно остающемся преданным первому президенту Республики, может назреть социальный протест. Необходимо отметить, что в преддверии выборов 2023 г. в Турции уже наблюдались столкновения сторонников Р.Т. Эрдогана и его конкурента — лидера созданной еще М.К. Ататюрком Народно-республиканской партии К. Кылычдароглу. В случае ликвидации кемализма как политического явления подобного рода социально-политические волнения могут приобрести более масштабный и серьезный характер идейного гражданского конфликта.

Идеология на практике: трансформация внешнеполитического курса Анкары

Внешнеполитический курс Турции также претерпел значимые изменения на своем пути от М.К. Ататюрка до Р.Т. Эрдогана, и если на идейно-ценностном уровне президенты существенно расходились во взглядах, то контуры их внешней политики имели сходства. Так, конечной идеей обоих лидеров являлось строительство «новой» Турции, свободной от западного гнета и навязанных извне логик. И основатель Турции, и его преемник в лице

¹³ Путин: Европа должна быть благодарна Турции за бесперебойный транзит газа на рынок России // RT на русском. 05.08.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1033883-evropa-turciya-gaz> (дата обращения: 18.06.2023).

Р.Т. Эрдогана боролись с проявлениями западного колониализма и обращали Турецкую Республику к независимости. После смерти М.К. Ататюрка турецкие управленцы вновь начали сближение с западным миром. После Второй мировой войны Турция вошла в НАТО, стала предпринимать попытки встать на тропу единения с Европой и стать образцом демократии для Ближнего Востока (Крылов, Останин-Головня, 2023, с. 291), сочетающей в себе ценности Востока и Запада одновременно.

Какое-то время Анкаре действительно удавалось успешно двигаться в фарватере западно-ориентированного курса, однако с трансформацией идеологических установок претерпели изменения и ее внешнеполитические приоритеты. Спустя 100 лет с момента создания Турция входит в новую эпоху своего развития в качестве государства, нацеленного на собственные национальные интересы. История циклична — современная Турция, подобно государству М.К. Ататюрка, вновь ставит во главу угла мир не-Запада (Аватков, 2022, с. 22): сближается с Россией, ближневосточными соседями, монархиями Персидского залива и последовательно отстаивает свои интересы на западном направлении. Несколько разочаровавшись в гегемонистской политике Запада, Турецкая Республика решительно взялась за строительство союзнического, или — вернее — партнерского корпуса из ближнего окружения.

С этой целью Анкара возрождает неудавшуюся ранее политику «Ноль проблем с соседями» (Бдоян, 2017, с. 25). Турция впервые за много лет села за стол переговоров с Ираном в рамках Астанинского процесса (Мозлоев, 2021, с. 74); была начата нормализация отношений с Египтом и Сирией, контакты с которыми были сведены к минимуму в период «арабской весны» и деструктивного для Анкары прозападного периода; подготовлена почва для «оттепели» в отношениях с Израилем, которые, тем не менее, все еще омрачаются попытками Турции вставить на защиту палестинцев и критиковать политику Тель-Авива; на южнокавказском направлении состоялись беспрецедентные

переговоры и встречи по линии Турция — Армения. Особую важность после резонансного убийства в Стамбуле саудовского журналиста Дж. Хашогги приобретает сближение Анкары с одним из важнейших партнеров Вашингтона среди стран Залива — Саудовской Аравией.

Примечательно, что со всеми перечисленными государствами Турция имела ряд противоречий, и лишь в случае с Ереваном и — частично — Ираном они носили исторический, а не приобретенный в новейшее время характер. При этом турецкая эпоха нормализации и добрососедства (Гузаеров, 2022, с. 2) распространяется преимущественно на Восток, в то время как на западном направлении прослеживаются противоположные тенденции.

Во внешней политике страны в целом произошел так называемый «разворот на Восток». В отличие от прежнего государства, которому долгие годы отводили роль младшего соратника США на Ближнем Востоке, современная Турецкая Республика стремится проводить многовекторную политику с акцентом на «родственные» общины. Одним из важнейших направлений ее внешнеполитического курса в связи с этим стал так называемый «тюркский мир», куда ею традиционно включаются тюркоязычные республики бывшего СССР, а также соответствующие регионы России.

Под знаменами пантюркизма, умело завуалированными под идею культурного объединения, Турция распространяет свои инструменты «мягкой силы» в лице почти всемирно узнаваемой Организации тюркских государств (ОТГ), Международной организации тюркской культуры (TÜRKSÖY), Агентства по координации и сотрудничеству (TİKA), Институтов им. Юнуса Эмре и др. (Курылев, Еномян, 2023, с. 84). При этом цель подобных организаций заключается в стирании культурных кодов упомянутых государств и их унификации по турецкому образцу. Так, например, под влиянием Турции в разное время перешли или заявили о своем переходе с кириллического на латинский алфавит уже четыре из пяти постсоветских

тюркоязычных государств — Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан и Казахстан. В настоящее время ведется активная дискуссия о создании «общетюркского языка», а также распространяется неподкрепленный достоверными фактами нарратив об общих с Турцией цивилизационно-исторических корнях населяющих эти страны народов.

Несмотря на подобные успехи на восточном направлении, отношения Турции с Западом на рубеже 100-летия страны обрели формат *вынужденного партнерства*. К 2023 г. Турецкая Республика так и не смогла преуспеть в процессе вступления в Европейский союз, однако стала второй по численности армией Североатлантического альянса и единственным незападным игроком блока, задающим тренды. Кейс с вступлением Финляндии и Швеции в НАТО наглядно продемонстрировал желание Анкары не играть по западным правилам, а создавать свои правила для западных коллег. Так, Турция смело предъявляет требования скандинавским государствам, которые, по ее мнению, недостаточно борются с терроризмом и оскорбляют чувства верующих мусульман публичными актами сожжения Корана, а также добивается всестороннего учета вопросов, которые вызывают ее обеспокоенность.

Возвращаясь к роли личности в истории Турции, следует отметить, что сегодня отдельные политики или группы политиков олицетворяют набор определенных идейно-ценностных концептов, и в современной Турции сформировался целый пул высокопоставленных лиц, открыто продвигающих в массы *антизападный дискурс* и его сторонников. К примеру, экс-министр внутренних дел Турецкой Республики С. Сойлу заявлял, что «весь мир ненавидит Америку», а Европу называл «поездом в колонне США»¹⁴. Из уст официального представителя президента Турции И. Калына, который после переизбрания Р.Т. Эрдогана в 2023 г. возглавил Национальную разведывательную организацию,

¹⁴ Глава МВД Турции заявил, что весь мир ненавидит США // РИА Новости. 19.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230419/turtsiya-1866248559.html> (дата обращения: 18.06.2023).

в свою очередь, можно было услышать фразу о «недостатке стратегического мышления в большинстве западных кругов»¹⁵. Примечательно, что эту мысль представитель Турции озвучил в интервью немецкой газете *Die Zeit*.

Турция Р.Т. Эрдогана, с одной стороны, планомерно отдаляется от США и своих европейских партнеров, а с другой — сохраняет членство в ключевом стратегическом военно-политическом блоке НАТО и использует его в качестве средства оказания давления на своих партнеров. В соответствии с логикой Анкары, отныне весь остальной мир должен быть частью турецких проектов и инициатив, а не наоборот. Учитывая стратегическую роль Анкары как форпоста НАТО (и США) на Ближнем Востоке, западный мир оказался в ситуации, при которой он не может прямо возразить Турецкой Республике, вследствие чего вынужден терпеливо наблюдать непоследовательную политику своего «союзника», включая неприсоединение к антироссийским санкциям после начала Москвой специальной военной операции (СВО) на Украине и идущее вразрез решение о покупке российских систем С-400, несовместимых с комплексами НАТО.

Иной подход превалирует в отношениях Турции с Россией. Инцидент со сбитым в 2015 г. российским бомбардировщиком, сопровождавшийся сильнейшим со времен российско-турецких войн регрессом двусторонних отношений, серьезно ударившие по экономике Турции санкции и отсутствие поддержки со стороны США и Европы научили Турцию не испытывать терпение таких партнеров, как Москва, и стремиться искать с ними компромиссы.

Однако компромиссное взаимодействие России и Турции только начинает складываться и сочетается с *политикой односторонности* — стремлением угодить всем партнерам по диалогу, сохранив для себя ключевые преференции, что можно рас-

¹⁵ Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Kalın: Batı, dünyanın geri kalanına yabancılaşıyor // Anadolu Ajansı. 04.05.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskanligi-sozcusu-kalin-bati-dunyanin-geri-kalanina-yabancilasiyor/2889327> (accessed: 18.06.2023).

смагивать в качестве расширения политики по нейтрализации проблем, отныне затрагивающей не только географических соседей, но и соседей по интересам. Так, антисанкционные «уступки» Турции омрачаются мерами по приостановке действия на территории страны российских карт «Мир», принятыми под давлением Запада; «нейтральная» позиция в конфликте по Украине — поставками киевскому режиму вооружений, в частности ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Bayraktar TB2 и заявлениями о необходимости сохранения территориальной целостности Украины (Демешко, Ирхин, 2022, с. 760) с возвращением последней Крыма¹⁶.

За успешным сотрудничеством в области безопасности (Чмырева, 2021, с. 229) в сирийском Идлибе, в свою очередь, скрываются противоречия в области борьбы с терроризмом: Москва и Анкара имеют разные подходы к определению террористических групп и борьбе с ними. В частности по этой причине стороны испытали затруднение в отделении террористов от нетеррористов на севере Сирии в 2019 г.: Анкара настаивает на зачистке территории от Рабочей партии Курдистана, официально признанной в Турции террористической, в то время как Россия не рассматривает эту организацию в качестве таковой. Со своей стороны Анкара взаимодействует с «Братьями-мусульманами» — организацией, признанной террористической и запрещенной в России, что осложняет сотрудничество в данной области.

Помимо перечисленного принципиально важным достижением Турции на международной арене является осуществляемый ею экспорт «турецкости», который только входит в фазу своего развития. Анкара экспортирует как материальные, так и нематериальные объекты — например, идейно-ценностные концепты и туркоцентричные логики, о которых говорилось ранее. В июне 2022 г. ООН по запросу Анкары официально переимено-

вала страну, дав ей оригинальное турецкое название — Türkiye¹⁷ — при условии отсутствия в английском алфавите как минимум буквы, аналогичной турецкой *ı*. С того времени на турецкий лад перешла и внешнеэкономическая деятельность, а все экспортируемые из страны товары теперь снабжаются соответствующей маркировкой *Made in Türkiye*.

Отдельный прорыв Турецкая Республика совершила в области кинематографии, постепенно став новым Голливудом на стыке Европы и Азии. Турецкие сериалы пользуются популярностью далеко за пределами страны, а к кинопродуктам турецкого производства проявляют интерес такие крупные развлекательные компании, как американская Netflix, открывшая в Турции свое представительство и предоставившая возможность показа многосерийных турецких фильмов в 190 странах. В декабре 2022 г. опрос компании выявил, что просмотр турецких сериалов на платформе повышает интерес пользователей как к изучению турецкого языка, так и к самой Турции¹⁸. Кроме того, помимо культурной экспансии, в 2021 г. сотрудничество с Netflix принесло турецкой экономике 583 млн турецких лир и обеспечило занятость более 3 300 человек¹⁹.

При этом даже в рамках такого взаимодействия Анкара стремится влиять на партнеров и продвигать свои ценности. Еще в 2020 г. Высший совет по радио и телевидению Турции (RTÜRK) потребовал от компании запретить показ французского фильма «Милашки», повествующего о мусульманке,

¹⁷ BM onayladı; Türkiye ismi resmileşti // TRT Haber. 01.06.2022. URL: <https://www.trthaber.com/haber/dunya/bm-onayladi-turkiye-ismi-resmilesti-684939.html> (accessed: 24.06.2023).

¹⁸ Netflix: Dünyanın Türkiye'ye ilgisi katlanarak artıyor // Anadolu Ajansı. 26.12.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/sirkethaberleri/kultur-sanat/netflix-dunyanin-turkiyeye-iligisi-katlanarak-artiyor/677722> (accessed: 24.06.2023).

¹⁹ Netflix dizilerden Türkiye ekonomisine 583 milyon liralık katkı // Anadolu Ajansı. 22.11.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/sirkethaberleri/hizmet/netflix-dizilerinden-turkiye-ekonomisine-583-milyon-liralik-katki/669083> (accessed: 24.06.2023).

¹⁶ Дмитрова Д. Президент Турции Эрдоган заявил о необходимости вернуть Крым Украине // Gazeta.ru. 23.08.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/08/23/18394622.shtml> (дата обращения: 29.08.2023).

снявшей религиозную одежду. Такое решение объяснялось возможностью негативного влияния на «психосоциальное развитие детей»²⁰. Кроме того, ряд других картин в разное время подвергались в Турции критике за упоминание геноцида армян, сексуальное содержание и пропаганду нетрадиционных ценностей. Таким образом, запрещая «неправильные» фильмы на своей территории, Турецкая Республика успешно продвигает собственную киноиндустрию, а вместе с ней и «правильную» культурную картину — в равной степени «нетрадиционную» для ряда, например, западных стран — на зарубежных площадках.

В России филиалом турецкой кинематографии стал телеканал «Домашний», на постоянной основе транслирующий сериалы, произведенные в Турции, в частности историческую драму «Великолепный век». Кроме того, в 2018 г. в ротацию федерального «Первого канала» попала совместная русско-турецкая многосерийная историческая мелодрама «Султан моего сердца», а в конце 2022 г. стало известно о намерении компании «Медиаслово» в сотрудничестве с онлайн-кинотеатром Okko и холдингом «Газпром-медиа» снять адаптацию турецкой романтической комедии «Постучись в мою дверь»²¹. При этом кинокартины турецкого авторства можно также увидеть среди других продуктов развлекательной программы «Аэрофлота», являющейся крупнейшим авиаперевозчиком по России.

Эпоха президентства Р.Т. Эрдогана также запомнится переходом Турции из статуса страны — импортера западных вооружений к всемирно узнаваемому экспортеру национальной техники, формирующему протурецкие связи в области безопасности. Визитной карточкой экспортируемой «турецкости» в сфере военной промышленности и технологий

стали прежде всего БПЛА Bayraktar TB2, пользующиеся популярностью на пространстве бывшего СССР. При этом в Азербайджане произошло «укоренение» производителя в виде открытия там представительства компании-производителя Baykar Makina²², о намерении построить заводы по производству ударных дронов данного типа также неоднократно заявляли в Казахстане и на Украине.

В 2023 г. Турция также вышла на международный автомобильный рынок, выпустив электрокары TOGG национального производства и подарив первые модели лидерам «братских» Азербайджана и Узбекистана. При этом Р.Т. Эрдоган назвал выпуск машины осуществлением 60-летней мечты нации, выразив надежду, что турецкий электрокар станет брендом не только национального, но и мирового масштаба²³.

Заключение

Обобщая сказанное, следует вновь обратиться к антропологической теории международных отношений, в рамках которой за 100 лет своего существования Турция из малого государства-подростка, возникшего на обломках мировой войны и только подавившего эмоциональные всплески в виде национально-освободительного движения, выросла во «взрослое» государство с устойчивым мировоззрением, четкими национальными интересами и целями.

Во внешней политике Турецкая Республика выработала ряд идеологем и идейно-ценностных концептов, помогающих ей претворять в жизнь ее ключевые нужды на международной арене, которые в действительности схожи с человеческими. Взяв за основу «пирамиду потребностей» человека

²⁰ Власти Турции потребовали от Netflix отменить показ фильма «Милашки» // РИА Новости. 04.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200904/zapret-1576704307.html> (дата обращения: 27.06.2023).

²¹ Адаптацию сериала «Постучись в мою дверь» снимут в России // Lenta.ru. 22.12.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/12/22/knock_rus/ (дата обращения: 30.06.2023).

²² В Азербайджане появилось представительство производителя Bayraktar // Lenta.ru. 26.12.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/26/azerbpla/> (дата обращения: 19.08.2023).

²³ Togg'da ilk teslimat Cumhurbaşkanı Erdoğan'a: Türkiye Yüzyılı'nın ilk meyvelerinden Togg hayırlı olsun // Yeni Şafak. 03.04.2023. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/toggda-ilk-teslimat-cumhurbaskani-erdogana-turkiye-yuzyilinin-ilk-meyvelerinden-togg-hayirli-olsun-4520380> (accessed: 04.06.2023).

Рис. 1. Иерархия идей Турции через призму пирамиды потребностей А. Маслоу

Источник: составлено авторами на основе: (Maslow, 1954).

А. Маслоу и проецируя ее на конкретное антропологическое государство (в данном случае — Турцию), можно выделить следующую пирамиду идей Турецкой Республики, созданных для реализации первичных — жизненно важных (обеспечивающих суверенитет) — и вторичных (отвечающих за статус страны в международной среде) потребностей (рис. 1).

Так, «физиологические» потребности для государства означают его суверенное существование в своих границах и внутривнутриполитическую стабильность без потрясений, таких как антивластные перевороты, социально-экономические кризисы и т. п. В случае Турции за право на государственные границы, которые в ее понимании шире обозначенных на карте, отвечает продвигаемая в массы «воображаемая география», что, в свою очередь, по-турецки справедливо.

Политическую стабильность частично закрывает формирующийся «эрдоганизм», поскольку Турция, будучи незападным человекоориентированным государством, нуждается в сильном лидере, который способен сплотить турецкое общество. Однако до тех пор, пока в сознании граждан жив кемализм, полностью уберечь Турцию от расколов и критики лидера не удастся. Кроме того, Анкара имеет очевидный идейный пробел в сфере экономики при изобилии идейных

концептов в области внешней политики, что периодически ввергает ее в серьезные кризисы, не позволяя удовлетворить жизненно важные нужды.

Государственная безопасность в широком смысле заключается в отсутствии угроз, что для Турции означает ликвидацию, по ее мнению, террористических элементов как основной угрозы жизнедеятельности. Данная проблема решается Анкарой через «мягкий милитаризм» — посредством проведения трансграничных операций в соседних регионах, зачистки границ от нежелательных и потенциально опасных элементов и развития надежных национальных вооружений и техники.

Реализация социальных потребностей происходит за счет взаимодействия Турции с государствами Востока, вынужденного партнерства с западным миром и многовекторности в своих интересах. Иными словами, Турецкая Республика развивает необходимые связи и налаживает контакты с другими акторами внешнеполитического процесса для успешного пребывания в международно-политическом «социуме» в качестве активного игрока и инициатора интеграционных процессов, а не страны-изгоя.

Признание достигается Турцией за счет осуществления целого ряда идей: идеологии хаба для становления, в первую очередь, в

качестве транзитно-газовой державы и многопрофильного центра притяжения, политики экспорта «турецкости», которая способствует восприятию Турции как военно мощного актора, культурного и туристического центра, а также надежного производителя и экономического партнера.

Примечательно при этом нахождение на данной ступени антизападного дискурса как отдельной идеи, которая для субъектов незападного мира служит инструментом признания Турции в качестве свободного независимого государства и лидера, имеющего возможность не соглашаться с гегемонистским Западом, что тем самым повышает ее авторитет как среди упомянутых стран, так и среди других членов мирового сообщества.

Апогеем «пирамиды потребностей» является самореализация, которая в пирамиде турецких идей проявляется за счет возникновения «неоосманизма» как общего свода идей Турции, с помощью которого она реализуется в мире как постимперская держава с весомым историческим наследием, один из лидеров «мира ислама» и обширного этнокультурного пространства — «тюркского мира». При этом некоторые составляющие идейной турецкой пирамиды переходят из одной ступени в другую и взаимно дополняют друг друга.

Так, например, за становление Турции как надрегионального актора отвечает в том числе концепт справедливости, в рамках которого на ступени самореализации Турцией продвигается идея о «мире больше пяти», а на первом, базовом этапе справедливость меняет

свое содержание, помогая Анкаре отстаивать право на влияние в пределах «родственных» (в ее представлении) территорий. Одна и та же идея, таким образом, может служить для реализации разного типа потребностей.

Таким образом, по прошествии 100 лет Турция научилась успешно реализовывать свои вторичные потребности, но имеет серьезные проблемы с восполнением первичных, таких как экономическая стабильность, которая по цепной реакции может спровоцировать рост социальных волнений, тем самым обрушив турецкую «пирамиду» у основания. Выработанные Турцией идейно-ценностные концепты и осуществляемая на их основе политика направлены в основном в сферу внешнеполитической активности. Поскольку Турецкая Республика стремится попасть в ранг мировых держав, идеальный для нее сценарий предполагает восполнение потребностей снизу вверх, а не сверху вниз, что объясняется необходимостью внутривнутриполитической устойчивости для достижения успехов во внешней среде.

Однако реальная картина мира складывается иначе, и не все государства даже мирового масштаба демонстрируют внутривнутриполитическую и, более того, экономическую стабильность. По этой причине Турецкая Республика имеет шансы выйти на уровень условно-надрегиональных государств, которым, тем не менее, все еще сложно существовать в международно-политическом «социуме» без поддержки других, более значимых по весу, участников мирового сообщества.

Поступила в редакцию / Received: 06.07.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 06.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. 2022. № 4 (1694). С. 21—26.
- Аватков В. А., Гузаеров Р. И. Сирийский кризис во внешней политике Турции // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 115—125. <http://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-1-111-125>
- Баталов Э. Я. Антропология международных отношений. Москва : Аспект Пресс, 2019.
- Бдоян Д. Г. Российско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке // Обозреватель. 2017. № 6 (239). С. 23—33.
- Гузаеров Р. И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // Международные отношения. 2022. № 2. С. 1—17. <http://doi.org/10.7256/2454-0641.2022.2.37854>
- Демешко Н. Э., Ирхин А. А. Турецкая Республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 755—770. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770>

Дружиловский С. Б. О внутренних причинах политической нестабильности Турецкой Республики // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 47, № 2. С. 15—21.

Евстафьев Д. Г., Ильницкий А. М. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 4 (104). С. 58—68.

Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 91—107. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>

Киреев Н. Г. История Турции: XX век. Москва : Крафт+, 2007.

Крылов Д. С., Останин-Головня В. Д. Незападные модели демократии на Арабском Востоке: идейно-ценностный аспект // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1 (117). С. 289—319.

Курьлев К. П., Еномян А. В. Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»: трудности, успехи и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1 (1). С. 77—101.

Майорова М. А. Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 3. С. 69—83. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.03.04>

Мозлов А. Т. Россия, Турция и Иран на пути к региональному лидерству в региональном раскладе сил // Восточный альманах / под ред. М. Г. Троянского. Москва : Квант Медиа, 2021. С. 73—78.

Надеин-Раевский В. А. Р. Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 138—154. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>

Цибенко В. В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции // Международная аналитика. 2022. Т. 13, № 3. С. 130—144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>

Чмырева В. А. Украина, Турция, Великобритания: контуры сотрудничества, риски и возможности для России // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 3. С. 226—233.

Altun F. Küresel Belirsizlik Çağında İstikrarlaştırıcı Güç Türkiye. İstanbul : Paradigma Yayınları, 2022.

Çakır N. Türkiye'nin Güvenliği ve Terörizm. Ankara : Korza Yayıncılık, 2013.

Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul : Küre Yayınları, 2001.

Erdoğan R. T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. İstanbul : Turkvaz Kitap, 2021.

James W. The Principles of Psychology. Vol. 1. New York : Dover Publications, 1950.

Karpat H. K. Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset. İstanbul : Timaş Yayınları, 2019.

Maslow A. H. Motivation and Personality. New York : Harper and Row, 1954.

Yilmaz I., Bashirov G. The AKP after 15 Years: Emergence of Erdoganism in Turkey // Third World Quarterly. 2018. Vol. 39, no. 9. P. 1812—1830. <http://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447371>

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам, Российская академия наук; ORCID: 0000-0002-6345-3782; e-mail: v.avatkov@gmail.com

Сбитнева Алина Игоревна — научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам, Российская академия наук; ORCID: 0000-0002-9196-9348; e-mail: a_sbitneva@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-609-619

EDN: OAGJTR

Научная статья / Research article

Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002—2022 гг.

А.В. Еномян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 enokyan-av@rudn.ru

Аннотация. Пройдя непростой путь критики и обоснования, концепция «мягкой силы» нашла свое место в международной академической среде и дала новое дыхание и творческую мотивацию для важных научных исследований в сфере международных отношений, цель которых — создание новых концепций, способных ответить на вызовы современного мироустройства. Наряду с мировыми державами данную концепцию решительно подхватила и Турция, у которой были исторические, культурные и географические ресурсы для ее практического воплощения. Многочисленность соседей и непростая история взаимоотношений вынуждают Анкару основываться не только на традиционных путях ведения дипломатии, но и находить другие формы для успешной реализации своих внешнеполитических интересов. По сравнению с внешней политикой Турции до 2002 г. «мягкая сила» страны с приходом к власти Партии справедливости и развития заметно возросла и стала одним из приоритетных направлений ее внешнеполитической стратегии. При этом важно, что государственные и негосударственные институты, являющиеся основными инструментами данной политики, не конкурируют, а успешно дополняют друг друга. Турция амбициозно стремилась к созданию собственной оригинальной модели «мягкой силы» с акцентом на историческое наследие и культурную общность. Инструментарий Турции в реализации своей «мягкой силы» достаточно обширный. Турция перенимает передовой опыт ведущих международных акторов и активно внедряет собственные подходы и понимания с акцентом на культуру, государственные и негосударственные некоммерческие организации, религиозные организации, образовательную политику. В этом контексте политика «мягкой силы» для Турции оказалась очень жизнеспособной и привлекательной. Потенциал «мягкой силы» Турции, который успешно проявляется от Балкан и Ближнего Востока до Кавказа и Центральной Азии, имеет серьезные культурно-исторические основания и способствует продвижению интересов Анкары в зонах особых интересов. За последние два десятилетия политика «мягкой силы» Турции, которая опирается на историко-культурные и религиозные традиции, географические и экономические ресурсы, стала одним из главных направлений ее внешней политики.

Ключевые слова: культурная дипломатия, внешняя политика, Партия справедливости и развития, региональное лидерство, историческое наследие

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Еномян А. В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002—2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 609—619. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-609-619>

© Еномян А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Importance of Soft Power in Türkiye's Foreign Policy in 2002—2022

Artyom V. Yenokyan

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 enokyan-av@rudn.ru

Abstract. After a difficult path of criticism and justification, the concept of soft power has found its place in the international academic environment and has given a new breath and creative motivation to important scientific research in the field of international relations, which aims to create new concepts that can respond to the challenges of the modern world order. Along with the world powers, this concept was thoroughly taken up by Türkiye, which had the historical, cultural and geographical resources to put it into practice. A large number of neighbors and a complicated history of relations force Ankara not only to rely on traditional ways of diplomacy, but also to find other forms for the successful realization of its foreign policy interests. Compared to Turkish foreign policy before 2002, Türkiye's soft power has increased significantly since the Justice and Development Party came to power and has become one of the priorities of its foreign policy strategy. It is important to emphasize that state and non-state institutions, which are the main instruments of this policy, do not compete with each other but successfully complement each other. Türkiye has ambitiously sought to create its own original model of "soft power," with an emphasis on historical heritage and cultural commonality. Türkiye's toolkit for realizing its soft power is quite extensive. Türkiye adopts the best practices of leading international actors and actively implements its own approaches and understandings with a focus on culture, state and non-state organizations, and education policy. In this context, soft power policy for Türkiye has proven to be very viable and attractive. Türkiye's soft power potential, which has been successfully manifested from the Balkans and the Middle East to the Caucasus and Central Asia, has serious cultural and historical foundations and contributes to the promotion of Turkish interests in areas of special interest. Over the past two decades, Türkiye's soft power policy, which is based on historical-cultural and religious traditions, geographical and economic resources, has become one of the main directions of its foreign policy.

Key words: cultural diplomacy, foreign policy, Justice and Development Party, regional leadership, historical heritage

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Yenokyan, A. V. (2023). The importance of soft power in Türkiye's foreign policy in 2002—2022. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 609—619. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-609-619>

«Мягкая сила» во внешней политике Турции в XXI в.

Концепция «мягкой силы» для многих стран сделала возможным достижение своих внешнеполитических целей без использования «жесткой силы» с рисками конфликтных столкновений. Наряду с мировыми державами данную концепцию начала реализовывать и Турция. Географическое выгодное расположение дает возможность стать активным участником практически всех региональных процессов. Географическое положение также определяет и соседство Турции с другими странами. В современном мире восемь государств имеют общие сухопутные границы с Турецкой Республикой: Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Иран, Ирак, Сирия; четыре — находятся в прибрежных

зонах морей, омывающих Турцию: Республика Кипр, Румыния, Россия и Украина. Многочисленность соседей и непростая история взаимоотношений вынуждает Анкару основываться не только на традиционных путях ведения дипломатии, но и находить другие формы для успешной реализации своих внешнеполитических интересов.

Для Турции концепция «мягкой силы» оказалась очень жизнеспособным и привлекательным явлением. Турецкий подход видения «мягкой силы» во внешней политике получил концептуальную форму во время правления Партии справедливости и развития (ПСР) (*Adalet ve Kalkınma Partisi*), которое продолжается с 2002 г.

Для понимания места «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе Турции необходимо исследовать основные стратегии ее

внешней политики, начиная с концепции Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» до предвыборных манифестов, правительственных программ и новых подходов во внешней политике ПСР.

«Мягкая сила» Турции по своей форме и содержанию во многом отличается от опыта других стран. Потенциал турецкой «мягкой силы», реализуемой от Балкан и Ближнего Восток до Кавказа и Центральной Азии, имеет серьезные культурно-исторические основания. Турция не представила отдельную доктрину или внешнеполитическую концепцию «мягкой силы», однако культурная дипломатия и важность продвижения положительного имиджа Турции выделялись почти во всех доктринах, концепциях и документах, которые будут рассмотрены ниже.

«Стратегическая глубина» Ахмета Давутоглу и переосмысление турецкой внешней политики

Следует особо подчеркнуть, что после 2002 г., когда в Турции правящей партией стала Партия справедливости и развития, возросла необходимость в обеспечении теоретических основ внешней политики нового руководства. Инициатором нового внешнеполитического курса стал профессор политических наук Ахмет Давутоглу, который при создании новой концепции основывался на своей книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» (*Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu*), изданной в 2001 г.

По мнению А. Давутоглу, турецкое понимание геополитики было слишком узким и статичным из-за отсутствия динамических переосмыслений в разные периоды истории и именно после холодной войны возникла необходимость в новых подходах (Davutoğlu, 2001, p. 116). Разработками новых концепций и занялся ученый. Одним из основных выводов А. Давутоглу помимо рассмотрения геополитического актива для постепенного преобразования регионального влияния Анкары на международную среду является то, что Турция параллельно с развитием

отношений с ведущими державами должна совершенствоваться и углублять культурную и экономическую дипломатию для достижения своих внешнеполитических целей (Davutoğlu, 2001, p. 116). Автор предлагал строить новую политику Турции на шести фундаментальных принципах. Однако в этих принципах политика «мягкой силы» не занимала отдельного места, а была неотъемлемой частью подхода в целом. В дальнейшем А. Давутоглу будет раскритикован за недостаточное внимание к «мягкой силе» (рис. 1).

А. Давутоглу анализирует предыдущие концепции силы Турции и приходит к выводу, что они были ошибочны главным образом из-за отсутствия стратегии и теории и предлагает формулу силы, где Сила (*power*) = основные параметры (*constant parameters*, CP) — культура, история, география, население + возможные параметры (*potential parameters*, PP) — экономические, технические и военные возможности + стратегическое мышление (*strategic mentality*, SM) + стратегическое планирование (*strategic planning*, SP) + политическая воля (*political will*, PW) (Davutoğlu, 2001, p. 17).

А. Давутоглу особое внимание уделяет изучению исторического фактора и его места в формировании международного положения Турции, начиная с Османской империи и вплоть до начала XXI в. Здесь важным периодом считается окончание холодной войны, когда стало очевидно, что Турция оказалась психологически и стратегически не подготовлена к глобальным и региональным изменениям и что необходим пересмотр культурной, экономической, региональной, политической стратегии в соответствии с новыми реалиями (Davutoğlu, 2001, pp. 73—74).

При детальном рассмотрении можно понять, что предложенные А. Давутоглу идеи для внешней политики Турции в отношении организации региональной политики для Балкан, Кавказа, Ближнего Востока, Центральной Азии и Европы во многом стали реализовываться с 2002 г. при новой правящей Партии справедливости и развития (Aras, 2009, pp. 8—18).

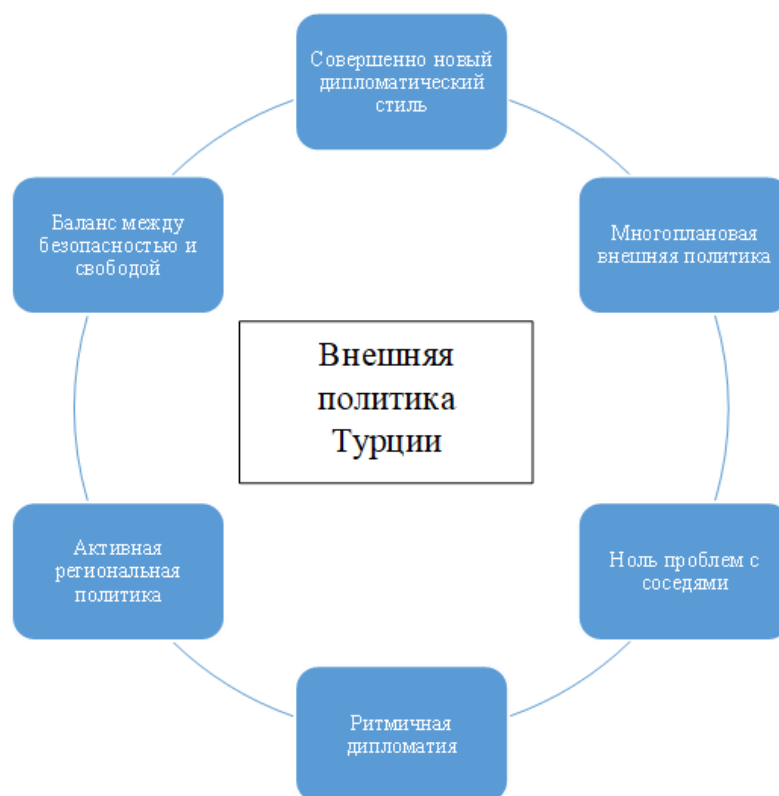

Рис. 1. Шесть фундаментальных принципов внешней политики Турции

Источник: составлено автором на основе статьи: Yeni Dönemde Sıfır Sorun Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/yeni-donemde-sifir-sorun-politikasi.tr.mfa> (accessed: 12.02.2022).

Некоторые турецкие исследователи, в свою очередь, согласны с тем, что осознание своего потенциала и мощи у Турции начинается не с 2002 г., так как еще администрация Т. Озала и министр иностранных дел в 1997—2002 гг. Исмаил Джем отмечали и даже делали шаги в направлении усиления внешнеполитического присутствия Турции на региональном и международном уровнях посредством не только политических и экономических, но и культурных, исторических и языковых инструментов (Özdal, Dinçer & Yegin, 2010, p. 271).

О «Стратегической глубине» А. Давутоглу рассуждали многие исследователи в целом. Так, например, Н. Данфорт (Danforth, 2008, p. 91), А. Муриinson (Murinson, 2006, p. 947) считают, что центральными компонентами, составляющими данную стратегию, являются географические и исторические факторы. В свою очередь Ф.С. Ларраби и А. Рабаса по этому поводу отмечают:

«Основная идея доктрины „стратегической глубины“ заключается в том, что значение государства в международных отношениях зависит от его геостратегического положения. Концепция подчеркивает важность османского прошлого Турции, ее историко-культурную связь с Балканами, Ближним Востоком и Центральной Азией» (Rabasa & Larrabee, 2008, p. 75).

Международная пресса в свою очередь тоже прокомментировала новую доктрину правящей партии Турции. Так, в британском издании *The Economist* было отмечено, что «стратегическая глубина объявляет о создании турецкой зоны политического, экономического и культурного влияния, прежде всего среди соседей (многие из которых — части бывшей Османской империи) на Балканах, Южном Кавказе и Ближнем Востоке»¹.

¹ Dreams from Their Fathers // *The Economist*. July 23, 2009. URL <https://www.economist.com/europe/2009/07/23/dreams-from-their-fathers> (accessed: 09.11.2022).

Доктрина «Ноль проблем с соседями» и продвижение турецкой политики «мягкой силы» в соседних государствах

Политика «мягкой силы» также нашла свое концептуальное отражение в известной доктрине «*Ноль проблем с соседями*», основные постулаты которой содержались в новой статье А. Давутоглу, опубликованной в журнале *Foreign Policy*².

После вступления на должность министра иностранных дел в 2009 г. А. Давутоглу объявил, что внешняя политика Турции строится на трех основах: первой — является сама процветающая Турция, которая станет одним из ведущих государств мира, вторая основа — взаимоотношения с соседями и продвижение культурной дипломатии, где Турция должна добиться *отсутствия проблем с соседями* и выстраивать максимально выгодные отношения с ними, а третья — связана с тем, что Турция должна взять на себя глобальную ответственность и участвовать во многих международных процессах³.

Важным методологическим принципом, определенным А. Давутоглу, стало «принятие нового дискурса и дипломатического стиля», который в дальнейшем автор назовет подходом «мягкой силы», отмечая: «Несмотря на то, что Турция имеет мощные вооруженные силы из-за небезопасного соседства в регионе, она не выступает с угрозами. Вместо этого турецкие дипломаты и политики приняли на вооружение новый язык в региональной и международной политике, который отводит центральное место интересам Турции»⁴.

Один из принципов внешней политики А. Давутоглу — «ноль проблем с соседями» —

оказался самым популярным в академической и журналистской среде. Этот принцип лучше всего соотносился с концепцией «мягкой силы», в рамках которой Турция должна была нормализовать свои взаимоотношения с соседями, опираясь на культурные, исторические и экономические связи (Енокян, Станис, 2022, с. 789—792). Директор Центра США и Европы Проекта «Турция» (*Turkey Project*) Кемал Киришчи объясняет этот принцип следующим образом: «Переосмысление и попытка решения двусторонних проблем путем активного развития более тесных отношений с соседями» (Kirişci, 2006, p. 50). Другие ученые приписывают этому принципу более широкие рамки и характеризуют его как новую политику соседства (Ünlühisarçıklı, 2009, p. 77), которая подразумевает нормализацию отношений со всеми странами-соседями с использованием различных внешнеполитических инструментов.

Используя вышеуказанные концепции, Турция стремится к повышению своей эффективности на международной арене, а с созданием теоретической основы турецкая дипломатия после 2001 г. начала активно внедрять новые идеи в свою внешнюю политику, поскольку в концепциях А. Давутоглу потенциал «мягкой силы» раскрывается не в полной мере.

«Мягкая сила» в трудах турецкого научного сообщества

О недостаточной изученности «мягкой силы» турецким научным сообществом пишет крупный исследователь — профессор Университета Анкары доктор Баскын Оран. Анализируя труды Б. Орана, турецкий ученый Х. Чомак отмечает: «Турецкая политическая мысль не уделяет должного внимания „мягкой силе“ и при оценке внешней политики Турции мы можем заметить, что данная концепция обсуждается время от времени и используется не в полной мере» (Çomak, 2011, p. 76). По мнению исследователя, Турция, которая стала значимее и сильнее благодаря своей развивающейся военной мощи, а также региональной и международной

² См.: Davutoğlu A. Turkey's Zero-problems Foreign Policy // *Foreign Policy*. May 23, 2010. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (accessed: 18.06.2022); Dreams from Their Fathers // *The Economist*. July 23, 2009. URL: <https://www.economist.com/europe/2009/07/23/dreams-from-their-fathers> (accessed: 09.11.2022).

³ Davutoğlu A. Turkey's Zero-problems Foreign Policy // *Foreign Policy*. May 23, 2010. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (accessed: 18.06.2022).

⁴ Ibid.

экономической активности, сможет и дальше развивать успехи, если продолжит опираться на политику «мягкой силы», которая представит Анкаре новые возможности и перспективы (Çomak, 2011, p. 76).

Свое видение турецкой «мягкой силы» представляет ученый, государственный деятель и дипломат И. Калын, который делает вывод, что «мягкая сила» Турции по своим методам отличается более высокой моралью по сравнению с «мягкой силой» других государств. Он также отмечает, что Турция обладает уникальными ресурсами и ценностной системой, что позволяет ей не применять американское видение «мягкой силы» как метод «кнута и пряника». По его мнению, Турции чужды такие методы, так как она конструирует свою «мягкую силу», основываясь на более важных представлениях, таких как историческая память, мораль и культурная связь (Kalin, 2011, pp. 5—23). И. Калын представляет основу турецкой политики «мягкой силы», которая опирается на методично улучшающуюся репутацию на Балканах, Ближнем Востоке и Кавказе. Страна применяет новую концепцию, не только полагаясь на своих союзников, но и развивая возможности для привлечения новых акторов для успешной реализации своей «мягкой силы» на региональном и международном уровнях.

Задача Турции — с помощью новых стратегий создать свой привлекательный имидж для широкой аудитории по всему миру, одновременно с этим преодолеть свои старые страхи и приобрести новый облик для трансформации собственной внутренней и внешней политики (Kalin, 2011, p. 5). Ученый также отмечает, что для Турции одним из важнейших столпов «мягкой силы» является османское наследие, в создании которого, как утверждают турецкие и иностранные авторы, важную роль играли турки, курды, боснийцы, албанцы, черкесы, абхазы, арабы, азербайджанцы, казахи, киргизы, узбеки, туркмены, а также представители других этносов: армяне, греки, евреи, ассирийцы (Kalin, 2011, p. 10).

Сегодня Турция является основным хранителем османского наследия, которое когда-то объединяло разные этнические

группы. Однако здесь не все исследователи солидарны в том, что «мягкая сила» Турции — это новая форма неоосманства, некоторые из них полагают, что с учетом новых возможностей и тенденций в глобальной политике позволительно применять исторические, культурные и географические факторы для достижения внешнеполитических целей. Именно в этом контексте Турция гармонично сочетает концепцию «мягкой силы» с собственным видением продвижения и воплощения внешнеполитических задач (Bilgin & Eliş, 2008).

При изучении турецкой «мягкой силы» многие российские и зарубежные исследователи особо выделяют религиозно-культурную основу в отличие от А. Давутоглу, который акцентирует внимание на культуре, историческом прошлом и региональной активности (Rabasa & Larrabee, 2008, p. 75). В этой связи современный исследователь Ахмет Эрди Озтюрк подчеркивает, что Турция на протяжении всей своей истории использовала ислам в качестве инструмента и во внутренней, и во внешней политике. При ПСР страна отдает особый приоритет именно исламским ценностям и активно использует этот рычаг во внешней политике (Ozturk, 2021, p. 38).

Исламский фактор выделяют также российские исследователи, которые анализируют возрождение ислама в странах Центрально-азиатского региона и стремление Турции посредством этого фактора усилить свою роль в тюркоязычном мире (Москаленко, 2021, с. 129).

Некоторые турецкие исследователи, делая акцент на важности демократических институтов для проведения политики «мягкой силы», отмечают, что в случае Турции исламский фактор играет положительную роль, так как страна благодаря развитию демократических процессов в какой-то степени стала привлекательным образцом для многих стран Ближневосточного региона (Bilgin & Eliş, 2008). С этим не соглашается А.Э. Озтюрк, который приводит периодизацию событий, повлиявших на внешнюю политику Турции, выделяя усиление авторитаризма в правящей элите, отрицательное влияние этого усиления

на привлекательность Турции, в результате чего из-за внутривнутриполитических и внешнеполитических сотрясений страна все больше отходила от демократических ценностей (табл. 1).

Таблица 1

Политический путь Партии справедливости и развития в Турции и ее отношение к внутренней и внешней политике в 2002—2016 гг.

Период	Поворотные точки	Характер внутренней и внешней политики партии
2002—2008 гг.: <i>состояние выживания</i>	Военный меморандум в Турции (2007) Усиление Народно-республиканской партии	Оборонительно-реакционный
2008—2013 гг.: <i>поглощение и узурпация власти</i>	Деятельность организаций Ergenekon и Balyoz Операции против Ассоциации обществ Курдистана (курд. <i>Koma Civakên Kurdistanê</i>)	Активно-стратегический
2013—2016 гг.: <i>период вызовов</i>	Протесты на площади Таксим и в парке Гези Коррупционные скандалы и расследования 17—25 декабря	Реакционно-агрессивный
2016 г.: <i>гегемония</i>	Неудавшаяся попытка переворота 15 июля	Агрессивный

Источник: (Ozturk, 2021).

Исследователь Седат Лачинер дополняет своих коллег и выделяет фактор СМИ и медиа в «мягкой силе» Турции: «Другие элементы „мягкой силы“ для Турции находятся в сфере СМИ и культуры. Культурная продукция Турции соответствует потребностям региона. Благодаря турецкой культурной продукции многие люди в регионе воспринимают турецкий образ жизни как образец для подражания» (Lachiner, 2010).

Основные инструменты и институты турецкой политики «мягкой силы»

Для достижения поставленных внешнеполитических целей Турция опирается на культуру как основной инструмент «мягкой силы». Культурные ценности распространяются государством как внутри страны, так и

за ее пределами, что помогает завоевать уважение и привлекательность среди населения других стран.

Идея «привлекательности» всецело продвигалась правительством ПСР с помощью внутренних и внешних институтов, а популярность культуры была принята в качестве приоритета «мягкой силы». Одним из аргументов, выдвигаемых в пользу роста значимости «мягкой силы» в период правления ПСР, является то, что в это время наблюдался рост привлекательности турецкой культуры в соседних странах и регионах. В дальнейшем многими исследователями было отмечено, что турецкая культура посредством своего потенциала смогла стать основным инструментом турецкой модели «мягкой силы».

Необходимо выделить основные организации и площадки, с помощью которых турецкое государство прямо или косвенно реализует политику «мягкой силы». Наиболее активными и успешными структурами, через которые распространяется турецкое влияние, являются Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию, Организация тюркских государств, Институт Юнуса Эмре. Важнейшей из этих организаций считается Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY, ТЮРКСОЙ), которая реализует самые крупные проекты (Аватков, 2020, с. 227).

Международная организация тюркской культуры была основана в 1993 г. по инициативе Турции и тюркских стран Содружества Независимых Государств (Аватков, 2018, с. 11—15). Главной целью организации стало проведение культурных и творческих мероприятий, концертов для сохранения культурного наследия тюркских народов. Ежегодно ТЮРКСОЙ организует встречи художников, оперные фестивали, литературные конгрессы и другие форумы, которые уже стали традиционной площадкой обмена опытом для деятелей культуры и науки тюркского мира, а ключевой элемент, характеризующий деятельность организации, — продвижение в мировом сообществе понятия «тюркский мир». ТЮРКСОЙ нацелена на продвижение идеи братства и единства между всеми

тюркскими народами, распространяет подход общности тюркской культуры, отмечает важность сохранения этой культуры для новых поколений, тем самым используя «мягкую силу» и культурную дипломатию для усиления позиций Турции в разных регионах мира.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТІКА, ТИКА) было создано в 1992 г.⁵ Главная цель агентства — выстраивание выгодных отношений между турецкой стороной и зарубежными странами. Организация активно реализует различные образовательные программы и мероприятия, которые объединяют представителей тюркских народов по всему миру. Агентство со временем расширилось и вышло за рамки «тюркского мира», постепенно начав эволюционировать в сторону расширения географии «сотрудничества и развития» и охватив не только Центральную Азию и Кавказ, но и многие другие регионы мира (Белоглазов, Надыров, 2021, с. 1384).

Институт Юнуса Эмре, основанный в 2007 г., ведет свою основную деятельность в образовательной среде и активно распространяет турецкий язык практически по всему миру (Фролов, 2020, с. 96). В уставном документе Института говорится, что целью учреждения является «продвижение Турции, ее языка, истории, культуры и искусства... развитие дружбы с другими странами, расширение культурного обмена, предоставление соответствующей информации и документов внутри и за пределами страны»⁶. Институт финансирует и осуществляет различные образовательные мероприятия, главная цель которых — распространение турецкой культуры и турецкого языка. В частности, организация выделяет стипендии для обучения студентов в Турции и проводит различные летние школы, в рамках которых участники со всего мира в качестве *lingua*

franca используют турецкий язык (Нутфуллина, 2019). Со своей стороны Турция демонстрирует высокую заинтересованность в расширении образовательных, культурно-религиозных и экономических программ с помощью Института, укрепляя тем самым свои позиции в различных регионах по всему миру (Енокян, Закарян, Турава, 2021, с. 30).

Российские исследователи А.В. Аватков и Е.Е. Чулковская, проанализировав деятельность институтов Юнуса Эмре, пришли к выводу, что подобные учреждения представляют собой важный механизм лоббирования интересов Турции (Аватков, Чулковская, 2013, с. 120—123).

Для закрепления достигнутых успехов по инициативе Турции были созданы и другие специализированные органы. Так, в 2008 г. в Баку была основана *Парламентская ассамблея тюркоязычных стран*; в 2009 г. — *Совет сотрудничества тюркских государств* (ССТГ, Тюркский совет) (Каскарбаева, 2019), который состоит из пяти органов: Совета глав государств, Совета министров иностранных дел, Совета старейшин, Совета заслуженных деятелей внешнеполитических ведомств и Постоянного секретариата. Изначально программа организации была весьма обширной и амбициозной. Она включала в себя координацию деятельности участников в сферах культуры, экономики и политики. С 2009 г. ССТГ провел восемь саммитов.

На VIII саммите стран — членов ССТГ в Стамбуле в 2021 г. было принято решение переименовать совет в *Организацию тюркских государств*. Также был утвержден и принят итоговый документ «Видение тюркского мира — 2040», который является стратегическим документом, который «определяет будущее сотрудничество в различных областях, представляющих общий интерес для тюркского мира»⁷. Во время саммита президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил,

⁵ Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // TİKA. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (accessed: 18.06.2022).

⁶ Yunus Emre vakfi kanunu. Yunus Emre Enstitüsü // Mevzuat Bilgi Sistemi. 05.05.2007. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5653.pdf> (accessed: 14.04.2022).

⁷ Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств // ТАСС. 12.11.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12912505?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.04.2022).

что «тюркские страны на протяжении тысячелетий оставались центром культуры и цивилизации. Я уверен, что так будет и впредь»⁸.

Главными инструментами «мягкой силы» Турции являются образование, массовая культура и др., и с помощью этих инструментов турецкая «мягкая сила» активно внедряется во многие общественные сферы и продвигает позиции Турции. Одним из важных инструментов турецкой «мягкой силы» также является религия.

Управление по делам религии (*Diyanet*) является официальным государственным учреждением Турции и действует в качестве религиозной организации. Его целевая аудитория ограничивается практикующими мусульманами-суннитами.

Организация *Фетхуллаха Гюлена* до 2016 г. активно развивалась и интегрировалась в региональный контекст, избегая любых связей с религиозным экстремизмом, и действовала не только как образовательная, гуманитарная и деловая сеть, а также продвигала своих представителей в различные государственные структуры. До 2016 г. роль турецкого транснационального негосударственного актора — гюленистского движения — и его место в «мягкой силе» Турции были довольно весомыми. Однако после окончательного раскола между турецким правительством и Фетхуллахом Гюленом в 2016 г. это движение признано незаконным со стороны турецкого руководства. Как негосударственный религиозный актор оно было самым эффективным религиозным каналом для продвижения положительного образа Турции. Другие негосударственные религиозные организации и даже Управление по делам религии не смогли достичь подобных результатов и полностью занять вакуум, созданный в Азербайджане после ухода движения Ф. Гюлена после его запрета (Jödicke, 2017, p. 44).

⁸ Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств // ТАСС. 12.11.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12912505?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.04.2022).

В своей политике «мягкой силы» Турция, естественно, не отказывается от такого традиционного инструмента, как массовая культура, которая помогает реципиенту проще воспринимать идейное и ценностное послание, преломляющееся через призму ценностей самого реципиента. В этом контексте невозможно отрицать значимость радио, телевидения, новостных программ, печатной прессы (Зубкова, 2015. с. 52). В распространении положительного образа и конструировании привлекательности Турции особую роль играют турецкие телеканалы и телесериалы. Турция сегодня занимает второе место по экспорту сериалов, уступая лидирующую позицию лишь США⁹. По подсчетам турецкого агентства TRT, ежегодно турецкие сериалы смотрит около 400 млн человек¹⁰. Для Турции сериалы являются одним из альтернативных способов создания положительного имиджа.

Изначально турецкое правительство не предпринимало особых мер для стимуляции популярности сериалов — все проходило естественным образом. Однако как только руководство Турции заметило растущий потенциал и привлекательность этой индустрии, сериалы стали использоваться в рамках культурной дипломатии. Турецкие телеканалы особый акцент делают на создании исторических сериалов, с помощью которых у зрителя в разных точках мира зарождаются теплые чувства к османскому наследию. Наиболее лояльная аудитория образуется там, где люди максимально приближены к тюркской ментальности, исповедуют одну религию, а также имеют общее историческое прошлое в составе Османской империи.

Сериалы популярны также на постсоветском пространстве, где одним из самых известных стала историческая костюмированная сага «Великолепный век», повествующая о жизни султана Сулеймана I, его эпохе и завоеваниях¹¹.

⁹ Лоторева А. Сериалы — «мягкая сила» Турции // TRT на русском. 22.07.2020. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/serialy-myagkaya-sila-turcii-2309506> (дата обращения: 02.02.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Рис. 2. Основные столпы турецкой «мягкой силы»

Источник: составлено автором.

В попытке структуризации основных инструментов турецкой политики «мягкой силы» можно выделить следующие столпы (рис. 2).

Используя данные инструменты «мягкой силы», Турция продвигает свою внешнюю политику во многих регионах мира.

Заключение

Подводя итог анализу турецкой внешней политики, проводимой правительством ПСР, можно сделать вывод, что значение фактора «мягкой силы» существенно возросло. Если в первый срок своего правления ПСР была нацелена на обеспечение регионального лидерства страны, то уже после 2007 г., когда партия одержала очередную победу на выборах, она сосредоточила в своих руках главные рычаги власти и направила свою деятельность на выдвигание Турции в ряды мировых лидеров. Одним из важнейших успехов турецкой «мягкой силы» является то, что

государственные и негосударственные организации, которые ее проводят, не дублируют друг друга, хотя и действуют в смежных областях. Они слаженно координируют свои действия друг с другом, выступают единым фронтом, но не монолитно.

«Мягкая сила» Турции во многом отличается от опыта других стран по своей форме и содержанию. Потенциал турецкой «мягкой силы», которая распространяется от Балкан и Ближнего Востока до Кавказа и Центральной Азии, имеет серьезные культурно-исторические основания с особым акцентом на османское наследие. Представляется возможным сделать вывод, что по сравнению с традиционной турецкой внешней политикой, история которой до прихода ПСР к власти насчитывала почти 80 лет, «мягкая сила» Турции за последние два десятилетия правления ПСР существенно укрепилась и стала одним из приоритетных направлений внешней политики государства.

Поступила в редакцию / Received: 04.03.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 15.10.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А.* Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2020.
- Аватков В. А.* Тюркский мир и тюркские организации // *Мировая политика*. 2018. № 2. С. 11—25. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.2.26047>
- Аватков В. А., Чулковская Е. Е.* Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // *Геополитика и безопасность*. 2013. № 2. С. 116—123.
- Белоглазов А. В., Надыров Р. Н.* «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX — начале XXI в.: интеграционный потенциал // *Манускрипт*. 2021. Т. 14, № 7. С. 1381—1385.
- Енокян А. В., Закарян С. Б., Турава Г. М.* Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в. // *Вопросы истории*. 2021. № 8—1. С. 18—30.
- Енокян А. В., Станис Д. В.* Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5, № 8. С. 787—798.
- Зубкова А. И.* Мягкая сила Турции: феномен “soap power” как инструмент культурной дипломатии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2015. № 2. С. 52—62. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2015-2-52-62>
- Каскарбаева Г. С.* Интеграция тюркского мира в контексте развития тюркской культуры // *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология*. 2019. № 3. С. 125—132.
- Москаленко В. А.* «Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / отв. ред. В. И. Герасимов*. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. Вып. 4. Ч. 1. С. 128—132.
- Нутфуллина З. Г.* «Мягкая сила» по-турецки // *Казанский вестник молодых ученых*. 2019. Т. 3, № 4. С. 153—157.
- Фролов Ф. С.* Мягкая сила турецкой культурно-лингвистической экспансии // *Гражданская наука на страже национальной безопасности. К 25-летию кафедры национальной безопасности РАНХиГС : материалы VI Научных Снесаревских чтений, 9 февраля 2019 г. / под ред. А. В. Шевченко*. Москва : Проспект, 2020. С. 96—103.
- Aras B.* Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*. 2009. Vol. 11, no. 3. P. 127—142.
- Bilgin P., Eliş B.* Hard Power, Soft Power: Toward a More Realistic Power Analysis // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10, no. 2. P. 5—20.
- Çotak H.* Dünya Jeopolitiğinde Türkiye. İstanbul : Hiperlink, 2011.
- Danforth N.* Ideology and Pragmatism in Turkish Foreign Policy: From Atatürk to the AKP // *Turkish Policy Quarterly*. 2008. Vol. 7, no. 3. P. 83—95.
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul : Küre Yayınları, 2001.
- Jödicke A.* Religion and Soft Power in the South Caucasus. Abingdon : Routledge, 2017.
- Kalın İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2011. Vol. 16, no. 3. P. 5—23.
- Kirişçi K.* Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times // *Chaillot Paper*. 2006. No. 92. P. 1—112.
- Lachiner S.* Turkey's New Middle Eastern Approach // *USAK Yearbook of Politics and International Relations*. 2010. No. 3. P. 431—441.
- Murinson A.* The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy // *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42, no. 6. P. 945—964. <https://doi.org/10.1080/00263200600923526>
- Özdal H., Dinçer O. B., Yegin M.* Mülakatlarla Türk Dış Politikası. Ankara : USAK Yayınları, 2010.
- Ozturk A. E.* Islam and Foreign Policy: Turkey's Ambivalent Religious Soft Power in the Authoritarian Turn // *Religions*. 2021. Vol. 12, no. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.3390/rel12010038>
- Rabasa A., Larrabee F. S.* The Rise of Political Islam in Turkey. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2008.
- Ünlühisarçıklı Ö.* EU, Turkey and Neighborhood Policies // *Turkish Policy Quarterly*. 2009. Vol. 8, no. 3. P. 73—82.

Сведения об авторе:

Енокян Артём Вацаганович — кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5758-7637; e-mail: enokyan-av@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-620-642

EDN: OELKDL

Научная статья / Research article

Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет»

А.Р. Чедия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
 chedia@inbox.ru

Аннотация. Образовательные программы являются важным инструментом культурной дипломатии современных стран. Выступая в качестве «мягкой силы», организации стремятся расширить географию своей деятельности за счет открытия учебных заведений в разных уголках мира для распространения влияния своего государства. В Турции такой структурой долгое время являлось движение «Хизмет», а в последние годы — организация «Маариф». Впервые в российском востоковедении проведен анализ деятельности турецкого государственного образовательного фонда «Маариф» в рамках противостояния с запрещенным на территории Турции и ряде стран движением «Хизмет». С момента объявления этой структуры террористической организацией на территории Турции фонд «Маариф» осуществляет переподчинение образовательных учреждений по всему миру. В связи с этим важнейшим событием является попытка государственного переворота 15 июля 2016 г., в которой обвинялся идейный вдохновитель движения «Хизмет» Фетхуллах Гюлен. После этого на территории Турции были закрыты практически все школы, связанные с движением «Хизмет». Релевантность исследования определяется тем, что в нем рассматривается чуть ли не единственный в истории случай противостояния двух организаций, являющихся инструментами «мягкой силы» одной и той же страны. Цель исследования — рассмотрение актуальных вопросов деятельности фонда «Маариф» в рамках противостояния с движением «Хизмет». В ходе работы проведен качественный анализ официальных документов турецкого государственного фонда, законов Турецкой Республики, а также дискурс-анализ медиапродуктов «Хизмет». Было выявлено, что, несмотря на довольно успешную работу рассматриваемой турецкой государственной просветительской организации, говорить о полном упразднении «Хизмет» к настоящему времени не приходится. По состоянию на сентябрь 2023 г., государственный фонд «Маариф» регулирует деятельность учебных заведений в 49 странах мира, в то время как движение Ф. Гюлена сохраняет высокий статус в 60 государствах. Выявлено, что деятельность «Хизмет» прямо или косвенно влияет на межгосударственные отношения Турции с теми странами, где функционируют гюленовские школы. Сделан вывод, что требования турецкой стороны закрыть учреждения структуры приводили к непродолжительным дипломатическим кризисам в отношениях Анкары с «принимающей» страной. Показано, что появление «Маариф» в конкретной стране необязательно приводит к закрытию гюленовских учреждений.

Ключевые слова: Турция, Фетхуллах Гюлен, образование, чартерные школы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чедия А.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Чедия А. Р. Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 620—642. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-620-642>

Activities of the Turkish Maarif Educational Foundation in Confrontation with the Hizmet Movement

Anri R. Chedia

HSE University, Moscow, Russian Federation

 chedia@inbox.ru

Abstract. Educational programs can be a valuable tool in the cultural diplomacy of modern countries. As a soft power tool, organizations seek to expand their geographic reach by opening educational institutions in different parts of the world in order to spread the influence of their state. In Türkiye, such an organization has long been the *Hizmet* movement, and in recent years it has been a state-owned the *Maarif Foundation*. In the study, for the first time in Russian Oriental Studies, an analysis of the activities of the Turkish state Maarif educational foundation in the confrontation with the banned in Türkiye and a number of countries' Hizmet movements is conducted. Since the declaration of this structure as a terrorist organization on the territory of Türkiye, the Maarif Foundation has been reassigning educational institutions around the world. The most important event in this regard is the coup attempt of July 15, 2016, in which Fethullah Gülen, the ideological mastermind of the movement, was accused. As a result, all schools associated with the Hizmet movement were closed in Türkiye. The relevance of the study is determined by the fact that it considers almost the only case in history of confrontation between two organizations, which are instruments of “soft power” of a country. The purpose of the study is to examine the current issues of the Maarif Foundation's activities as part of the confrontation with the Hizmet movement. The work includes a qualitative analysis of the official documents of the Turkish state foundation, the laws of the Republic of Türkiye, as well as a discourse analysis of Hizmet's media products. As a result, it was revealed that despite the rather successful work of the Turkish state educational organization in question, it is not necessary to speak about the complete defeat of Hizmet by the beginning of 2023. By now Maarif state foundation regulates the activity of educational institutions in 49 countries, while according to our calculations the Gülen movement retains a high status in 60 states. It has been revealed that Hizmet's activities directly or indirectly influence Türkiye's interstate relations with those countries where Gülen schools operate. It has been established that the demands of the Turkish side to close the institutions of the movement have led to short-lived diplomatic crises between Ankara and some of the host countries. It has been shown that the emergence of Maarif in a particular country does not necessarily lead to the closure of Gülen institutions.

Key words: Türkiye, Fethullah Gülen, education, charter schools

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Chedia, A. R. (2023). Activities of the Turkish Maarif educational foundation in confrontation with the Hizmet movement. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 620—642. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-620-642>

Введение

Фонд «Маариф» является государственным органом Турции, который реализует проекты в сфере образования во многих странах мира. Организация была создана в 2016 г. Регулирующий деятельность фонда закон № 6721¹ был принят 17 июня 2016 г. в ходе

очередного заседания Великого национального собрания Турции (ВНСТ). Вторая статья принятого закона определяет основные полномочия организации, которые заключаются в открытии учебных заведений всех уровней, создании библиотек, лабораторий, культурных и научных центров в разных странах мира².

¹ Türkiye Maarif Vakfi Kanuni // Resmi Gazete. April 28, 2016. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2016/06/20160628-17.htm> (accessed: 09.10.2023).

² Ibid.

Важнейшей целью образовательного фонда является борьба со структурой «Хизмет», то есть с так называемыми «гюленистами», которые начиная с 1980-х гг. организовали учебные заведения в различных государствах мира. «Маариф» участвует в закрытии турецких частных школ и переподчинении их образовательному фонду. Благодаря деятельности этого органа признаваемое в Турции и ряде других стран террористической организацией движение «Хизмет» постепенно утрачивает свои позиции в разных уголках мира. За шесть с небольшим лет существования фонд открыл образовательные учреждения в 49 государствах. Исходя из официальных отчетов организации, в середине 2022 г. количество учебных заведений, подконтрольных «Маариф», достигло 427, а общее число учащихся — 49 тысяч³.

С момента своего основания фонд «Маариф» стал важным инструментом внешней политики Турции наряду с другими проводниками интересов Анкары — Турецким агентством по сотрудничеству и координации (*the Turkish International Cooperation Agency, TİKA*), фондом Юнуса Эмре, Диянет и другими организациями.

Степень изученности проблемы

Деятельность фонда «Маариф» уже привлекала внимание исследователей образовательной экспансии Турции. Турецкие ученые М. Гюндюз и А. Эрдемир изучали важность колледжей «Маариф» для системы образования страны (Gündüz & Erdemir, 2021). Анализ становления фонда как государственной просветительской организации в Турции отражен в совместной работе Б. Акгюна и М. Озкана (Akgün & Özkan, 2020). Краткий обзор деятельности просветительских организаций, в том числе «Маариф», содержится в статье М. Челика (Çelik, 2022). Роль фонда в образовательной дипломатии Турции исследуется в работе группы турецких авторов (Karlan, Çimen & Balci, 2022).

³ Maarif // Türkiye Maarif Vakfi. 2022. P. 4. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/16436790d02d0.pdf> (accessed: 09.10.2023).

Российская историография представлена работами Н.З. Мосаки, который исследовал вопросы образовательной экспансии Турции в Африке (Мосаки, 2013) и анализировал деятельность «Маариф» и «Хизмет» в Иракском Курдистане (Мосаки, 2020). Группа авторов исследует особенности гуманитарной политики Турции, в том числе деятельность «Маариф» (Белоус, Кулиева, Хасанов, 2023). В целом противостояние двух инструментов культурной дипломатии и «мягкой силы» Анкары по всему миру остается малоизученной как в России, так и в самой Турции. В связи с этим данная статья призвана заполнить лакуны в исследовании образовательной экспансии Турецкой Республики в рамках гуманитарной политики.

«Маариф» и гюленовское движение

Структура «Маариф» была создана с целью снижения влияния организации «Хизмет» и ее идейного вдохновителя Фетхуллага Гюлена в Турции и за ее пределами. Такое решение было принято руководством Турции, которое стремится ослабить влияние «Хизмет» и его структур на политические и социальные процессы в стране. При этом особое внимание уделяется учреждениям и образовательным заведениям, которые были созданы и управлялись представителями организации «Хизмет». Создание государственного фонда «Маариф» является одним из способов аннулирования влияния «Хизмет» и его основателя. Для Турецкой Республики проблема функционирования школ, связанных с «Хизмет», актуальна и по сей день. Образовательные учреждения Ф. Гюлена считаются условно «элитарными», так как во многих странах мира там обучаются представители местных элит или «талантливые» ученики, прошедшие серию экзаменов при поступлении. Многие выпускники этих учебных заведений выбирали гуманитарные (юридические или военные) вузы Турции или других стран для продолжения обучения. Это создавало серьезную проблему для Анкары, так как выпускники гюленовских структур со временем получали высокие должности

в административной или военной сферах непосредственно в самой Республике (Надеин-Раевский, 2016).

Поскольку основная направленность турецкого фонда «Маариф» с 2016 г. по настоящее время заключается в лоббировании закрытия или переподчинения школ, связанных с движением Ф. Гюлена по всему миру, следует более подробно рассмотреть образовательную сферу деятельности организации «Хизмет».

В 1970-е и 1980-е гг. Фетхуллах Гюлен был известным в пределах Турецкой Республики религиозным деятелем. В своих проповедях и рассуждениях он неоднократно отмечал важность образования для современной Турции, так как именно оно должно было сыграть важную роль в процессе вхождения Республики в новый постиндустриальный мир эпохи глобализации (Toguslu, 2017, p. 9). Первые частные турецкие школы, открытые за рубежом (преимущественно в странах Центральной Азии и Кавказа, а также на Балканском полуострове), организовывались движением «Хизмет». Идейным вдохновителем этих учебных заведений был Фетхуллах Гюлен, который, однако, в публичных выступлениях старался держаться в стороне от организации (Аватков, 2018).

Важным направлением деятельности этих учебных заведений было воспитание так называемого «золотого поколения», которое осознает гармонию между наукой и религией (Altın, 2020, p. 60). К моменту повсеместного закрытия учебных заведений «гюленистов» в 2010-х гг. членами организации «Хизмет», по разным оценкам, могло быть от 200 тыс. до 6 млн человек, проживавших как в Турции, так и за рубежом⁴. Такой большой разброс в оценке объясняется тем, что движение Ф. Гюлена не имеет централизованной структуры и описывается как глобальное сообщество (*semaat*) с большим количеством «дочерних» организаций и предприятий, которые

не были официально аффилированы с «Хизмет» (Тее, 2021, p. 93).

Исследователи Дж. Паркинсон и А. Альбайрак предполагают, что школы движения Ф. Гюлена к 2014 г. располагались в 160 странах мира⁵. Эта цифра представляется завышенной. Впрочем, нужно подчеркнуть, что подсчет точного числа стран, где функционировали или продолжают работать школы «Хизмет», осложняется тем, что в системе организации оказывались учебные заведения, не имевшие внешних атрибутов гюленовских школ и не рассматривавшиеся как школы с определенным идеологическим направлением, косвенно связанным с движением (Иванов, 2014, с. 58).

Посредством распространения в среде учащихся турецкой культуры, языка, а также зачастую и турецкого видения ислама происходило постепенное укрепление позиций страны в тех регионах, где подобные школы были образованы. Обучение в школах «Хизмет» в основном ведется на английском, турецком языках, а также на официальном языке принимающей страны. Во франкоязычных странах вместо английского преподавание ведется на французском языке (Angey, 2022, p. 164).

Наибольшей популярностью гюленовские школы пользовались в Африке. Обучение в этих учебных заведениях давало возможность ученикам из многих африканских стран получить образование более высокого уровня, чем в стране проживания. Абитуриенты учебных заведений имели возможность поступить в вузы Турции, Европы и США. Фактически данные школы оказывались инструментом «мягкой силы» Анкары, так как их выпускники могли становиться проводниками ее внешнеполитических интересов (Khan & Hafeez, 2018, p. 186).

Первоначально деятельность школ «Хизмет» была выгодна Анкаре, несмотря на преимущественно частный характер их

⁴ Paul A. Turkey on Diplomatic Push to Close Schools Linked to Influential Cleric // Voanews. August 31, 2017. URL: <https://www.voanews.com/a/turkey-erdogan-gulen-schools/4010073.html> (accessed: 10.10.2023).

⁵ Parkinson J., Albayrak A. From His Refuge in the Poconos, Reclusive Imam Fethullah Gulen Roils Turkey // The Wall Street Journal. January 20, 2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304027204579332670740491570> (accessed: 10.10.2023).

функционирования. Особую роль учебных заведений Ф. Гюлена признавал 8-й президент Турции Тургут Озал (1989—1993), который даже направлял официальные письма правительствам разных стран, предлагая открыть образовательные учреждения под руководством Фетхуллага Гюлена, добавляя при этом, что сам верит в движение, созданное проповедником (Иванов, 2014, с. 61).

Таким образом, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. структура «Хизмет» пользовалась серьезным административным ресурсом в Турецкой Республике (Мосаки, 2013, с. 50). Школы Ф. Гюлена получали финансирование от действовавших в Турции после либеральной реформы президента Т. Озала в конце 1980-х гг. так называемых «анатолийских тигров» — происламской группы крупных предпринимателей из центральных и юго-западных районов Республики (Шлыков, 2014, с. 64).

Функционирование гюленовских учебных заведений было очень значимо для Анкары, так как создавало видимость присутствия Турции в «принимающей» стране. Представители школ играли роль культурных послов Республики, так как организовывали языковые олимпиады, фестивали и другие мероприятия. Руководство и бизнесмены, связанные с «Хизмет», устанавливали тесные контакты с элитами стран. В этом вопросе важную роль играло учреждение TUSKON — Турецкая организация бизнесменов и промышленников, закрытая после попытки переворота в июле 2016 г. (Ягья, Колесникова, 2018, с. 45).

Пик деятельности «Хизмет» приходится на 2000-е гг., так как с момента прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития движение Ф. Гюлена еще сильнее укрепило свои позиции в Республике и за рубежом (Shively, 2016, pp. 189—190). В этот период турецкие частные школы были открыты во многих странах мира. В то же время сам Гюлен с 1999 г. находился на территории США, где изначально проходил лечение. Несмотря на свое физическое отсутствие, проповедник продолжал играть важную роль в созданной им организации.

В начале 2010-х гг. начался резкий спад во взаимоотношениях движения «Хизмет» с руководством Турции. Одним из возможных поводов для ухудшения отношений можно указать инцидент у берегов сектора Газа в 2010 г. Это событие связано с попыткой прорвать блокаду сектора Газа для предоставления гуманитарных грузов жителям региона. В результате происшествия погибли члены турецкого пассажирского парохода «Мави Мармара». Действия израильских военных были осуждены лидерами многих стран и организаций, в том числе тогдашним премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. В связи с этим в Республике происходили массовые протестные акции. При этом идейный вдохновитель движения «Хизмет» Фетхуллах Гюлен заявил, что попытка разблокировки сектора Газа — «отвратительное решение» и что прежде чем доставлять гуманитарные грузы в регион, необходимо было согласовать свои действия с руководством Израиля⁶. По мнению исследователя Д. Титтензора, подобное заявление Ф. Гюлена могло стать важной причиной дальнейшего ухудшения его взаимоотношений с руководством Турции (Tittensor, 2018, p. 124).

Среди других возможных поводов называется коррупционный скандал 2013 г., когда официальные представители прокуратуры Республики начали расследование системного взяточничества, в котором обвинялись некоторые министры и высокопоставленные чиновники из ближайшего окружения премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана (Емельянова, 2017, с. 40). Руководство страны считало идейным вдохновителем этих процессов Фетхуллага Гюлена, наладившего к тому времени крепкие связи с органами надзора Республики⁷.

⁶ Игнатенко А. Молоко и мясо. Национальный прагматизм и имперский романтизм во внешней политике Турции // Россия в глобальной политике. 07.08.2010. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/moloko-i-myaso/> (дата обращения: 11.10.2023).

⁷ Turkish PM Erdogan and Muslim Cleric Gulen Tangle Over Corruption Scandal // Reuters. December 24, 2013. URL: <https://www.reuters.com/article/idUS96584408220131224> (accessed: 11.10.2023).

Разлад в отношениях в конечном счете привел к тому, что в конце мая 2016 г. Анкара объявила движение «Хизмет» террористической организацией (Дринова, 2022, с. 161). С этого времени в турецких СМИ название объединения последователей Фетхуллага Гюлена значится как FETÖ — *Fethullahçı Terör Örgütü* (Террористическая группа фетхуллахистов).

Через несколько месяцев после объявления движения Ф. Гюлена вне закона, в ночь с 15 на 16 июля 2016 г. в Турции была совершена попытка государственного переворота группой военных, представлявших организацию «Мир в стране» (*Yurtta Sulh Konseyi*). В турецком общественном и научном дискурсе это событие получило официальное название *15 Temmuz darbe girişim* — попытка государственного переворота 15 июля (Karağöl, 2016, p. 37). Волнения происходили в некоторых крупных городах Республики — Стамбуле, Анкаре, Мармарисе и др. Вооруженный мятеж оказался неудачным для его организаторов.

Несмотря на наличие множества версий относительно того, кто является организатором путча (Азимов, 2017, с. 81—91), официальная точка зрения Анкары заключается в том, что попытка переворота осуществлялась движением «Хизмет» или FETÖ (Muttaqien & Yumitro, 2022, p. 28).

Последовавшие за попыткой военного переворота события связаны с деятельностью организации «Маариф». В это время по всей территории Турции осуществлялись аресты лиц, имевших отношение к движению «Хизмет». Происходило задержание государственных служащих, высокопоставленных военных, представителей частных организаций. Репрессивные меры не обошли стороной и образовательные учреждения. Своим указом от 23 июля 2016 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган закрыл 1043 частные школы, 15 университетов, 1229 благотворительных фондов, 19 профсоюзов и 35 медицинских учреждений⁸.

⁸ Jones G., Gurses E. Turkey's Erdogan Shuts Schools, Charities in First State of Emergency Decree // Reuters.

Закрытые после 23 июля 2016 г. школы и университеты в Турции связывались с движением «Хизмет». Подобные действия уже исходили из логики майского указа об объявлении группы последователей проповедника террористической организацией. Однако именно неудачная попытка государственного переворота стала катализатором планомерной борьбы руководства Турции с представителями учебных заведений, связанных с движением Ф. Гюлена по всему миру, которая происходит и в настоящее время.

Борьба руководства Турции с движением «Хизмет» до образования фонда «Маариф»

Первые школы движения «Хизмет» были закрыты задолго до событий июля 2016 г. В 1993 г., то есть практически через год после появления учебных заведений в Узбекистане, в общественном дискурсе этой страны начало зарождаться мнение о распространении в заведениях Ф. Гюлена экстремистских воззрений. Это было связано с угрозами религиозного экстремизма в Республике на фоне развития гражданского противостояния в Таджикистане. В 1999 г. все турецкие школы в Узбекистане были либо полностью закрыты, либо переведены в разряд общеобразовательных. Их количество в тот период составляло примерно 65⁹.

В Российской Федерации с начала 1990-х гг. было открыто около 50 «гюленовских» учебных заведений. Они располагались преимущественно на Северном Кавказе и в Поволжье. Процесс закрытия школ на территории России был запущен в 2001 г. после того, как на них обратил внимание Росброннадзор (Сулейманов, 2016, с. 80). Начались проверки турецких учебных заведений в Татарстане, Башкортостане, Дагестане, Чувашии и в других субъектах Федерации.

July 23, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-security-emergency-idUSKCN1030BC> (accessed: 13.10.2023).

⁹ Влияние Турции на ислам в государствах Центральной Азии // Ислам в СНГ. 01.11.2013. URL: <http://www.islamsng.com/sng/analytics/7367> (дата обращения: 10.10.2023).

Это привело к постепенному закрытию всех «гюленовских» образовательных учреждений на территории России после вынесения постановления Верховным Судом РФ о запрете на территории страны секты «Нурджулар». Хотя «Хизмет» официально не признавалась экстремистской организацией, российские правоохранительные органы рассматривали это движение как часть турецкой религиозной секты (Сулейманов, 2016, с. 79).

В 2010 г. начались процессы по закрытию турецкого учебного заведения *Başaran Koleji* в Абхазии. Школа начала функционировать в 1995 г. после подписания договора между просветительской ассоциацией «Чорум» (имевшей отношение к движению «Хизмет») и Министерством образования Республики. Абитуриенты проходили несколько экзаменационных испытаний. Поступившие в колледж ученики начинали свое обучение в 7-м классе. Многие выпускники учебного заведения получали возможность продолжить образование в вузах Турции, России, Польши, Италии и некоторых других стран. В итоге из-за проблем с финансированием абхазо-турецкий колледж был переведен из частного управления под контроль Министерства образования Республики¹⁰.

Также еще до событий 15 июля 2016 г. большинство гюленовских учебных заведений было закрыто на территории Азербайджана. По мнению исследователя В.В. Иванова, подобное обстоятельство было связано с визитом Р.Т. Эрдогана в Баку в 2013 г. (Иванов, 2014, с. 61). В течение 2014 г. в Азербайджане был закрыт международный образовательный центр, в который входили детские сады, 11 лицеев, курсы «Араз». Многие представители «Хизмет» были выдворены из страны как соучастники «сектантского движения»¹¹.

¹⁰ В Абхазии закрывается турецкий колледж // Вестник Кавказа. 02.08.2010. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/23408.html> (дата обращения: 10.10.2023).

¹¹ В Азербайджане закрыли все школы Фетхуллага Гюлена // Haqqin.az. 18.06.2014. URL: <https://haqqin.az/news/24542> (дата обращения: 10.10.2023).

В том же году появлялись сообщения о давлении, которое оказывается на «гюленистов» в Сомали, Пакистане и Ираке¹².

Процесс закрытия «гюленовских» учебных заведений продолжился в Туркменистане. В августе 2014 г. между Турцией и Туркменистаном было подписано соглашение «О сотрудничестве в области образования», что привело к закрытию престижных в стране частных туркмено-турецких школ (Иванов, 2014, с. 74).

За год до июльских событий в Турции руководство Таджикистана заявило о закрытии и принудительной передаче образовательных учреждений движения «Хизмет» государственным структурам Республики. Управляемые организацией учебные заведения *Selale* были переименованы в «Школы одаренных детей». Структура обучения в них претерпела кардинальные изменения¹³.

Борьба с движением «Хизмет» турецкого фонда «Маариф» после событий 15 июля 2016 года

Несмотря на многочисленные заявления первых лиц Турции о необходимости упразднения образовательных структур, связанных с Ф. Гюленом по всему миру и передачи их в ведение фонда «Маариф», не везде одинаково отреагировали на просьбы Анкары. В ряде стран все школы «Хизмет» были переданы «Маариф». В других государствах учреждения Ф. Гюлена перешли в ранг общеобразовательных. Наконец, в третьей группе стран «Хизмет» до сих пор сохраняет свои позиции.

С июля 2016 г. по настоящее время основная деятельность по переподчинению турецких учебных заведений за рубежом осуществляется фондом «Маариф». Представители фонда должны были препятствовать

¹² Agayev Z., Sheikh Nor M., Nacaoğlu S. Erdogan Seeks to Vanquish Opponent Gulen in Global Fight // Bloomberg. September 12, 2014. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-09-11/erdogan-seeks-to-vanquish-opponent-gulen-in-global-fight> (accessed: 10.10.2023).

¹³ Tajikistan Greenlights Take Over of Gulen-Run Schools // Anadolu Agency. August 8, 2015. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/tajikistan-greenlights-take-over-of-gulen-run-schools/18960> (accessed: 10.10.2023).

тому, чтобы гюленовские школы назывались турецкими (Toguslu, 2017, p. 19). На 14-м саммите G20, проходившем в Японии в 2019 г., президент Турции Р.Т. Эрдоган отметил необходимость борьбы с террористической организацией ФЕТÖ (движением «Хизмет») по всему миру и добавил, что созданный в 2016 г. фонд «Маариф» является главным органом, защищающим от деятельности этого движения¹⁴.

Представляя интересы Турецкой Республики, государственный просветительский фонд начал открывать свои отделения в странах, где движение «Хизмет» контролировало учебные заведения. Организация деятельности фонда в конкретной стране начиналась после обращения правительства Турции с просьбой закрыть гюленовские образовательные учреждения или передать их «Маариф». В некоторых случаях контакты с руководством стран происходили после официального визита представителя правительства или посольства Турции, либо даже лично президента Р.Т. Эрдогана.

Хронологически первые гюленовские учебные заведения после событий 15 июля 2016 г. были закрыты на Африканском континенте. Турецкие школы в этом регионе начали появляться в конце 1990-х гг., но большая их часть была открыта в середине 2000-х гг. За относительно недолгий срок движение «Хизмет» сумело завоевать серьезный авторитет среди представителей местных элит, а учебные заведения частной структуры стали крупнейшими образовательными учреждениями на континенте (Shinn, 2015, p. 56).

Тем не менее уже в 2016 г. начался процесс передачи фонду «Маариф» школ, организованных «Хизмет» в Сомали¹⁵ (табл. 1) и Гвинее¹⁶ (табл. 2). В 2017 г. фонд расширил

географию своей деятельности на континенте. В этот период началась организация работы в Танзании (табл. 1), Сенегале, Гамбии, Мали, Нигере, Мавритании, Сьерра-Леоне (табл. 2), Тунисе, Конго, Судане и Демократической Республике Конго (ДРК) (табл. 3)¹⁷.

С 2018 г. по настоящее время «Маариф» стремится еще больше расширить свои связи в Африке и ликвидировать учреждения, имеющие отношения с «Хизмет». С этого времени отделения организации были основаны в таких странах, как Бурунди, Джибути, Мадагаскар, ЮАР, Эфиопия (см. табл. 1), Гана, Кот-д'Ивуар (см. табл. 2), Камерун, Экваториальная Гвинея, Габон и Чад (см. табл. 3)¹⁸.

В общей сложности за период с 2016 по 2023 г. фонд «Маариф» сумел переподчинить школы движения «Хизмет» и основать новые образовательные учреждения в 25 странах Африканского континента.

По мнению представителей образовательного проекта *Broken Chalk Platform*, успех фонда «Маариф» в Африке объясняется тем, что Турецкая Республика проводит политику «жесткой силы» в странах региона, осуществляя давление на разные сферы экономики конкретного государства¹⁹. Указанное находит подтверждение в анализе экономических отношений Турции со странами Африки южнее Сахары, которое проводят исследователи Е. Дал и С. Дипама (Dal & Dipama, 2019, pp. 245—246, 249).

См.: Maarif // Türkiye Maarif Vakfi. 2017. P. 11. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164358323125f8.pdf> (accessed: 28.10.2023).

¹⁷ Beşinci Yılında Türkiye Maarif Vakfi // Türkiye Maarif Vakfi. 2022. P. 148, 165, 166, 176, 178, 180, 188, 190, 194, 197, 198. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 10.10.2023).

¹⁸ Beşinci Yılında Türkiye Maarif Vakfi // Türkiye Maarif Vakfi. 2022. P. 112, 133, 136, 138, 140, 142, 144, 150, 152, 160, 174. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 10.10.2023).

¹⁹ Baldacchino K. Turkey's Hard Power Turn: Handing Hizmet Schools to the Turkey Maarif Foundation // Brokenchalk. URL: <https://brokenchalk.org/turkeys-hard-power-turn-handing-hizmet-schools-to-the-turkey-maarif-foundation/> (accessed: 10.10.2023).

¹⁴ Kaplan E. Japan: Erdogan Slams FETO-linked Schools, Organizations // Anadolu Agency. June 30, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/japan-erdogan-slams-feto-linked-schools-organizations/1519540> (accessed: 10.10.2023).

¹⁵ Учебные заведения «Хизмет» были закрыты в 2016 г. и переданы фонду «Маариф». См.: Maarif // Türkiye Maarif Vakfi. 2017. P. 11. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164358323125f8.pdf> (accessed: 28.10.2023).

¹⁶ После визита президента Турции фонду были переданы школы, где обучалось свыше 900 учеников.

Таблица 1

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Восточной и Южной Африки

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Бурунди	3	–	Бужумбура	–	Средняя школа Начальная школа Детский сад	–
Джибути	2	–	Джибути	–	Детский сад Начальная школа	–
Замбия	–	1	–	Лусака	–	Высшая школа Bedir
Кения	–	1	–	Найроби	–	Колледж Isik
Мадагаскар	4	–	Антананари-ву	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Малави	–	1	–	Лилонгве	–	Высшая школа Bedir
Мозамбик	–	3	–	Мапуту, Матола	–	2 начальные школы 1 высшая школа
Руанда	–	1	–	Кигали	–	Детская академия
Сомали	7	–	Банадир, Харгейса	–	3 лицея 2 средние школы 1 детский сад 1 начальная школа	–
Танзания	11	–	Занзибар, Аруша, Дар-эс-Салам	–	2 лицея 3 средние школы 3 начальные школы 3 детских сада	–
Уганда	–	3	–	Кампала	–	Начальная и высшие школы Galaxy
Эфиопия	5	–	Аддис-Абеба	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа Образовательный центр	–
ЮАР	3	14	Йоханнесбург	Кейптаун, Дурбан, Йоханнесбург, Претория	Лицеи	Организации Horizon и Educational Trust Начальные, средние, высшие школы Институт Аль-Азхар и др.

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Таблица 2

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Западной Африки

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Буркина-Фасо	–	1	–	Уагадугу	–	Колледж Horizon
Гамбия	4	–	Банжул	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Гана	2	–	Аккра	–	Детский сад Начальная школа	–
Гвинея	10	–	Конакри	–	Лицей для мальчиков и девочек 3 детских сада 3 начальные школы 2 средние школы	–
Кот-д'Ивуар	4	–	Абиджан	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Либерия	–	1	–	Монровия	–	Либеро-турецкая школа
Мавритания	9	–	Нуакшот, Нуадибу	–	3 лицея 3 средние школы 3 подготовительных отделения	–
Мали	21	–	Бамако	–	3 лицея для мальчиков 3 лицея для девочек 8 средних школ 4 детских сада 4 начальные школы	–
Нигер	9	–	Ниамей	–	Школы дружбы Франко- и арабоязычные лицей 2 средние школы Начальные школы 1 детский сад	–
Нигерия	–	5	–	Лагос, Абуджа, Кадуна, Кано, Йобе	–	Колледжи организации Surat educational и университет
Сенегал	13	–	Дакар, Сен-Луи, Мбур	–	3 лицея 3 средних школы 4 начальные школы 3 детских сада	–
Сьерра-Леоне	2	–	Фритаун	–	Детский сад Начальная школа	–
Того	–	1	–	Ломе	–	Международная школа

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Центральной и Северной Африки

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Демократическая Республика Конго	4	1	Киншаса	–	Колледж Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Ангола	–	1	–	Луанда	–	Колледж
Габон	4	–	Либревиль	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Камерун	14	–	Дуала, Нгаундере, Яунде	–	Лицей Детские сады Начальные школы Средние школы	–
Республика Конго	4	–	Браззавиль	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Судан	6	–	Хартум, Ньяла	–	2 лицей для девочек 1 лицей для мальчиков 2 подготовительных курса для мальчиков и девочек Детский сад	–
Тунис	4	–	Тунис	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–
Центральноафриканская Республика	–	1	–	Банги	–	Школа
Чад	6	–	Нджамена	–	Лицей для мальчиков Средняя школа для мальчиков Лицей для девочек Средняя школа для девочек Детский сад Начальная школа	–
Экваториальная Гвинея	4	–	Малабо	–	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	–

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

В других частях света «Маариф» сталкивается с определенными трудностями. Руководство нескольких азиатских государств (табл. 4, табл. 6) фактически отказалось передавать права на учебные заведения «Хизмет» турецкому государственному фонду. При этом некоторые страны начали процедуру закрытия образовательных учреждений. В Монголии деятельность руководителей учебных заведений движения «Хизмет» вызвала кризис во взаимоотношениях Улан-Батора и Анкары. Руководство страны обвинило турецкую сторону в похищении акционера одной из «гюленовских» школ, что было расценено как посягательство на государственный суверенитет. После разрешения кризиса правительство Монголии согласилось закрыть частные школы²⁰. Однако контент-анализ медиапродуктов турецко-монгольских школ позволяет предположить, что к настоящему времени некоторые из них могут оставаться открытыми²¹. Школы «Хизмет» в Камбодже были переведены на баланс Министерства образования. Несмотря на попытки закрепления «Маариф» в стране, Пномпень отказался передавать учебные заведения в управление фонда²².

При рассмотрении деятельности «Маариф» в Южноазиатском регионе можно прийти к заключению, что Пакистан является страной, где фонд сумел закрепиться сильнее всего. На территории страны к настоящему времени функционируют 83 учебных заведения, подконтрольных «Маариф». Движение Ф. Гюлена в этом государстве запрещено на законодательном уровне²³.

В феврале 2018 г. Турция подписала меморандум о взаимопонимании с руководством Афганистана. В документе говорилось

²⁰ Монголы закрывают школы для Эрдогана // Rambler. 05.09.2018. URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/40733785-mongoly-zakryvayut-shkoly-dlya-erdogana/> (дата обращения: 10.10.2023).

²¹ Ulaanbaatar International School. URL: <http://elite.edu.mn/> (accessed: 10.10.2023).

²² Turetken M. FETO-linked Schools Closed in Cambodia // Anadolu Agency. December 25, 2018. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/feto-linked-schools-closed-in-cambodia/1348603> (accessed: 10.10.2023).

²³ Beşinci Yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. P. 182—184. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 12.10.2023).

о процедурах передачи «гюленовских» школ фонду «Маариф»²⁴. В течение нескольких лет Министерство образования Афганистана передало турецкой стороне около 16 учебных заведений, имевших отношение к «Хизмет»²⁵. В настоящее время в стране функционирует 49 школ, аффилированных с фондом²⁶.

Немного по-иному обстоят дела в странах Центральной Азии (табл. 5), где к началу 2000-х гг. функционировало порядка 75 турецких частных учебных заведений (Кудаяров, 2021, с. 49). Первое и на сегодняшний день единственное отделение фонда «Маариф» в Центральной Азии появилось в Киргизии. После попытки переворота 15 июля 2016 г. правительство Турции практически в ультимативной форме обратилось к президенту Киргизии А. Атамбаеву по поводу закрытия гюленовских школ на территории Республики. В ответ на заявление турецкой стороны президент А. Атамбаев сообщил, что Киргизская Республика не собирается закрывать частные турецкие школы, но осуществит контроль над ними²⁷.

Впоследствии накал между Анкарой и Бишкеком снизился. Между правительством Киргизии и представителями «Маариф» состоялись переговоры о создании в Республике юридического лица и появлении отделения фонда. В 2020 г. фонд «Маариф» организовал 4 учебных заведения в стране. Тем не менее в Киргизии все еще сильны позиции связанной с движением Ф. Гюлена организации «Сапат», которая контролирует до 15 образовательных учреждений в Республике²⁸.

²⁴ Afgan-Türk Maarif Okulları. URL: <https://www.afganturkmaarif.org/Home/tr> (accessed: 12.10.2023).

²⁵ Beşinci Yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. P. 17. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/16435836e8ffcf.pdf> (accessed: 12.10.2023).

²⁶ Ibid. P. 114—116.

²⁷ Атамбаев о заявлении главы МИД Турции: не надо пугать нас, пуганые мы // Sputnik Таджикистан. 01.08.2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160801/1020395309.html?ysclid=lf10qe0pez575807000> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁸ Aliev N. Kırgızistan'da FETÖ Tehlikesi Devam Ediyor // Anadolu Ajansı. 12.07.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/kirgizistanda-feto-tehlikesi-devam-ediyor/1529974> (accessed: 10.10.2023).

Таблица 4

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Южной Азии

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Афганистан	49	–	Кабул, Кандагар, Герат, Мазари-Шариф	–	Лицеи для мальчиков и девочек Детские сады Начальные школы Средние школы	–
Бангладеш	–	9	–	Дакка, Утгара, Читтагонг	–	Лицеи для мальчиков и девочек Образовательные центры Средние школы Детский сад
Индия	–	9	–	Дели, Бангалор, Мумбаи, Калькутта	–	Учебные заведения организации Panturk schools
Мальдивы	–	1	–	Мале	–	Lale Youth School
Пакистан	83	–	Исламабад, Равалпинди, Лахор, Мултан, Пешавар, Карачи, Джамшоро, Хайдерабад, Хайрпур	–	Подготовительные программы Начальные школы Средние школы	–
Шри-Ланка	–	1	–	Коломбо	–	Международная школа

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Следует отметить, что новые турецкие лицеи в ближайшие годы могут быть открыты в Узбекистане. В феврале 2022 г. были проведены переговоры представителей фонда «Маариф» с МИД Узбекистана. В ходе встречи рассмотрены возможности двустороннего сотрудничества в области образования²⁹. К настоящему времени частные турецкие учебные заведения, функционировавшие в

²⁹ Uzbekistan, Turkey Consider Strengthening Cooperation in Education // Kun.Uz. February 14, 2022. URL: <https://kun.uz/en/news/2022/02/14/uzbekistan-turkey-consider-strengthening-cooperation-in-education#> (accessed: 10.10.2023).

Казахстане, Туркменистане и Таджикистане, остаются недоступными для просветительского фонда.

На Южном Кавказе деятельность «Маариф» началась с открытия первой школы в Тбилиси в 2017 г. Во время своего визита в Грузию в 2019 г. глава МИД Турции М. Чавушоглу посетил это учебное заведение и заверил, что фонд «Маариф» организует обучение в еще большем количестве образовательных учреждений в этой стране³⁰.

³⁰ Kachkachishvili D., Rehimov R. Turkey's Maarif Foundation to Open Schools in Georgia // Anadolu Ajansi. December 23, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/>

Несмотря на деятельность турецкого фонда, в Республике продолжают работать 15 учреждений под покровительством «Учебно-просветительских заведений Грузии», принадлежащих «ООО Чагла». Эта организация имеет косвенное отношение к «Хизмет». С 1995 г. в Грузии функционирует Международный Черноморский университет (Александрия, 2016, с. 75). После появления турецкого фонда в Грузии и расширения связей с руководством Турции «гюленовские» школы постепенно начали закрываться³¹. Однако противостояние «Маариф» с «Хизмет» в этой стране продолжается и по сей день.

Движение Ф. Гюлена было практически упразднено на территории Азербайджана еще до июльских событий 2016 г. в Турции. Однако последним учебным заведением, которое функционировало в этой стране, был Кавказский университет, закрытый благодаря многочисленным просьбам турецких организаций в 2017 г.³² В феврале 2021 г. состоялась встреча президента «Маариф» Б. Акгюна и министра иностранных дел Азербайджана Д. Байрамова. В ходе двусторонних переговоров было принято решение об открытии отделения фонда и специализированной школы в Баку³³.

На Ближнем Востоке в настоящее время отделения «Маариф» открыты в Ираке и Иордании. Движение Ф. Гюлена в Ираке действовало вплоть до 2018 г. Частные школы в городе Эрбиль были переданы в управление фонду «Маариф». К 2023 г. в Ираке

функционирует 15 турецких школ³⁴. В Иордании не было широкого представительства «гюленовского» движения. До появления «Маариф» в стране функционировал только иорданско-турецкий центр. В 2019 г. представители фонда организовали студенческое общежитие в столичном городе Аммане³⁵.

Учебные заведения «Маариф» стали появляться в странах Южной и Северной Америки, а также в Океании. Закрытие гюленовских школ в Венесуэле началось после визита президента Турции в декабре 2018 г. В настоящее время в стране функционирует две международные школы «Маариф»³⁶. В Боготе, столице Колумбии, в 2023 г. было основано два университета. Отделение фонда открылось в 2022 г. после визита в страну делегации Министерства иностранных дел Турции³⁷. В американском штате Нью-Джерси было открыто 4 учебных заведения. В столице Канады, городе Оттава, функционирует международная школа, а в австралийском Сиднее были организованы детский сад и начальная школа (табл. 7).

Начиная с 2018 г. «Маариф» начинает активно проникать в Европу. За время деятельности фонда было закрыто всего несколько учебных заведений либо из-за проблем с функционированием, либо по причине отказа от лицензирования³⁸.

education/turkey-s-maarif-foundation-to-open-schools-in-georgia/1681483 (accessed: 10.10.2023).

³¹ Georgia Cracks Down on Another Gulen-linked Private School // Democracy and Freedom Watch. August 25, 2020. URL: <https://dfwatch.net/georgia-cracks-down-on-another-gulen-linked-private-school-54202> (accessed: 06.07.2023).

³² Университет «Кавказ» окончательно закрылся // Haqqin.az. 18.01.2017. URL: <https://haqqin.az/news/90288> (дата обращения: 12.10.2023).

³³ Turkey's Maarif Foundation, Azerbaijan Sign Cooperation Protocol // Daily Sabah. May 21, 2021. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkeys-maarif-foundation-azerbaijan-sign-cooperation-protocol> (accessed: 10.10.2023).

³⁴ Beşinci Yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. P. 158. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/16435836e8ffcf.pdf> (accessed: 12.10.2023).

³⁵ Turkish Maarif Foundation Jordan. URL: <https://maarifjordan.com/> (accessed: 12.10.2023).

³⁶ Venezuela Maarif Okullarında Mezuniyet Heyecanı // Turkish Maarif Foundation. URL: <https://turkiyemaarif.org/news/venezuela-maarif-okullarinda-mezuniyet-heyecani> (accessed: 13.10.2023).

³⁷ Bernat E. J. Visita del Canciller Turco a Colombia Culmina con la Apertura Oficial de la Sede de la Fundación Maarif // Anadolu Agency. May 14, 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/es/cultura/visita-del-canciller-turco-a-colombia-culmina-con-la-apertura-oficial-de-la-sede-de-la-fundaci%C3%B3n-maarif/2574826> (accessed: 13.10.2023).

³⁸ Turkey at a Glance European Lawmakers Urge PACE to Examine Albania's Closure of Gülen-linked School // Turkish Minute. October 21, 2022. URL: <https://www.turkishminute.com/2022/10/21/to-examine-albanias-closure-of-gulen-linked-school/> (accessed: 12.10.2023).

Таблица 5

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Ближнего Востока, Южного Кавказа и Центральной Азии

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Азербайджан	1	–	Баку	–	Международная школа	–
Грузия	4	15	Тбилиси, Батуми	Тбилиси, Кутаиси, Рустави, Батуми	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	Школы Международный Черноморский университет Высшие школы Начальные школы
Ирак	15	–	Эрбиль, Киркук	–	Лицей Детские сады Начальные школы Средние школы	–
Иордания	1	–	Амман	–	Общежитие	–
Йемен	–	3	–	Сана	–	Международные школы
Казахстан	–	31	–	Алматы, Есик, Кызылорда, Астана, Актобе, Атырау, Шымкент, Кокшетау, Тараз, Жезказган и др.	–	Под руководством международного фонда Katev организованы университеты, высшие школы, лицеи для девочек и для мальчиков
Киргизия	4	27	Бишкек	Бишкек, Джалал-Абад, Каракол, Кадамжай, Кызыл-Кия, Токмак, Ош, Талас	Детский сад Подготовительная школа Начальная школа Средняя школа	Организация Сапат. Высшие школы Лицей для мальчиков и для девочек и т. д.
ОАЭ	–	5	–	Абу-Даби	–	Concept schools International Polaris schools Академии и колледжи
Саудовская Аравия	–	2	–	Эр-Рияд, Джидда	–	Международные школы

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Таблица 6

**Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет»
в странах Восточной и Юго-Восточной Азии**

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Вьетнам	–	1	–	Ханой	–	Международная школа
Индонезия	–	8	–	Депок, Семаранг, Бандунг, Тангеранг-Селатан и др.	–	Учебные заведения организации PASAID
Малайзия	–	2	–	Куала-Лумпур	–	Школы
Мьянма	–	1	–	Янгон	–	Образовательный центр
Монголия	–	5	–	Улан-Батор, Эрдэнэт, Дархан и др.	–	Лицеи Колледжи
Таиланд	–	3	–	Бангкок	–	Образовательная компания Marmara Колледжи Двуязычная школа
Филиппины	–	3	–	Манила	–	Языковая академия Школа толерантности Образовательный центр
Южная Корея	–	1	–	Сеул	–	Международная школа
Япония	–	4	–	Осака, Сендай, Нагоя, Окаяма	–	Организация Baharu Education Corporation

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Таблица 7

**Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет»
в странах Южной Америки, Северной Америки и Океании**

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Австралия	2	–	Сидней	–	Детский сад Начальная школа	–
Аргентина	–	1	–	Буэнос-Айрес	–	Колледж
Боливия	–	2	–	Ла-Пас, Санта-Крус	–	Университеты НУР
Бразилия	–	1	–	Бразилиа	–	Колледж
Венесуэла	6	–	Каракас	–	Колледжи	–
Канада	1	–	Оттава	–	Международная школа	–
Колумбия	2	–	Богота	–	Средние школы	–
Мексика	–	1	–	Мехико	–	Колледж
Новая Зеландия	–	1	–	Веллингтон	–	Школа организации Pearl of the Islands Foundation

Окончание табл. 7

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Папуа — Новая Гвинея	–	1	–	Порт-Морсби	–	Колледж Paradise
США	4	167	Штат Нью-Джерси	В крупных городах	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	Все образовательные ступени

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Таблица 8

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Южной и Восточной Европы

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Албания	6	–	Тирана, Эльбасан	–	Университет Лицей Детский сад Начальная школа Средние школы	–
Белоруссия	1	–	Минск	–	Курсы турецкого языка	–
Болгария	–	4	–	София, Пловдив	–	Школы «Дружба»
Босния и Герцеговина	4	6	Сараево	Сараево, Тузла, Зеница	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	Международные школы Колледжи
Венгрия	2	–	Будапешт	–	Лицей Подготовительное отделение	–
Греция	1	–	Афины	–	Элитный языковой центр	–
Кипр	–	2	–	Никосия	–	Колледж Университет
Польша	–	3	–	Варшава, Лодзь	–	Начальные школы Средняя школа
Румыния	7	11	Бухарест	Бухарест, Констанца, Клуж-Напока, Тимишоара, Плоешти и др.	Лицеи Начальные школы Средние школы	Учреждения организации Lumina Educational Institutions: образовательные центры, школы, университеты

Окончание табл. 8

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Северная Македония	4	8	Скопье, Тетово	Скопье, Струга, Струмица, Тетово	Лицей Детский сад Начальная школа Средняя школа	Международный университет Высшие школы
Сербия (Косово)	8	3	Приштина, Призрен, Гнилане	Приштина, Призрен	2 лицея Детский сад 2 начальные школы 2 средние школы Образовательный центр	Образовательный центр Колледж Международная школа
Словакия	–	1	–	Братислава	–	Образовательный центр
Хорватия	–	1	–	Загреб	–	Образовательный центр
Чехия	–	1	–	Прага	–	Образовательный центр
Черногория	–	1	–	Подгорица	–	Университет

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

Таблица 9

Образовательные учреждения «Маариф» и движения «Хизмет» в странах Западной и Северной Европы

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Австрия	1	–	Вена	–	Образовательный центр	–
Бельгия	2	6	Брюссель	Брюссель, Гент, Антверпен, Генк	Образовательные центры	Колледжи и высшие школы группы Люцерна Школы-интернаты
Великобритания	–	3	–	Брадфорд, Лондон	–	Колледжи
Германия	1	52—55	Кельн	Берлин, Мангейм, Мюнхен, Дюссельдорф, Франкфурт-на-Майне, Ганновер, Фрайбург, Нюрнберг, Кройцберг и др.	Образовательный центр	Все ступени образования от детского сада до университета
Латвия	–	1	–	Рига	–	Международная школа

Окончание табл. 9

Страна	Количество учебных заведений		Города		Типы учебных заведений	
	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»	«Маариф»	«Хизмет»
Норвегия	–	1	–	Осло	–	Образовательный и культурный центр OKUF
Франция	1	2	Страсбург	Париж	Образовательный центр	Школа Образовательный центр
Швейцария	–	6	–	Базель, Цюрих, Ольтен и др.	–	Международные школы
Швеция	–	1	–	Стокгольм	–	Образовательный центр «Диалог»

Источник: составлено автором по материалам официальных сообщений турецкого государственного просветительского фонда «Маариф»: Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı // Türkiye Maarif Vakfı. 2022. URL: <https://turkiyemaarif.org/uploads/editions/files/164367ea1867df.pdf> (accessed: 13.10.2023), а также по данным из интернет-изданий: Education // Gülen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gülen Movement? // Hizmet Movement (Gülen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gülen Schools Worldwide List // Slideshare. January 25, 2016. URL: <https://www.slideshare.net/GulenCemaat/gulen-schools-worldwide-list> (accessed: 26.10.2023); Gülen Schools Worldwide List updated // Gülen Schools Worldwide. October 1, 2018. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 26.10.2023).

На сегодняшний день турецкий государственный фонд организовал учебные заведения разных уровней в следующих странах Европы: Албания, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Греция, Северная Македония, Сербия (Косово), Венгрия, Румыния (табл. 8), Бельгия, Германия, Австрия и Франция (табл. 9). Таким образом, за шесть с небольшим лет существования «Маариф» представители фонда сумели открыть учебные заведения в 49 странах мира.

Проблемы в деятельности фонда «Маариф»

Несмотря на довольно быстрое расширение географии деятельности фонда «Маариф» на разных континентах, о полной ликвидации школ «Хизмет» к настоящему времени говорить не приходится. Например, в США к 2016 г. располагалось около 160 частных турецких школ, связанных с движением Ф. Гюлена³⁹, в то время как «Маариф»

³⁹ Strum B. Gülen Movement's Charter Schools May Be Caught Up in Turkey — U.S. Standoff // The Wall Street Journal. July 19, 2016. URL: <https://www.wsj.com/articles/gulen-movements-charter-schools-may-be-caught-up-in-turkey-u-s-standoff-1468967536> (accessed: 12.10.2023).

осуществляет контроль над деятельностью всего четырех заведений в штате Нью-Джерси (см. табл. 7).

Также частные школы продолжают работать во многих странах Европы, например в Германии, где проживает многочисленная турецкая диаспора. «Маариф» открыл центр в Кельне, в то время как в других частях страны действует 50 частных турецких школ (см. табл. 9). В Бельгии в ведении «Маариф» находятся два образовательных центра, в то время как у связанных с движением Ф. Гюлена колледжей группы «Люцерна» начальные школы, детские сады, высшие школы расположены в таких городах, как Антверпен, Генк, Ген⁴⁰.

В Боснии и Герцеговине фонд открыл школы в Сараево, но в других городах, таких как Тузла и Зеница, до сих пор функционируют около 6 учебных заведений, связанных с «Хизмет»⁴¹. Во Франции «Маариф»

⁴⁰ Wie is toch die Fethullah Gülen? door Ides Nicaise (reto 1972) // Alumni. May 9, 2017. URL: <https://www.alumnizevenkerken.be/speakers-corner/193/wie-is-toch-die-fethullah-gulen-door-ides-nicaise-reto-1972> (accessed: 12.10.2023).

⁴¹ Nurduhan A., Adilovic Z. Bosna Hersek'te FETÖ Bağlantılı Okullar Vergi Borcu İçinde Yüzüyor // Anadolu

организовал школу в Страсбурге, а два «гюленовских» учебных заведения продолжают работать в Париже⁴². В Грузии продолжает функционировать Международный Черноморский университет, к тому же многие школы, в которых работают деятели, связанные с движением Ф. Гюлена, до сих пор не переданы фонду «Маариф». В Северной Македонии фондом были организованы 4 учебных заведения, однако «Хизмет» сохраняет свое положение в 8 высших школах в разных частях страны⁴³.

Из всех 49 стран, где на сегодняшний день представлены школы «Маариф», только в 25 странах Африки, а также в Пакистане, Венесуэле и некоторых других с 2016 г. закрывались учебные заведения движения «Хизмет». Это говорит о том, что борьба за образовательные учреждения, которую ведет «Маариф» с движением Ф. Гюлена, не закончена.

Представляется крайне сложным определить точное количество школ, связанных с движением «Хизмет», а также стран, где они функционируют. При сопоставлении данных из ежегодных отчетов турецкого фонда «Маариф» и контент-анализа некоторых сайтов, имеющих отношение к движению Фетхуллаха Гюлена⁴⁴, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день школы «Хизмет» сохраняются в 60 странах мира.

Ajansi. February 13, 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/bosna-hersekte-feto-baglanti-okullar-vergi-borcu-icinde-yuzuyor/2501561> (accessed: 12.10.2023).

⁴² Le Bien Être Devos Enfants Est Notre Priorite // Educative. URL: <https://educative.com/> (accessed: 12.10.2023).

⁴³ Fazlagikj A., Aliju D. FETÖ'nün Kuzey Makedonya'daki Yapısı ve İşleyişi Meclisin Gündeminde // Anadolu Ajansı. 30.03.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/fetonun-kuzey-makedonyadaki-yapisi-ve-isleyisi-meclisin-gundeminde/2192531> (accessed: 12.10.2023).

⁴⁴ См.: Gulen Movement. URL: <https://www.gulenmovement.com/> (accessed: 13.10.2023); What Is the Gulen Movement? // Hizmet Movement (Gulen Movement). URL: <https://hizmetmovement.blogspot.com/p/what-is-gulen-movement.html> (accessed: 13.10.2023); Gulen Schools Worldwide. URL: <https://gulenschoolsworldwide.blogspot.com/2015/01/gulen-schools-worldwide-list.html> (accessed: 12.10.2023).

Исходя из многочисленных заявлений официальных лиц Турецкой Республики⁴⁵, борьба с частными школами гюленовского движения остается важным направлением внешнеполитической деятельности страны. Переподчинение частных школ государственному органу должно решить вопросы, связанные с дипломатическими кризисами во взаимоотношениях Турции с «принимающими» странами, так как существование гюленовских школ во многом способствует нарастанию напряженности. В данном контексте следует упомянуть о натянутых отношениях Анкары с некоторыми государствами в связи с «гюленовским» движением. Например, непродолжительный кризис имел место во взаимоотношениях Турции с Киргизией⁴⁶, Монголией⁴⁷, Индонезией⁴⁸ и т. д.

Деятельность «Маариф», безусловно, важна для дальнейшего усиления влияния Турции в «принимающих» странах. После того как началась напряженность между руководством Республики и организацией «Хизмет», Анкара не могла должным образом контролировать как образование, так и условно идеологическую составляющую процесса обучения во многих турецких учебных заведениях. Несмотря на деятельность

⁴⁵ См.: Gunerigok S. Türkiye Expects US's Cooperation in Fight Against PKK/YPG, FETO: Erdogan // Anadolu Agency. September 19, 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/americas/turkiye-expects-uss-cooperation-in-fight-against-pkk-ypg-feto-erdogan/2688361> (accessed: 09.07.2023); We Will Continue Our Struggle Until the Last FETO Member Is Brought to Justice // Presidency of the Republic of Türkiye. July 15, 2020. URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/120638/-we-will-continue-our-struggle-until-the-last-feto-member-is-brought-to-justice-> (accessed: 12.10.2023).

⁴⁶ В Киргизии не будут закрывать «гюленовские» школы // РИА Новости. 01.12.2016. URL: <https://ria.ru/20161201/1482581293.html?ysclid=lnrnwsbxnz82439913> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴⁷ Сосорбарам М. Анкара атакует «турецкие» школы Монголии // ARD. 07.02.2018. URL: <https://asiarussia.ru/news/18929/?ysclid=lnro537j4e721778783> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴⁸ Власти Индонезии отказали Турции в закрытии школ Гюлена // ТАСС. 03.08.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3505814?ysclid=lnrn65394d216960833> (дата обращения: 12.10.2023).

проводников интересов в странах, где открыты «гюленовские» школы, например *ТІКА*, центров Юнуса Эмре и других организаций, движение «Хизмет» продолжает функционировать. Это как раз подчеркивает важность такого образовательного фонда, как «Маариф», для Турции.

Вместе с тем Анкара может столкнуться с рядом проблем в организации процесса обучения в «принимающих» странах. Известно, что школы Ф. Гюлена зачастую позиционировались как условно «элитарные», то есть те учебные заведения, в которых обучаются дети представителей элиты того или иного региона. Указанное наиболее характерно для учебных заведений в африканских и некоторых азиатских государствах. После перехода школ под контроль «Маариф» ситуация в данном вопросе постепенно меняется. Учреждения переводятся на турецкие стандарты обучения. При этом Турция на сегодняшний день, согласно Индексу образования, находится на 54-м месте в мире⁴⁹, где безусловно располагается выше, чем многие страны Азии и Африки, но все-таки ниже, чем целый ряд государств, в которых до сих пор продолжает функционировать движение Ф. Гюлена. Подобное обстоятельство может снизить доверие к фонду «Маариф» в «принимающих» странах, в случае если уровень образования в школах будет существенно ниже, чем в период функционирования «Хизмет».

Заключение

Учрежденный в июне 2016 г. турецкий государственный образовательный фонд «Маариф» был призван решить вопросы, связанные с функционированием учебных заведений, имевших прямую или косвенную связь с запрещенным в стране движением «Хизмет», в официальной турецкой литературе упоминающимся под термином FETÖ. После попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. большинство связанных

с Ф. Гюленом учебных заведений (школы, колледжи и университеты) в Турции были закрыты. Руководство Республики обратилось к лидерам стран мира, на территории которых располагались школы «Хизмет», с просьбами (а иногда и с требованиями) о закрытии частных турецких учебных заведений и передаче их фонду. За шесть с небольшим лет, пользуясь широкой поддержкой руководства страны, а также посольств и консульств Турции в «принимающих» странах, фонд сумел добиться закрытия или перевода под свой контроль многих образовательных учреждений. По состоянию на сентябрь 2023 г. государственная организация открыла или «перезапустила» учебные заведения в 49 странах мира.

В ряде стран (в Пакистане, Ираке, Венесуэле и многих африканских государствах) процесс перекалфикации частных турецких школ происходил в ускоренном и приоритетном порядке. В некоторых странах Африки (Эфиопия, ЮАР) передача учебных заведений затянулась, завершившись к 2021—2022 гг. В большинстве случаев у «Маариф» не возникало проблем с открытием отделений и основанием школ. К настоящему времени фонд организовал обучение в 25 государствах Африканского континента. В большинстве из них были закрыты учебные заведения «Хизмет».

По-иному обстоят дела в других регионах мира. Например, требования Турции закрыть школы «Хизмет», первоначально не нашли отклика в Монголии и Камбодже, что привело к непродолжительному дипломатическому кризису между Анкарой и «принимающими» странами. В Киргизии отказывались закрывать гюленовские учебные заведения, рассматривая рекомендации турецкой стороны как вмешательство во внутренние дела государства. В итоге руководство этой центральноазиатской страны приняло решение о создании отделения «Маариф». Тем не менее движение Ф. Гюлена до сих пор имеет крепкие связи и социальную базу в стране. По-прежнему фонд не может закрепиться в Казахстане, Туркмении и Таджикистане, где ранее функционировали учебные заведения

⁴⁹ Рассчитано автором на основе данных Human Development Reports (HDR). См.: Human Development Reports // UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/documentation-and-downloads> (accessed: 12.10.2023).

«Хизмет». В Азербайджане все образовательные структуры «Хизмет» были ликвидированы в пользу государства, а в Грузии борьба турецких инструментов «мягкой силы» продолжается.

Ухудшение взаимоотношений Турции с некоторыми «принимающими» странами показывает, насколько серьезную значимость для Анкары имеет функционирование «Маариф», а также его противостояние с «Хизмет».

Интересным представляется то, как проходит противоборство двух инструментов турецкого влияния в Европе и США. Известно, что, несмотря на функционирование «Маариф» в 12 странах Европы, «Хизмет» в этих же государствах имеет достаточно серьезные позиции. Показателен также пример с

США, где фонд основал лишь четыре школы (причем все в одном в штате — Нью-Джерси), в то время как «гюленисты» контролируют до 170 образовательных учреждений в разных штатах страны.

Ликвидация всех частных школ Ф. Гюлена в Турции, а также организации TUSKON, осуществлявшей финансирование целого ряда учебных заведений, нанесло колоссальный урон движению «Хизмет». Тем не менее сохраняющееся присутствие и влияние «Хизмет» более чем в четверти стран мира демонстрирует, что актуальность фонда «Маариф» для Турецкой Республики сохраняется, а об окончательном разгроме «гюленовского» движения в краткосрочной перспективе говорить не приходится.

Поступила в редакцию / Received: 14.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 10.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А.* Тюркский мир и тюркские организации // *Мировая политика*. 2018. № 2. С. 11—25. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.2.26047>
- Азимов К.* Кто стоит за попыткой переворота в Турции? // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 2. С. 81—90.
- Александрян Л. М.* Политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 2. С. 72—79.
- Белоус Ю. А., Кулиева Н. С., Хасанов К. А. у.* Особенности гуманитарного аспекта внешней политики современной Турции // *Россия и современный мир*. 2023. № 1. С. 115—136. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.01.07>
- Дринова Е. М.* Политизация ислама и суфийские традиции в истории Турции // *Народы и религии Евразии*. 2022. Т. 27, № 4. С. 154—164. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2022\)4-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2022)4-09)
- Емельянова Н.* Эрдоган vs Гюлен: новейшие тенденции в политическом развитии Турции // *Вестник РГГУ*. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2. С. 39—50.
- Иванов В. В.* Движение Фетхуллага Гюлена в России и странах СНГ // *Мусульманский мир*. 2014. № 3. С. 49—82.
- Кудаяров К. А.* Религиозное влияние Турции и Пакистана в Кыргызии // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2021. № 1. С. 47—63. <https://doi.org/10.31249/rva/2021.01.02>
- Мосаки Н. З.* Образовательная экспансия Турции в Африке // *Вопросы образования*. 2013. № 2. С. 49—66. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-2-49-66>
- Мосаки Н. З.* Турецкие учебные заведения в Иракском Курдистане: история и современное положение (школы Гюлена и фонда «Маариф») // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 4. С. 280—294. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-4-280-294>
- Надеин-Раевский В. А.* Идеиная борьба и «новая Турция» // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 2. С. 22—31.
- Сулейманов Р.* Татаро-турецкие лица в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллага Гюлена // *Современные евразийские исследования*. 2016. № 1. С. 78—84.
- Шлыков П. В.* Трансформация партийно-политической системы Турции в 1983—2013 гг. и мобилизационные стратегии оппозиции. Часть 2 // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2014. № 1. С. 54—71.

- Ягья В. С., Колесникова М. А. «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С. 37—59.
- Akgün B., Özkan M. Turkey's Entrance to International Education: The Case of Turkish Maarif Foundation // Insight Turkey. 2020. Vol. 22, no. 1. P. 59—70. <https://doi.org/10.25253/99.2020221.05>
- Altın M. E. Internationalization Through Localization: Gülen Inspired Schools [thesis]. Düsseldorf : Heinrich Heine University, 2020.
- Angey G. Being a Teacher in the Missionary Schools of the Gülen Movement in Sub-Saharan Africa: Interactions, Trajectories, and Differentiated Investments of the Role // Missions and Preaching: Connected and Decentralised Perspectives from the Middle East and North Africa (19th — 21st century) / ed. by N. Neveu, K. Sanchez Summerer, A. Turiano. Boston & Leiden : Brill, 2022. P. 157—185. https://doi.org/10.1163/9789004449633_009
- Çelik M. International Schools in the Context of Cultural Diplomacy: Actors and New Approaches // Education Policies in the 21st Century / ed. by B. Akgün, Y. Alpaydın. Singapore : Palgrave Macmillan Singapore, 2022. P. 161—191. https://doi.org/10.1007/978-981-19-1604-5_7
- Dal E. P., Dipama S. Assessing the Turkish “Trading State” in Sub-Saharan Africa // Turkey's Political Economy in the 21st Century / ed. by E. P. Dal. London : Palgrave Macmillan, 2019. P. 239—270. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27632-4_10
- Gündüz M., Erdemir A. The Place and Importance of the Maarif Colleges in Turkish Education System // Research on Education and Psychology. 2021. Vol. 5, no. 2. P. 267—277. <https://doi.org/10.54535/rep.1005145>
- Kaplan H., Çimen I., Balci E. Türkiye'nin Eğitim Diplomasisinde Türkiye Maarif Vakfının Rolü // Akdeniz Havzası ve Afrika Medeniyetleri Dergisi. 2022. Vol. 4, no. 2. P. 120—128. <https://doi.org/10.54132/akaf.1209119>
- Karağöl E. T. 15 Temmuz Darbe Gerişimi ve Türkiye Ekonomisi // Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi. 2016. Vol. 6, no. 2. P. 37—49. <https://doi.org/10.31679/adamakademi.285017>
- Khan W., Hafeez M. Gulen Movement: The Blending of Religion and Rationality // Journal of Research in Social Sciences. 2018. Vol. 6, no. 1. P. 182—192.
- Muttaqien A. I., Yumitro G. The Turkish Government's Policy in Weakening the Gulen Movement // Britain International of Humanities and Social Sciences Journal. 2022. Vol. 4, no. 1. P. 26—33. <https://doi.org/10.33258/biohs.v4i1.567>
- Shinn D. Hizmet in Africa: The Activities and Significance of the Gülen Movement. Los Angeles : Tsehai Publishers, 2015.
- Shively K. Pragmatic Politics. The Gülen Movement and the AKP // The Turkish AK Party and its Leader: Criticism, Opposition and Dissent / ed. by U. Cizre. London : Routledge, 2016. P. 183—204.
- Tee C. The Gülen Movement: Between Turkey and International Exile // Handbook of Islamic Sects and Movements / ed. by M. A. Upal, C. M. Cusack. Boston & Leiden : Brill, 2021. P. 86—109. https://doi.org/10.1163/9789004435544_007
- Tittensor D. The Gülen Movement and Surviving in Exile: The Case of Australia // Politics, Religion and Ideology. 2018. Vol. 19, no. 1. P. 123—138. <https://doi.org/10.1080/21567689.2018.1453272>
- Toguslu E. The Turbulence Between AKP and Hizmet: The African Case. London : Centre for Hizmet Studies, 2017.

Сведения об авторе:

Чедия Анри Робертович — кандидат исторических наук, научный сотрудник департамента зарубежного регионоведения; научный сотрудник Научной учебной лаборатории исследований современного Ирана, НИУ ВШЭ; ORCID: 0000-0003-0742-735X; e-mail: chedia@inbox.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661

EDN: OFPEIF

Научная статья / Research article

Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона

О.А. Москаленко¹ , Г.Л. Мурадов^{2,3} , А.А. Ирхин¹ ,
Н.Э. Демешко¹ , К.И. Нагорняк¹

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

² Совет министров Республики Крым, Симферополь, Российская Федерация

³ МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

kerulen@bk.ru

Аннотация. Режим функционирования Черноморских проливов Босфор и Дарданеллы вновь становится предметом международных дискуссий на фоне столкновения двух проектов глобализации (американского плана «Большой Черноморский регион» и китайской инициативы «Пояс и путь»), а также проведения и возможного влияния на весь регион Специальной военной операции России на территории Украины. Между Первой и Второй мировой войнами Черноморские проливы находились в центре международной повестки, однако Конвенция Монтрё 1936 г. обеспечила отсутствие крупных морских столкновений в Черном море. Конвенция, существующая более 85 лет, определяет самый длительный режим регулирования прохода военных и гражданских судов через Черноморские проливы после 1783 г. и отражает геополитическую реальность, когда крупнейшие прибрежные черноморские державы, которыми уже 240 лет являются Турция и Россия, обладают заметными преимуществами над военно-морскими силами нерегиональных держав. Данное положение противоречит современным американским устремлениям открыть Черноморский регион (ЧР) и черноморско-каспийское пространство для военно-политической экспансии США и введомой ими коалиции. На основе дискурсивного анализа авторы намерены определить целеполагание основных геополитических акторов в отношении Конвенции Монтрё и спрогнозировать возможные трансформации Черноморского региона, ставшего центром столкновения интересов глобальных и региональных держав. В основе методологии исследования лежат принципы системного и междисциплинарного подходов, обеспечивающие сочетание методов политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Рассматривается дискурс вокруг Конвенции Монтрё ведущих акторов международных отношений на фоне проведения специальной военной операции, что позволяет на уровне концептуальных дискуссий выявить возможные трансформации Конвенции между статус-кво или денонсацией. Турция традиционно балансирует между интересами России и Запада за счет роли нейтрального «привратника» Проливов, технологично применяя ст. 19 Конвенции, что пока в полной мере устраивает Россию, в то время как США демонстрируют намерение пересмотреть Конвенцию либо обойти ее в правовом поле. Поэтому Конвенция Монтрё будет оставаться в центре публичной и реальной политики до окончания процессов формирования новой системы международных отношений, обеспечивающей стабильность развития мира на последующую политическую эпоху.

Ключевые слова: турецкие проливы, Черноморские проливы, Босфор и Дарданеллы, специальная военная операция

© Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917, <https://rscf.ru/project/23-28-00917/>.

Для цитирования: Москаленко О. А., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Демешко Н. Э., Нагорняк К. И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 643—661. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661>

The Montreux Convention After the Beginning of the Special Military Operation. Status Quo or Denunciation: Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Implications for the Black Sea Region

Olga A. Moskalenko¹ , Georgiy L. Muradov^{2,3} , Aleksandr A. Irkhin¹ ,
Nalalya E. Demeshko¹ , Kirill I. Nagornyak¹

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

²Council of Ministers of the Republic of Crimea, Simferopol, Russian Federation

³MGIMO University, Moscow, Russian Federation

kerulen@bk.ru

Abstract. The mode of operation of the Black Sea or Turkish straits is again becoming a matter of international discussion following the clash of two globalization projects: the American Greater Black Sea region and the Chinese Belt and Road Initiative, as well as Russia's special military operation in Ukraine, which is primarily realized on the ground. Being the Black Sea straits a core object of international agreements between the World War I and the World War II, the Montreux Convention of 1936 secured the Black Sea from major naval clashes and accidents. The Convention, which is more than 85 years old, has the longest regime for regulating the passage of military and civilian ships through the Black Sea straits since 1783 and has reflected the geopolitical reality, in which the Black Sea littoral powers, which have been Türkiye and Russia for 240 years, have noticeable advantages over the navies of non-littoral powers. This provision contradicts the modern American aspirations to open the Black Sea region and the Black Sea — Caspian space for the military-political expansion of the United States and the coalition. The purpose of the article is to determine, on the basis of a discursive analysis, the goal-setting of the main geopolitical actors in relation to the Montreux Convention and to predict the possible transformations of the Black Sea region, which has become the center of a clash of interests of global and regional powers. The research methodology is based on the principles of systemic and interdisciplinary approaches to provide a combination of methods of political linguistics and geopolitical analysis and synthesis. The article examines the discourse of the leading actors of international relations around the Montreux Convention following the special military operation, which makes it possible to identify its transformations between the *status quo* or denunciation at the level of conceptual discussions. Türkiye traditionally balances between the interests of Russia and the West due to the role of a neutral “gatekeeper” of the straits, technologically applying Article 19 of the Convention, which so far fully meets the interests of Russia; while the USA shows a tendency to revise the Convention or circumvent it legally. Therefore, the Montreux Convention will remain at the center of public and real politics until the end of the formation of a new system of international relations that should ensure the stability of the development of the world for the next political era.

Key words: Turkish straits, Black Sea straits, the Bosphorus and the Dardanelles, special military operation

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Moskalenko, O. A., Muradov, G. L., Irkhin, A. A., Demeshko, N. E., & Nagornyak, K. I. (2023). The Montreux Convention after the beginning of the special military operation. Status quo or denunciation: Discourse of international actors and possible geopolitical implications for the Black Sea region. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 643—661. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661>

Введение

Принятое в феврале 2022 г. решение о проведении Специальной военной операции (СВО) России на Украине заметно ускорило процессы формирования новой системы международных отношений, в очередной раз сдвинув устоявшееся равновесие между однополярностью и многополярностью в сторону последней. Однако боевые действия носят главным образом сухопутный характер, что существенно ограничивает возможности Запада по влиянию на военно-политическую ситуацию в Черноморском регионе (ЧР). Все чаще в повестке международной и национальной публичной политики появляется упоминание Конвенции Монтрё 1936 г., определяющей режим функционирования соединяющих Средиземное и Черное моря проливов Босфор и Дарданеллы. При этом следует принимать в расчет такие факторы, как перспектива строительства Турцией параллельного Босфору канала «Стамбул» и перекрытие Турцией Проливов с весны 2022 г. после начала СВО.

Для Турции роль балансира в регионе зависит от возможности полноценно управлять ситуацией с Проливами, иначе именуемыми Черноморскими или Турецкими (*Türk Boğazları*), как это происходит вот уже 86 лет: она контролирует поток военных и торговых судов через одну из важнейших водных артерий мира. Конвенция Монтрё 1936 г. продолжает оставаться политическим инструментом, значимость которого после начала военного конфликта в Черном море стала еще более очевидна.

При наличии законодательного основания в виде Конвенции Монтрё 1936 г. регулирование движения через одну из имеющих критическое значение водных артерий мира во многом задается правилами информационного поля: любые меры Турции и других региональных и нерегиональных акторов отработываются на дискурсивном и публично-

информационном уровне, а успешность подачи того или иного аспекта напрямую связана с принятием политических решений. Гипотеза соответствует тезису о том, что дискурс следует воспринимать не столько как отражающий политическую реальность, сколько как создающий ее. На основе предложенной в 1994 г. И. Нойманном концепции искусственного конструирования регионов через дискурс за счет постоянного обновления определений того или иного региона (Neumann, 1994) И. Цантулис показал, как с начала 2000-х гг. западные акторы конструировали пространство (Большого) ЧР посредством дискурсивных практик («регионы обретают существование в речах и на бумаге» (Tsantoulis, 2016)). Хотя, по мнению исследователя, процесс сошел на нет к середине 2010-х гг., так и не достигнув цели, сейчас мы наблюдаем возрождение риторики Большого Черноморского региона (БЧР) и его реконцептуализацию как критического геополитического пространства, в котором доминирует фактор морского пространства, а не страновой принцип. Это позволяет выделить Конвенцию Монтрё, регулиующую прохождение в Черное море и из Черного моря военных кораблей, в качестве ядра безопасности ЧР.

Авторы намерены на основе дискурсивного анализа выявить цели основных геополитических акторов в отношении Конвенции Монтрё и спрогнозировать возможные трансформации ЧР, ставшего центром столкновения интересов глобальных и региональных держав.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- выделить ключевых акторов, пытающихся влиять на режим функционирования Черноморских проливов, и проследить эволюцию их дискурсов;

- определить политические позиции ключевых региональных и нерегиональных

акторов международных отношений касательно Конвенции Монтрё в контексте регулирования Турцией безопасности в ЧР;

— охарактеризовать сценарии сохранения и изменения существующего режима Черноморских проливов с точки зрения влияния этих проливов на баланс сил в Черном море.

Объектом исследования является дискурс ключевых акторов ЧР в отношении Черноморских проливов, предметом — Конвенция Монтрё в информационном пространстве США, Турции и России после начала СВО.

В основе методологии исследования лежат принципы системного и междисциплинарного подходов, обеспечивающие сочетание методов политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Авторы осуществляют критический анализ документов (официальных государственных документов, публикаций экспертно-аналитических центров, научной литературы), публичного информационного пространства, дискурсивный и интертекстуальный анализ, используя элементы ивент-анализа, что позволяет прогнозировать вероятные сценарии поведения основных акторов в регионе.

Политическое, экспертное, научное и медийное сообщество концептуализирует роль Конвенции Монтрё как ядра безопасности ЧР на уровне высказываний политических лидеров региональных и нерегиональных акторов, официальных, в том числе доктринальных документов, аналитических докладов и концепций «фабрик мысли», научного анализа и медийного освещения или же их гибридных форм (конференции, форумы и др.). Все это составляет материал исследования.

В отечественной науке работ, посвященных режиму функционирования Черноморских проливов на основании Конвенции Монтрё, не так много, как можно было бы ожидать. Выделим несколько групп исследований:

1) исторические, рассматривающие роль и режимы Проливов в исторической ретроспективе российско-турецких отношений с акцентом на событиях Второй мировой и холодной войны (Смольняк, 2015; Мошкин, 2016);

2) экспертно-юридические, изучающие правовые основания режима Проливов (Митина, 2018; Комлева, Цветкова, 2021) — хотя их уровень нельзя назвать высоким;

3) политологические, анализирующие роль Босфора и Дарданелл как ключевого геополитического пространства ЧР с учетом возможного изменения геополитического ландшафта после планируемого строительства канала «Стамбул» (Воронин, Швец, Воронина, 2017; Ирхин, 2018; Дружиловский, 2019; Болдырев, 2020; Аватков, Гудев, 2021).

Отдельно следует упомянуть результаты контент- и ивент-анализа истории нарушения положений Конвенции, приведенные в статье ученых РУДН (Ивкина, Павлова, Никулин, 2020): только в период с 2008 г. (после грузино-осетинского конфликта) по 2019 г. зафиксировано 15 случаев нарушения различных пунктов Конвенции военными кораблями США, причем после марта 2014 г. количество нарушений значительно возросло.

Закономерно, что интерес к теме растет на фоне обострения международной ситуации. В контексте национальных интересов России режим Проливов рассматривается в монографии «Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений» (Большое Средиземноморье..., 2023). После начала СВО попытка научного прогноза по сохранению Конвенции предпринята в статье А.А. Головенченко (2022).

Из фундаментальных зарубежных работ выделим диссертацию К. Юджея 2019 г., где автор приходит к выводу о неминуемом пересмотре ряда положений Конвенции, касающихся присутствия военных кораблей нечерноморских держав в Черном море (Yücel, 2019). В 2020 г. в Турции под эгидой Центра евразийских исследований опубликован аналитический доклад Т. Тулуна, в котором любые возможные шаги по пересмотру Конвенции приравниваются к открыванию ящика Пандоры: на основании истории применения положений Конвенции и сопутствующих событий автор приходит к выводу, что «предохранительный клапан», которым является Конвенция, должен исправно функционировать, причем исключительно под

управлением Турции (Tulun, 2020, p. 40). Эти работы отражают полярность мнений, транслируемых Западом или прозападными турецкими экспертами и национально-ориентированными турецкими учеными: первые продвигают тему размывания Конвенции, вторые — видят документ императивом национальной безопасности и самостоятельности Турции.

Конфликтогенность черноморского пространства. Конвенция Монтрё как инструмент регулирования Турцией безопасности в ЧР

18 января 2023 г. Французский институт международных отношений (IFRI) совместно с ВМС Франции провел конференцию, в роли ключевых спикеров на которой выступили три командующих военно-морскими силами стран НАТО: США, Великобритании и Франции. На Парижской военно-морской конференции (*Paris Naval Conference*) обсуждали перспективы возвращения военно-морского боя в условиях нового стратегического цикла. С точки зрения стран НАТО события в морском пространстве ЧР знаменуют переход к морской логике ведения войн, когда флот перестает быть исключительно плацдармом для проведения наземных или воздушных операций и восстанавливает самостоятельное боевое значение¹. Таким образом, к 2023 г. оказываются актуализированы и связаны в единое пространство боевых действий все проекции ЧР, который активно возвращается в том числе в информационно-аналитическую повестку. Эта связка расширяется и на дискурсивном уровне.

Во вступительном слове директор IFRI Тома Гомар пригласил собравшихся «в путешествие от Курска до Москвы», подчеркнув, что оно вполне уместно для военно-морской конференции, ведь «Курск» — название не только российского города на границе с

Украиной, но и подводной лодки, которое напоминает, что президентский путь В.В. Путина начался с кораблекрушения, а Москва — не только столица, но и название потопленного в апреле 2022 г. российского крейсера: «Это короткое путешествие напоминает, что даже для континентальной державы, которой является Россия, важны события на море»².

И аллюзивное название «Парижская военно-морская конференция», и высказывания ее спикеров ориентированы на расширение российско-украинского конфликта. Адмирал П. Вандье констатирует начало «великой битвы за общие пространства»³, глава ВМС Великобритании Б. Ки заявляет, что «действия России в отношении Украины выходят за рамки сухопутного конфликта», а «возврат к континентальной стратегии невозможен»⁴. Лейтмотивом становится обращение к идеям А. Мэхэна, которое из уст Первого морского лорда⁵ подчеркивает очередной виток стратегического противостояния теллуократий и талассократий: «Море — основа нашего экономического процветания и безопасности»⁶. Дискуссия, реализованная на французской площадке, носит концептуальный стратегический характер.

В Черноморском регионе развертывание и исход конфликта вновь — как и в исторической ретроспективе — во многом определяются режимом функционирования Босфора и Дарданелл и доступом военных кораблей в Черное море. Узкие проливы образуют природную буферную зону между Черным и Средиземным морями, являются ключом к

² CNO Delivers Remarks at Paris Naval Conference // America's Navy. January 18, 2023. URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/Speeches/display-speeches/Article/3273714/cno-delivers-remarks-at-paris-naval-conference/> (accessed: 25.03.2023).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ The First Sea Lord (с англ. дословно — «повелитель морей») — традиционный титул главы Королевского ВМФ Великобритании и всех ВМС Великобритании, сохранившийся по сей день.

⁶ CNO Delivers Remarks at Paris Naval Conference // America's Navy. January 18, 2023. URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/Speeches/display-speeches/Article/3273714/cno-delivers-remarks-at-paris-naval-conference/> (accessed: 25.03.2023).

¹ Bachelier J., Tenenbaum É. Naval Combat Redux: A Renewed Challenge for Western Navies // *Éditoriaux de l'Ifri, Ifri*. January 9, 2023. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bachelier_tenenbaum_naval_combat_jan2023_v4.pdf (accessed: 25.03.2023).

точке встречи Европы и Азии, веками пробуждая имперские амбиции как государств ЧР, так и нерегиональных акторов. «Для России Босфор и Дарданеллы являются воротами в регион Большого Средиземноморья, в то же самое время через проливы возможности державы могут быть заблокированы в Черноморском бассейне и, наконец, через них к берегам России могут быть доставлены значительные враждебные силы» (Ирхин, 2018, с. 78). Для Турции Проливы — символ суверенитета. Для внерегиональных акторов от режима функционирования Проливов зависит присутствие России в Средиземноморье и ее выход к Индии и Африке.

До начала СВО Турция уже успешно играла роль признанного балансира в ЧР, во многом благодаря обеспечению морской безопасности региона за счет Конвенции Монтрё, которая позволяет свободный проход через проливы торговых судов и предусматривает ряд ограничений для прохода и нахождения в Черном море военных кораблей. Поэтому Турция всегда вела себя как вдумчивый и осторожный привратник, владеющий ключами от Босфора и старающийся не допустить дестабилизации в регионе за счет чрезмерного присутствия военных кораблей НАТО в Черном море, которое вызвало бы раздражение России.

27 февраля 2022 г., после начала СВО, Турция впервые со времен Второй мировой войны обозначила применение ст. 19 Конвенции Монтрё. В 1941 г. Турция перекрыла проливы, так же сославшись на ст. 19 Конвенции⁷. Сохраняя нейтральный статус, Турция блокировала движение военных кораблей государств Оси через Босфор в обе стороны, равно как и не допускала в Черное море военные суда стран антигитлеровской коалиции, что мешало тем оказать СССР военную помощь. При этом был закрыт выход в Средиземное море для военных кораблей Черноморского флота.

⁷ Текст см.: Конвенция о режиме проливов // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247> (дата обращения: 25.03.2023).

Во Второй мировой войне Турция приложила максимум усилий и лавировала, чтобы в итоге сохранить хорошие отношения с победителем. Турецкий исследователь С. Сейди обозначает ключевой турецкий подход к тексту документа: «Во многих случаях, хотя Турция строго применяла положения Конвенции для обеих сторон, она сталкивалась с дилеммой: либо строго следовать букве Конвенции, либо ее духу в связи с тем, что меняются условия войны» (Seydi, 2010, p. 122). Таким образом, решения в рамках ст. 19 властями Турции все равно принимались «в ручном режиме»⁸, что иногда обуславливало их непоследовательность, но тем не менее они всегда зависели от баланса сил. После Второй мировой войны в том числе по этой причине не раз звучали призывы к пересмотру Конвенции 1936 г.

Через три дня после объявления СВО и на фоне неоднократных спекуляций на тему перекрытия Проливов с украинской стороны бывший министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что Турция считает СВО войной и намерена прозрачно выполнять все положения Конвенции Монтрё: «В случае войны, в которой Турция не является стороной, Турция может перекрыть проливы для стран, которые вовлечены в войну. Статья 19 Конвенции Монтрё прямо гласит об этом»⁹, — приводит его слова ИА «Анадолу», дополняя, что в соответствии с заявленной статьей российские суда Черноморского флота получают возможность вернуться в порт приписки. По итогам заседания турецкого Кабинета министров 28 февраля 2022 г. было сделано существенное уточнение: Турция, не будучи стороной конфликта, закрывает Проливы для военных судов воюющих государств, как черноморских, так и нечерноморских, на период российско-украинской войны¹⁰.

⁸ Примеры и анализ см.: (Seydi, 2010).

⁹ Ozberk T. Turkey Closes the Dardanelles and Bosphorus to Warships // Naval News. February 28, 2022. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/02/turkey-closes-the-dardanelles-and-bosphorus-to-warships/> (accessed: 25.03.2023).

¹⁰ Ibid.

Формулировка от министра иностранных дел не позволяет ставить под сомнение знание властями Турции документа, обеспечивающего стране привилегированное положение в регионе. Тем не менее противоречие с заявленной статьей носит ярко выраженный характер. Несмотря на несогласующийся с Конвенцией запрет на вхождение в Черное море военных кораблей любых стран, госсекретарь США Энтони Блинкен в тот же день в телефонном разговоре с М. Чавушоглу, в очередной раз осудив «нападение» России на Украину и восхитившись единством партнеров и союзников в противостоянии разразившемуся кризису, высоко оценил как последовательное применение Турцией Конвенции Монтрё, так и комментарий МИД Турции по ситуации¹¹.

Турция в поисках баланса выбрала принцип следовать духу Конвенции, а не ее букве. Интерес вызывает не столько позиция турецкого внешнеполитического ведомства, которое вполне очевидно стремится сохранить равновесие в ЧР — прежде всего в его морском измерении, — сколько беспрецедентное принятие и даже демонстративное одобрение¹² странами коллективного Запада — союзниками Турции по НАТО необоснованного запрета на проход через Проливы. Хотя экспертно-аналитическим и юридическим сообществом предпринимались попытки продемонстрировать несостоятельность такого решения¹³.

¹¹ Secretary Blinken's Call with Turkish Foreign Minister Cavusoglu // US Department of State. February 28, 2022. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-call-with-turkish-foreign-minister-cavusoglu-8/> (accessed: 25.03.2023).

¹² Аталай Д. Б. Турция предприняла сильные шаги в рамках конвенции Монтрё // Anadolu Agency. 09.03.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%BB%D0%B0-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%88%D0%B0%D0%B3%D0%B8-%D0%B2-%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BA%D0%B0%D1%85-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%91/2528297> (accessed: 25.03.2023).

¹³ Overfield C. Turkey Must Close the Turkish Straits Only to Russian and Ukrainian Warships // Lawfare.

Закрытие Черного моря для военных кораблей НАТО по ст. 19 является незаконным до момента вступления Североатлантического альянса в войну и может повлиять на его операционные возможности по оказанию помощи Черноморским участникам блока. Во-первых, это связано с желанием Турции не допустить повышения градуса эскалации между Россией и НАТО, чего опасаются и США. Во-вторых, таким образом Р.Т. Эрдоган попытался подчеркнуть свой нейтралитет, не выбирая ни одну из сторон¹⁴.

После начала СВО Турция, выждав несколько дней, начала конструирование своей новой роли — вернее, умело воспользовалась шансом для подтверждения многократно заявленных Р.Т. Эрдоганом тезисов о необходимости справедливости в мире (Ирхин, Москаленко, 2021; Аватков, Гузаеров, 2023; Демешко, Аватков, Ирхин, 2022). Первым шагом стало определение критического значения поведения Турции для развития конфликта в морском пространстве ЧР, что было реализовано через применение ст. 19 Конвенции Монтрё. Взятая на себя Анкарой роль медиатора, обеспеченная нейтральным статусом хранителя ворот между Черным и Средиземным морями, послужила основой для стамбульских переговоров между Россией и Украиной, а в дальнейшем — и базисом зерновой сделки. Название одного из западных экспертных материалов поздней весны 2022 г. точно отразило ситуацию на геополитической арене после начала СВО: «В фокусе внимания — Черное море и Турция» (*The Black Sea and Turkey in Focus*).

В начале 2023 г. в докладе Центра стратегических и международных исследований (*Center for Strategic & International Studies*) была обозначена позиция США и НАТО по возможности усиления своего присутствия в регионе: «С Турцией или никак» (*Turkey or Nothing*)¹⁵.

March 5, 2022. URL: <https://www.lawfareblog.com/turkey-must-close-turkish-straits-only-russian-and-ukrainian-warships> (accessed: 25.03.2023).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Aronsson L., Mankoff J. The Inhospitable Sea // The Center for Strategic and International Studies (CSIS).

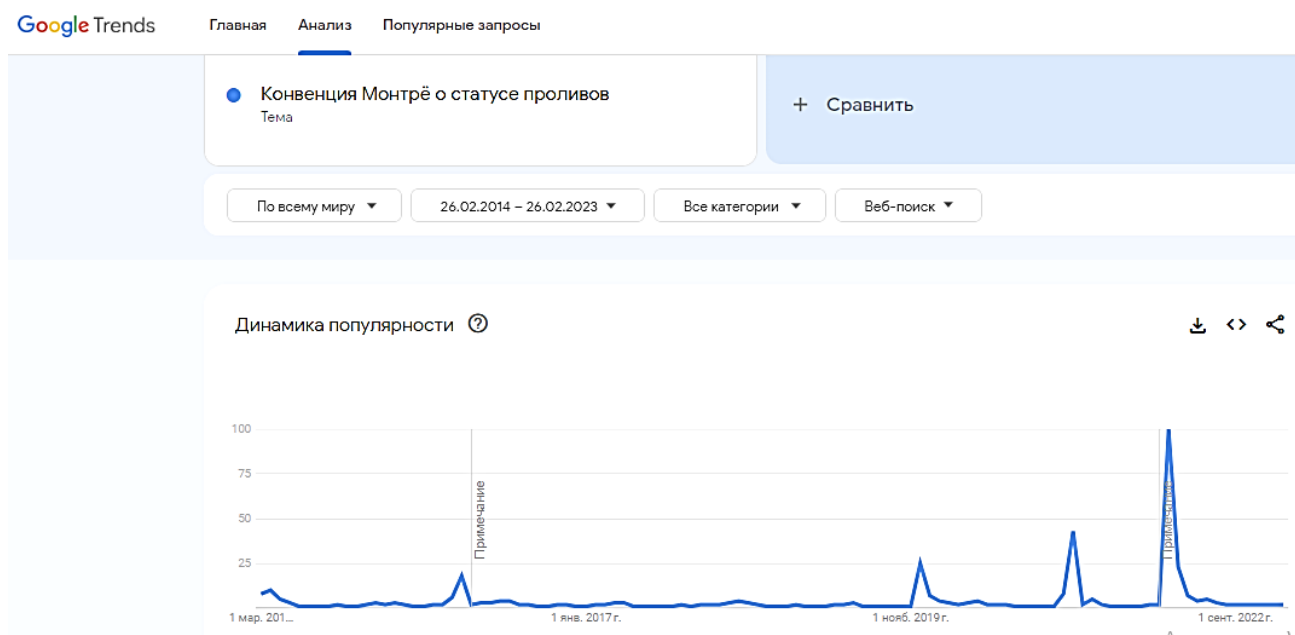

Рис. 1. Динамика запросов Google Trends по теме «Конвенция Монтрё» с момента возвращения Крыма в состав Российской Федерации
 Источник: Google Trends. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=2014-02-26%202023-02-26&q=%2Fm%2F054bn&hl=ru> (accessed: 25.03.2023).

Динамика поисковых запросов пользователей по темам «Конвенция Монтрё» и «Черноморские проливы» является неравномерной и вполне закономерно отражает моменты межгосударственной напряженности, связанные с обострением ситуации в ЧР (рис. 1).

Ожидаемо абсолютное большинство запросов приходится на конец зимы 2022 г. и связано с началом СВО, требованием В. Зеленского перекрыть Проливы для России и ответом Турции. Кривая колебаний интереса к проблеме в целом совпадает с отражением темы в западных экспертно-аналитических материалах. До 2022 г. упоминания Конвенции Монтрё как определяющей режим прохождения Черноморских проливов носили единичный характер: «фабрики мысли», транслирующие тренды внешней политики НАТО, на уровне дискурса сводили к нулю значимость документа. После перекрытия Босфора и Дарданелл в 2022 г. почти любой аналитический доклад упоминает, что особый

региональный статус Турции обеспечен Конвенцией Монтрё.

В экспертно-аналитический дискурс и тем более дискурс СМИ тема режима Черноморских проливов, который действует ни много ни мало 86 лет, вводится как нечто новое даже для специалистов в области международных отношений. Например, в комментарии Гудзонского института по новой Черноморской стратегии США обозначен раздел *Montreux Convention for Beginners* (Coffey & Kasapoğlu, 2023), что можно перевести как «Конвенция Монтрё для чайников». Двуплановая образность названия подразумевает не только якобы незнание западным политиком сути Конвенции, но и намекает на глубинные стратегии ее преодоления.

Предыдущий виток интереса приходится на апрель 2021 г., когда тема Конвенции Монтрё вышла на первые строки не только страновой, но и мировой повестки после публикации письма 104 отставных турецких адмиралов, выступивших против строительства параллельного Босфору канала «Стамбул», которое имело все шансы подорвать действие Конвенции за счет появления альтернативного

February 2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/inhospitable-sea-toward-new-us-strategy-black-sea-region> (accessed: 25.03.2023).

морского пути в Черное море. Канал «Стамбул» длиной 45 км и шириной 275 м был анонсирован в 2011 г. Р.Т. Эрдоганом¹⁶, тогда премьер-министром Турции (Kundak & Ваурнар, 2011). В письме было подчеркнуто, что действующий режим Проливов обеспечивает нынешнюю независимую позицию Турции: «Конвенция Монтрё является основным документом безопасности причерноморских стран и Конвенцией, которая делает Черное море морем мира. Это Конвенция, которая дает право Турции не вступать без ее желания в войну на стороне одной из воюющих сторон»¹⁷, — аргумент, исключавший возможность дискуссии о пересмотре и отмене документа. В своей ответной реакции Р.Т. Эрдоган решительно подчеркнул, что признает Конвенцию значительным достижением своего времени для Турции и собирается хранить приверженность ей, пока не представится лучший вариант контроля над Проливами, а канал «Стамбул» только укрепит суверенитет Турции над Проливами. Тем не менее в будущем пересмотр условий Конвенции на лучших для Анкары условиях и с участием международного сообщества возможен¹⁸.

Если проект по постройке «Стамбула» состоится, то канал получит статус искусственного и национального, а значит, военный и торговый трафик по нему будет регулироваться исключительно властями Турции, что предполагает два варианта:

1) Турция полностью запрещает движение военных судов через канал «Стамбул», что сохраняет в полной мере верховенство Конвенции Монтрё над Проливами;

¹⁶ Eldem T. Canal Istanbul: Turkey's Controversial Megaproject // SWP Comment. 2021. No. 43. P. 1—8. URL: <https://doi.org/10.18449/2021C43> (accessed: 25.03.2023).

¹⁷ Отставные турецкие адмиралы подписали письмо в защиту Конвенции Монтре // Forbes. 04.04.2021. URL: https://forbes.kz/news/2021/04/04/newsid_247088 (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁸ Alhas A. Turkey Remains Committed to Montreux Treaty: President // Anadolu Agency. April 5, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-remains-committed-to-montreux-treaty-president/2198967> (accessed: 25.03.2023).

2) Турция разрешает движение военных судов — черноморских и нечерноморских государств — через канал «Стамбул», что фактически выводит их из зоны действия Конвенции.

С начала СВО Турция приложила максимум усилий, чтобы добиться роли равноудаленного партнера для России и Запада, став сначала площадкой переговоров, а потом и государством, обеспечившим зерновую сделку. Такая тактика вписывается в стратегию Турции по достижению статуса глобального актора (Ирхин, Москаленко, 2021), которая в итоге воплотилась в принимаемой на себя Турцией роли глобального переговорщика между Западом и не-Западом, где одним из итогов является эффективное привлечение такого инструмента морской безопасности, как Конвенция Монтрё. Турция, сохраняя нейтральный статус и заключая ситуативные партнерства, стремится завоевать роль одного из архитекторов нового мирового порядка, каким бы он ни был.

В качестве еще одной причины намеренно «небрежного» трактования Конвенции звучит мысль о возможном страхе перед российской реакцией: сославшись на дискриминацию по признаку «воюющая / невоюющая сторона», Россия могла бы потребовать денонсации Конвенции Монтрё, что автоматически привело бы к регулированию судоходства в Проливах в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву¹⁹ и открытию доступа в Черное море для любых военных кораблей²⁰.

Однако ни Россия, ни страны Запада не заявили протеста по поводу перекрытия Проливов. Позиция России укладывается в регулярно декларируемое понимание Конвенции как инструмента обеспечения безопасности

¹⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 25.03.2023).

²⁰ Overfield C. Turkey Must Close the Turkish Straits Only to Russian and Ukrainian Warships // Lawfare. March 5, 2022. URL: <https://www.lawfareblog.com/turkey-must-close-turkish-straits-only-russian-and-ukrainian-warships> (accessed: 25.03.2023).

на Черном море, важным условием которой является решение вопросов экономики и безопасности в регионе исключительно черноморскими государствами, без вмешательства извне²¹. Если одному игроку — России — невозможность появления флота НАТО в Черном море только играет на руку, то у самого Североатлантического альянса на протяжении 2022 г. не возникало чреватой глобальным столкновением необходимости военного присутствия в Черном море.

За этот период Турция в информационном пространстве неоднократно заостряла внимание на том, что «выполняет все требования Конвенции Монтрё... С марта ни одно военное судно не проследовало через Турецкие проливы. Ни один российский военный самолет не использовал воздушное пространство Турции на пути в Сирию»²², — заявления сопровождаются акцентом на высокой миссии Турции по справедливому урегулированию международных проблем (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 92): «Необходим справедливый мир для Украины. Именно этого добивается Турция»²³. Ежегодные многонациональные учения «Морской бриз» (*Sea Breeze*), проводимые США и Украиной в Черном море с 1996 г., прошли в июле 2022 г. без входа в Черноморский бассейн военных кораблей прибрежных государств. Упоминания о том, что решение Турции обеспечивает мир в водах региона и препятствует

эскалации конфликта, звучат на пресс-конференциях первых лиц страны и в обращениях к нации²⁴.

Тем не менее уже через три дня после очередного выступления М. Чавушоглу, где он озвучил, что с начала украинского кризиса через Проливы в Черное море не прошло ни одно военное судно²⁵, состоялся запланированный визит в Турцию американского эскадренного миноносца *USS Nitze* (DDG-94), который в полном вооружении прошел Дарданеллы и встал на якорь в Стамбуле у входа в Босфор. Посол США в Турции Дж. Флейк задействовал пафосную риторику, характеризуя сотрудничество с Турцией эпитетами с семой «исключительно»: «Турция — *особо ценный* член НАТО, а визит „Нитце“ — возможность *еще значительнее* укрепить наше *давнее и жизненно важное* партнерство с Турцией»²⁶.

На визуальном уровне фото посла США на борту судна на фоне огромного американского флага и в несколько раз меньшего турецкого было расценено как демонстрация силы со стороны Вашингтона. Хотя формально американский миноносец не вошел в акваторию Черного моря, прохождение через Дарданеллы можно считать прецедентом: США показали превосходство и де-факто непризнание заявленного Турцией в начале СВО варианта применения Конвенции Монтрё.

Под Турецкими проливами в Конвенции Монтрё 1936 г. понимаются пролив Дарданеллы, Мраморное море и пролив

²¹ См.: Парламентское измерение сотрудничества в Черноморском регионе: основные итоги, тенденции, перспективы : материалы парламентских слушаний // Государственная дума. 20.02.2018. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/OrPEaA38V0iQCYdJuAy9Dv6TFxqV4PMI.pdf> (дата обращения: 25.03.2023); Выступление руководителя Делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями К.Ю. Гаврилова на 1043-м пленарном заседании Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности // ОБСЕ. 03.05.2023. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/a/544861.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

²² Чавушоглу заявил, что Турция выполняет все требования Конвенции Монтре // РИА Новости. 29.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221129/turtsiya-1835047922.html> (дата обращения: 25.03.2023).

²³ Там же.

²⁴ Эрдоган заявил о строгом соблюдении Турцией Конвенции Монтрё по черноморским проливам // ТАСС. 09.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16762693> (дата обращения: 25.03.2023).

²⁵ Турция заявила, что следует Конвенции Монтрё, не пуская в Черное море военные корабли // ТАСС. 01.02.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16933499> (дата обращения: 25.03.2023).

²⁶ Vandiesal C. *USS Nitze* (DDG 94) Arrives at Gölcük Naval Base in Türkiye // U.S. Naval Forces Europe and Africa. U.S. Sixth Fleet. February 5, 2023. URL: <https://www.c6f.navy.mil/Press-Room/News/Article/3287629/uss-nitze-ddg-94-arrives-at-glck-naval-base-in-trkiye/> (accessed: 25.03.2023).

Босфор²⁷, которые создают таким образом единое географическое и, что более важно, геополитическое пространство, закрепленное в Конвенции и обеспечивающее транзит между Черным и Средиземным морями. Соглашение США с запретом на прохождение в Черное море для своих военных кораблей можно охарактеризовать как добровольное и временное. Тем не менее на уровне риторики неоднократно подчеркивается условность его принятия и понимание неверного применения ст. 19. «В обозримом будущем Анкара продолжит блокировать проход военных судов в Черное море через Турецкие проливы. Хотя Турция применила ст. 19 Конвенции Монтрё, распространяющуюся на военные корабли воюющих сторон, риторика МИД Турции подразумевает, что Анкара будет блокировать всю военно-морскую активность внешних акторов» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 1), — так трактуется позиция Турции в одном из аналитических материалов, в котором согласие с решением Анкары превращается в своеобразный «жест доброй воли», но уже со стороны США²⁸.

В докладе *Chatam House* (Bailey & Wellesley, 2017) на основе комплексной методологии Турецкие проливы выделены как имеющие глобальное стратегическое значение, через них ежегодно проходит пятая часть мирового экспорта пшеницы и шестая часть экспорта кукурузы, и предполагается дальнейший интенсивный рост экспорта зерновых из ЧР, для которого путь через Проливы является безальтернативным (Bailey &

Wellesley, 2017, pp. V—VII, 12). При этом уже на 2017 г. и зона Проливов, и черноморские порты были отнесены к регионам с высокой нестабильностью, конфликтностью и/или риском свержения действующей власти. Предполагались ненулевая вероятность вооруженного конфликта в самой Турции после попытки государственного переворота 2016 г., а также возможное обострение российско-турецких отношений. Тем не менее даже на этом фоне эксперты практически не рассматривали возможность перекрытия Турцией Босфора (Bailey & Wellesley, 2017, pp. 36—37). В аналитическом документе объемом 124 страницы (Bailey & Wellesley, 2017) красной нитью проходит мысль, что государство, контролирующее Проливы, полностью контролирует поставки через него товаров, но при этом ни разу даже не упомянуто основание — Конвенция Монтрё, регулирующая гражданское, торговое и военное судоходство через Черноморские проливы.

Таким образом, в 2022 г. Турция не только закрыла Проливы для военных кораблей всех стран, но и выступила в роли организатора и «держателя» так называемой «зерновой сделки», необходимость которой возникла в связи с военными действиями в акватории Черного моря. Успех в роли медиатора стал одним из тезисов, которые Р.Т. Эрдоган регулярно выносит в публичное пространство как для продвижения образа Турции в мире, так и во внутривластной повестке.

Перспективы денонсации или пересмотра Конвенции Монтрё

Озвученная и реализуемая Турцией сверженная единственного неподвзятая рефери конфликта, глобального миротворца, демонстрация «логики благих намерений» в случае с превышением полномочий по Конвенции могут привести к инициированию со стороны Запада пересмотра или отмены как решения Турции, так и всей Конвенции.

Не являющиеся подписантами Конвенции США на регулярной основе в экспертно-аналитическом поле, частично — в виде

²⁷ Конвенция призвана «...упорядочить проход и судоходство в проливе Дарданеллы, в Мраморном море и в Босфоре, обнимаемых общим определением „Проливы“». См.: Конвенция о режиме проливов // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247> (дата обращения: 25.07.2023).

²⁸ См.: Lancaster M. *Troubled Waters — How Russia's War in Ukraine Changes Black Sea Security*. Preliminary Draft Report // NATO Parliamentary Assembly. May 2, 2023. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2023-05/020%20DSCFC%2023%20E%20-%20BLACK%20SEA%20SECURITY%20-%20LANCASTER%20REPORT%20.pdf> (accessed: 25.07.2023).

законодательной инициативы и активно — на дискурсивном уровне продвигают тему пересмотра или отмены действующего режима Проливов, в качестве причины указывая доминирование России в ЧР²⁹. Чтобы возможная в перспективе инициатива США по фактическому отказу от Конвенции и, как следствие, установлению своего господства в ЧР на различных уровнях воспринималась нормально, реализуется многомерная стратегия. Один из ее элементов — научное обоснование. В американском варианте оно дополняется обязательным компонентом, ориентированным на поддержание имиджа страны как проводника демократических ценностей.

В июле 2022 г. на рассмотрение Конгресса США был внесен законопроект — Акт по безопасности в Черном море 2022 г. (*Black Sea Security Act of 2022*)³⁰, а в декабре 2022 г. его принял в работу Комитет Сената по международным отношениям, в 2023 г. документ прошел официальную процедуру принятия под названием *Black Sea Security Act of 2023*. Признавая критическое значение ЧР для национальной безопасности шести прибрежных государств, нарастающую напряженность в регионе на восточной границе ЕС и рубежах НАТО и усиление России в регионе после 2014 г., конгрессмены инициируют активную корректировку внешней политики США в ЧР. Еще в 2020 г., отмечая необходимость обновить концепцию ЧР для США, американские эксперты отказались от странового принципа определения границ этого региона из-за удаленности и безликости большинства стран, но определили водное геополитическое пространство Черного моря в качестве центрального элемента концептуализации. Сам регион был представлен через спортивную метафору: на огромной бейсбольной площадке воспроизведена классическая расстановка в девять игроков,

из которых субъектностью наделены три ведущих: Украина на севере, Турция — на юге, Россия — на северо-востоке (Москаленко, Ирхин, Кабанова, 2022, с. 264).

Три года спустя Соединенные Штаты прямо назвали «удаленное на тысячи миль Черное море имеющим критическое значение для своих трансатлантических интересов и геополитической дорожной карты» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 4). Среди проблемных факторов региона конгрессмены указывают на нынешний режим функционирования Черноморских проливов, так как «война России с Украиной заострила важность ЧР для национальных интересов США» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, pp. 3—4): «(9) Хотя в феврале 2022 г. Турция заблокировала вход российских военных кораблей в Черное море на основании Конвенции, регулирующей режим Проливов, которая была подписана в швейцарском городе Монтрё 20 июля 1936 г., документ не принимает в расчет увеличение размеров, водоизмещения, вооружения современных военных кораблей, а на Россию не распространяются те же ограничения по тоннажу, что и на неприбрежные государства. (10) Турция отказывается изменить свое понимание Конвенции Монтрё, чтобы не ослабить свою позицию в регионе»³¹.

Эти два тезиса, во-первых, демонстрируют позицию США по поводу применения Турцией ст. 19 Конвенции Монтрё и перекрытия Проливов для судов всех государств. Формулировка из законопроекта упоминает блокирование входа только для российских кораблей на фоне объявленного МИД Турции полного перекрытия проливов для любых военных кораблей. Во-вторых, предлагается на законодательном уровне поставить вопрос о пересмотре документа в связи с изменением тактико-технических характеристик флотов и, наконец, в основном прямо указывается на стремление США воздействовать на Турецкую Республику в вопросах регулирования судоходства через Проливы и недовольство чрезмерно независимым поведением Турции в ЧР.

²⁹ Graffy C. Who Will Control the Black Sea? // GIS. October 11, 2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/black-sea-russia-turkey/> (accessed: 25.03.2023).

³⁰ S.4509 — Black Sea Security Act of 2022. 117th Congress (2021—2022) // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4509> (accessed: 25.03.2023).

³¹ Ibid.

Реализация основных мер новой Черноморской стратегии США должна привести к расширению их экономического и военного присутствия, развитию Инициативы трех морей, утверждению демократических ценностей, расширению сотрудничества ЕС, США и НАТО в ЧР и Большом ЧР, в том числе в военной и разведывательной сферах. Особый акцент в законопроекте сделан на сдерживании России в регионе и защите свободы судоходства в Черном море во избежание расширения военных действий на территорию Европы. Предлагается создать объединенный многонациональный военный штаб на Черном море, ответственный за все типы военных операций в Большом ЧР, а также, работая напрямую с Турцией, Украиной, Румынией и Болгарией, добиться свободы судоходства, что повысит безопасность и экономическую доступность Черного моря (Coffey & Kasapoğlu, 2023, pp. 16—17).

В октябре 2022 г. зарегистрированная в Лихтенштейне «фабрика мысли» проамериканской направленности *Geopolitical Intelligence Service* (GIS) внесла в экспертно-аналитическую повестку прямой запрос на радикальный пересмотр Конвенции Монтрё как обеспечивающей тотальный контроль над Черным морем. По мнению доктора юридических наук Колин Грэффи, Конвенция Монтрё превращает Черное море во «внутреннее море» России, давая ей возможность доминировать в регионе, нападать на прибрежные государства и захватывать их территории. Так как уже после 2022 г. Азовское море де-факто стало «внутренним морем» России, Волго-Донской канал позволяет перемещать суда из Каспийского моря в Черное через Керченский пролив, а договор с Сирией обеспечил Россию южным портом Тартус с неограниченным выходом в Средиземное море. Аналитик отмечает, что «в случае успеха СВО Россия готова аннексировать Приднестровье», что еще больше увеличит черноморскую границу России³².

³² Graffy C. Who Will Control the Black Sea? // GIS. October 11, 2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/black-sea-russia-turkey/> (accessed: 25.03.2023).

Этому негативному сценарию для США и их союзников способствуют ограничения мореплавания, установленные Конвенцией Монтрё. В этом ключе просматривается семантика обоснования непригодности документа, связанная с продвижением Соединенными Штатами концепции «свободы мореплавания»: «Положения Конвенции Монтрё разительно противоречат принципам свободы передвижения военных кораблей в открытом море, установленным столетия назад. „Особые права“ для черноморских государств теперь фактически распространяются только на Россию и Турцию. С точки зрения многих экспертов, эти привилегии противоречат современным принципам международного морского права. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. обеспечивает право транзитного прохода через Проливы, которому не должно чиниться препятствий (ст. 38). Прекращение действия Конвенции Монтрё вернет регион в юридическое поле морских норм, которым следует большинство государств»³³.

В зависимости от развития СВО американские эксперты рассматривают четыре сценария событий в ЧР.

Первый — предполагает затяжной характер конфликта, превращение Черного моря во «внутреннее озеро России» даже без ее победы и сохранение Конвенции Монтрё в нынешней редакции, но оценивается как крайне маловероятный.

Второй сценарий предусматривает поражение России, но из-за отсутствия политической воли Запада Конвенция 1936 г. не меняется (вероятный сценарий).

При третьем сценарии на фоне поражения России США, ЕС и НАТО инициируют пересмотр Конвенции Монтрё в соответствии с Актом по безопасности в Черном море 2022 г., но при этом сохраняется суверенитет Турции над Проливами (вероятный сценарий).

Четвертый сценарий, хотя и оценивается как маловероятный из-за позиции Турции, описывает вариант полной отмены Конвенции и перехода Проливов под общие положения международного морского права³⁴.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Непримирение и активизацию со стороны США в первую очередь следует связывать с усилением морского присутствия России в ЧР, в экспертно-аналитическом дискурсе, обозначаемом как «поиск новой морской сферы влияния» (*new nautical sphere of influence*), что требует от США новой стратегии, в которой Турция так или иначе будет оставаться важным элементом, пока контролирует Проливы. Свои шаги к пересмотру или отмене Конвенции Монтрё Соединенные Штаты предпочитают, как правило, не обозначать в публичном пространстве, но охотно упоминают попытки Российской империи и СССР оспорить безоговорочную власть Турции над Проливами³⁵. Таким образом, важным для США становится достижение стратегического равновесия с Турцией, которое подразумевает снятие «онтологического недоверия» Турции к США: возможно оно только при условии, что любое увеличение присутствия НАТО в регионе не будет нарушать Конвенцию Монтрё³⁶.

События СВО вновь вернули в экспертное поле концепцию БЧР, которая была введена в оборот после событий 11 сентября 2001 г. в контексте расширения ЕС и НАТО, но ее ключевые акторы тогда не достигли поставленных целей (Tsantoulis, 2016, p. 6). В брифе «Новая черноморская стратегия для новой черноморской реальности» эксперты Гудзонского института Л. Коффи и Жан Касапоглу подчеркивают, что новая геополитическая реальность, в особенности ее морское измерение, требуют от США и блока НАТО долговременной и многомерной стратегии, рассчитанной на Большой ЧР, так как «пространство вокруг Черного моря по-прежнему остается пространством для расширения НАТО и ЕС» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 4). При этом авторы используют термин *Broader Black Sea region* (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 1) в противовес

устоявшемуся *Wider Black Sea region*, подтверждая выбор слова обновленным пониманием региона, где особое стратегическое значение придается Азову и Каспию (с ключевым акцентом на Иране): «Россия воспринимает Каспийское море и Черное море как единое геополитическое пространство. Такого же подхода следует ожидать от властей [США] и военных стратегов НАТО» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 11).

Факторами «оживления» концепции стало не только начало СВО и превращение Азовского моря во внутреннее море России, но и обращение Турции к Конвенции Монтрё, что напомнило миру о статусе Турецкой Республики в регионе. В 2005 г. на волне продвижения концепции Большого Черноморского региона отмечался явный курс Вашингтона на пренебрежение положениями Конвенции (Tchantouridze, 2018, p. 44). В настоящее время необходимость разработки и воплощения новой стратегии для Запада в регионе имеет следующие предпосылки.

Турция будет стремиться сохранить *status quo* в регионе за счет Конвенции Монтрё, но в условиях затяжного российско-украинского конфликта решение о перекрытии Проливов имеет две стороны: не только ограничивает отправку военных судов НАТО в Черное море, но и изолирует внутри региона Черноморский флот в ослабленном состоянии с возможностью усиления только с Каспия, перекрывает ему доступ в Средиземное море. Для Запада помощь Украине по возвращению Крыма стратегически оправдана для обеспечения безопасности восточного фланга Альянса, а сдерживание России в Черном море обеспечит безопасность южного фланга.

Турецкими элитами Конвенция Монтрё расценивается как непоколебимое основание особого положения страны в регионе, а все остальные переменные носят договорной характер. По мнению американских экспертов, СВО высветила претензии Турции (обусловленные географически, экономически, политически и исторически) на лидерство в ЧР, которые тем не менее себя практически исчерпали. Поэтому настало время грамотно

³⁵ Aronsson L., Mankoff J. The Inhospitable Sea // The Center for Strategic and International Studies (CSIS). February 2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/inhospitable-sea-toward-new-us-strategy-black-sea-region> (accessed: 25.03.2023).

³⁶ Ibid. P. 25.

использовать амбиции Турции, а ее влияние в регионе подчинить целям безопасности и стабильности Запада: «Западные союзники Турции должны сосредоточиться на новой модели кооперации в ЧР, которая в том числе подразумевает военное сотрудничество между тремя странами НАТО в регионе, и прекратить бесперспективно выпрашивать послабления по Конвенции Монтрё» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 4).

В Черноморской стратегии США Конвенция Монтрё остается реальностью, с которой предстоит работать долговременно и разными средствами. Рассматриваемый в Конгрессе документ определяет лишь направления, которые, тем не менее, уже наполняются конкретными смыслами и мерами, и их цель — обеспечить лидирующую роль США в ЧР. Во многом этого предлагается достичь за счет размывания существующего режима функционирования Черноморских проливов и воздействия на Турцию:

- сразу же после того, как Турция снимет запрет на проход в Черное море военных кораблей неприбрежных государств, запустить на постоянной основе морскую патрульную миссию НАТО в Черном море;

- если невозможно отменить ограничения по водоизмещению и срокам пребывания нечерноморских судов в Черном море, значит, следует помочь ориентированным на НАТО государствам региона (Болгарии, Румынии, Украине и Грузии) усилить собственные флоты подходящими судами;

- эффективно использовать возможности береговой охраны, а реальный украинский опыт морского боя в условиях практически полного отсутствия флота можно распространить на другие территории (например, Азербайджан, Азовское море, Тайвань).

Ряд мер предполагает расширение ЧР до Черноморско-Каспийского региона: «Крайней точкой черноморской границы НАТО должно стать южное побережье Каспийского моря» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 12).

Обязательным условием является тесное сотрудничество с Турцией на условиях примата Конвенции Монтрё, но с оговорками: региональное сотрудничество Турции

с Россией теперь исключается, а допустимые модели кооперации в регионе должны определяться США. По традиции Соединенные Штаты обращаются к риторике универсальных ценностей: «Ни у одной черноморской нации не должно возникнуть желания взаимодействовать с Москвой, в которой у власти *силовики*» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 13).

Как видно из предлагаемых мер в рамках Черноморской стратегии США, претензии Турции на региональное лидерство и сохранение суверенитета над Проливами допустимы для США только с соблюдением перечня условий, среди которых, во-первых, ряд косвенных шагов по размыванию Конвенции Монтрё, что приведет лишь к ее номинальному функционированию без фактического изменения текста документа, а во-вторых, курс на жесткое давление на Турецкую Республику вплоть до смены власти, если Р.Т. Эрдоган сохранит самостоятельную внешнеполитическую линию, подразумевающую балансирование между Западом и не-Западом и реализуемую во многом за счет так называемой «химии»³⁷ между В.В. Путиным и турецким лидером.

Декларируемая и успешно реализуемая солидаризация Запада сдвигает шкалу вероятностей в сторону пересмотра Конвенции Монтрё вплоть до полного перехода Проливов под регуляцию Конвенцией ООН по морскому праву или же демилитаризацию Черного моря по модели Парижского мира 1856 г. после Крымской войны. С учетом подобных сценариев и запроса США на пересмотр или отмену Конвенции пересечение миноносцем «Нитце» Дарданелл в направлении Черного моря можно расценивать как пробу реакции, с одной стороны, и как позицию США по заявленному Турцией применению ст. 19 Конвенции — с другой.

Хотя еще в 2021 г. в экспертном поле был озвучен анализ подобного кейса в связи с перспективой строительства канала «Стамбул», по турецкому законодательству,

³⁷ Goncharenko R. Erdogan “Takes Great Care Not to Cross” Putin // DW. May 8, 2022. URL: <https://www.dw.com/en/turkey-taking-great-care-not-to-cross-russias-red-lines/a-62727068> (accessed: 25.03.2023).

регулирующему пребывание иностранных военных судов в турецких портах на Мраморном море, военное судно нечерноморского государства имеет право пройти через Дарданеллы в Мраморное море и посетить порт Стамбул в рамках двусторонних военных связей под патронатом Генерального Штаба Турции. Такой подход позволяет, по мнению К. Юджея, не распространять Конвенцию Монтрё на проход Дарданелл, так как второй пролив, обозначенный в Конвенции, не затрагивается. Однако возникает закономерный вопрос: имеет ли право военное судно, проследовавшее из Эгейского моря и сделавшее остановку в порту Стамбул (или любом другом турецком порту на Средиземном море), после этого войти в черноморские воды (Yücel, 2019, pp. 244—249), особенно если появится канал «Стамбул» и отпадет необходимость пересекать Босфор?

Заключение

Проведенное исследование позволяет выделить дискурс позиций ведущих международных акторов в отношении Конвенции Монтрё в публичном политическом, экспертно-аналитическом и медийном пространстве.

Турция продолжает заявлять о неукоснительном следовании установленному в 1936 г. режиму функционирования черноморских проливов, который обеспечивает ее особое положение в ЧР. Однако решение о перекрытии проливов в 2022 г. для военных кораблей всех стран, а не только участниц конфликта, на основании ст. 19 Конвенции носит преимущественно политический, демонстративно-декларативный характер и оправдывается высокой целью поддержания безопасности в регионе, при том что его юридические основания могут быть оспорены. Очевидно, что под данные условия и интерпретацию более подходила ст. 21, по которой, если Турция считает себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности, проход военных кораблей зависит исключительно от решения турецкого правительства. Однако такой подход сужал бы возможности политического маневра и сформированного «ручного режима» управления.

Турция успешно справляется с традиционным процессом балансирования между интересами России и Запада во многом именно за счет роли нейтрального «привратника» Босфора и Дарданелл, следующего не столько «букве», сколько «духу» Конвенции. Необходимо подчеркнуть технологичность такого применения статей Конвенции, за счет чего повышается региональный статус и глобальная роль Турции. При этом возникает вопрос интерпретации статей Конвенции Монтрё в зависимости от субъективных взглядов турецкого руководства, его целей и задач в конкретный промежуток времени.

Несмотря на всю видимую противоречивость решения Анкары, оно оказалось на данный момент в интересах как России, которая пока защищена от присутствия в водах Черного моря крупных военных сил, так и стран Запада, опасющихся прямого столкновения с Россией. Пока Россия заняла выжидательную позицию и воздерживается от каких-либо заявлений по поводу применения ст. 19 Конвенции. Однако в случае давления на Турцию со стороны союзников по НАТО решение может быть пересмотрено, так как оно носит имиджево-декларативный характер.

Американоцентричный подход к восприятию турецкой внешнеполитической стратегии предполагает, что Конвенцией Монтрё при необходимости можно будет пренебречь. Пока запрос на пересмотр режима функционирования Черноморских проливов, от которого основным выгодополучателем станут США, реализуется на дискурсивно-медийном уровне. США не являются подписантами Конвенции и склонны подавать ее соблюдение Вашингтоном как жест доброй воли, реализуемый ради стабильности ЧР, пока это не вступает в прямое противоречие с американскими интересами. Тем не менее в новой американской Черноморской стратегии ЧР обозначен как критически важный, и определяется ряд шагов в рамках общей стратегии установления влияния США там. Обновленная концепция во многом опирается на версию 2000—2010-х гг., когда ставились следующие цели: демократизация, создание и развитие государственных институтов,

соблюдение прав человека, интеграция стран региона в Евро-Атлантическое сообщество, энергетическая безопасность. Эти меры, по мнению американцев, должны были привести к созданию единого геостратегического пространства. С позиции 2022—2023 гг. США в дискурсивном пространстве декларируют те же цели, но делают акцент на необходимости работы с Турцией в отношении ее суверенитета над Проливами с целью выгодной для Вашингтона трансформации подходов Анкары.

Ярко проявившаяся после начала СВО роль Турции как балансира между Западом и не-Западом, дипломатический и политический торг о вступлении Швеции и Финляндии в НАТО, претензии на роль глобальной переговорной площадки через регулирование военного (а по факту, и торгового) судоходства в регионе не устраивает Соединенные Штаты. И если раньше Турция, как правило, занимала неоспоримую позицию фланга НАТО в регионе, то теперь США стремительно усиливают здесь военное сотрудничество с другими государствами, особенно с Румынией, что в некоторой мере позволит обходить ограничения Конвенции Монтрё даже без ее пересмотра, а также испытывают различные способы давления на Турцию.

Логистическая роль и военно-политическое значение черноморских проливов в последнее десятилетие объективно возросли — по сути, из-за столкновения двух проектов глобализации: американского Большого ЧР (7 прибрежных государств, Азербайджан и Армения), скорректированного с учетом СВО (Черноморско-Каспийский регион с акцентом на Иран), и китайского «Пояса и

пути». Реализация первого будет означать достижение «оперативного окружения» КНР со стороны суши и лишение Китая стратегической глубины, которая обеспечивается за счет евразийских сухопутных пространств и системы нейтральных стран и союзников Пекина. В свою очередь, перевес в сторону второго проекта «коллективного Востока» позволит КНР и России вырваться на стратегические просторы Европы и Евразии, минуя контролируемые США глобальные морские коммуникации. Поэтому Конвенция Монтрё будет оставаться в центре публичной и реальной политики до окончания процессов формирования новой системы международных отношений, обеспечивающей стабильность развития мира на последующую политическую эпоху.

Каким будет этот мир — западоцентричным или ориентированным на «коллективный Восток» — решается сейчас в том числе в ЧР, где Черноморские проливы (вход и выход, Южное Причерноморье) и Крым (контроль над Северным Причерноморьем) являются императивом для контроля над всем регионом.

До Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) Черное море рассматривалось в Стамбуле как «гарем султана», то есть вход в него любых иностранных кораблей был невозможен. Сложившийся в рамках Конвенции Монтрё в 1936 г., еще до Второй мировой войны, режим функционирования Черноморских проливов является самым долговременным режимом с 1774 г. и отражает региональное равновесие, которое в настоящее время подвергается эрозии.

Поступила в редакцию / Received: 01.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А., Гудев П. А.* Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23, № 3. С. 348—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363>
- Аватков В. А., Гузаеров Р. И.* «Мир больше пяти», или Справедливость по-турецки // *Современная Европа*. 2023. № 1. С. 194—201.

- Болдырев А. В. К вопросу о возможности для России участвовать в турецком проекте «канал „Стамбул“» // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 271—280. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-1-271-280>
- Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023.
- Воронин И. Н., Швец А. Б., Воронина А. Б. Рубежность социокультурного пространства и его трансформация на примере Причерноморья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3, № 3—1. С. 23—32.
- Головенченко А. А. К вопросу о Конвенции Монтрё — роль документа сегодня и завтра // Власть. 2022. № 4. С. 52—59. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9124>
- Демешко Н. Э., Аватков В. А., Ирхин А. А. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 5. С. 133—150. <https://doi.org/10.31249/kg/2022.05.07>
- Дружиловский С. Б. Проблемы безопасности в российско-турецких отношениях // Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность / отв. ред. О. В. Буторина. Москва : ИЕ РАН, 2019. С. 45—49.
- Ивкина Н. В., Павлова Т. С., Никулин М. А. Нарушение конвенции Монтрё как угроза безопасности России // Морской сборник. 2020. № 1. С. 49—57.
- Ирхин А. А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783—2018 гг. и национальные интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4, № 3. С. 70—80.
- Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 91—107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
- Комлева А. Л., Цветкова Ю. С. Правовой режим Черноморских проливов // Океанский менеджмент. 2021. № 1. С. 25—29.
- Митина В. Правовое регулирование режима Черноморских проливов // Океанский менеджмент. 2018. № 2. С. 33—36.
- Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018—2021 гг.) // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 258—277. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277>
- Мошкин С. В. Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944—1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 112—116.
- Смоляняк И. В. У истоков политики сдерживания: черноморские проливы как фактор напряженности внутри Большой тройки на завершающем этапе Второй мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 8. С. 48—57.
- Bailey R., Wellesley L. Chokepoints and Vulnerabilities in Global Food Trade // Chatam House. The Royal Institute of International Affairs. 2017. P. 1—124. URL: <https://resourcetrade.earth/publications/chokepoints-and-vulnerabilities-in-global-food-trade> (accessed: 23.01.2023).
- Coffey L., Kasapoğlu C. A New Black Sea Strategy for a New Black Sea Reality // Hudson Institute Policy Memo. 2023. P. 1—14. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/A+New+Black+Sea+Strategy+for+a+New+Black+Sea+Reality.pdf> (accessed: 23.01.2023).
- Kundak S., Bayrınar M. B. The Crazy Project — Canal Istanbul // TeMA — Journal of Land Use, Mobility and Environment. 2011. Vol. 4, no. 3. P. 53—63. <https://doi.org/10.6092/1970-9870/465>
- Neumann I. A Region-Building Approach to Northern Europe // Review of International Studies. 1994. Vol. 20, iss. 1. P. 53—74. <https://doi.org/10.1017/S0260210500117784>
- Seydi S. The Turkish Straits and the Great Powers. Istanbul : The Isis Press, 2010.
- Tchantouridze L. The Black Sea Question in Russo-Turkish Relations // Contemporary Russo-Turkish Relations: From Crisis to Cooperation / ed. by A. Askerov. London : Lexington Books, 2018. P. 125—156.
- Tsantoulis I. Towards a Genealogy of Regions in International Relations: An Autopsy of the Black Sea (Region) [thesis]. London : University College, 2016.
- Tulun T. The Montreux Convention: A Regional and Global Safety Valve // Center for Eurasian Studies. AVİM Report. 2020. No. 17. P. 1—74. <https://avim.org.tr/images/uploads/Rapor/rapor-17-arsiv-icin.pdf> (accessed: 23.01.2023).

Yücel K. The Legal Regime of the Turkish Straits: Regulation of the Montreux Convention and Its Importance on the International Relations After the Conflict of Ukraine [thesis]. Frankfurt am Main : Johann Wolfgang Goethe University, 2019.

Сведения об авторах:

Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

Мурадов Георгий Львович — кандидат исторических наук, заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте РФ; профессор, МГИМО МИД России; ORCID: 0009-0001-2806-5821; e-mail: pprk@pprcrimea.ru

Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru

Нагорняк Кирилл Иванович — соискатель, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0003-0075-1405; e-mail: kir.nagornyak@yandex.ru

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-662-677

EDN: OJFUME

Научная статья / Research article

Восточный вопрос во взглядах российских либералов начала XX в.

Р.А. Арсланов , К.П. Курылев ✉, Д.В. Станис

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉kurylev-kp@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается отношение российских либералов начала XX в. к занимавшему особое место в международной политике Восточному вопросу, обострение которого стало одним из факторов, приведших к Первой мировой войне. Различные политические силы России разрабатывали свои варианты решения этого вопроса, понимая, что от предлагаемых ими проектов во многом зависели судьбы не только страны, но и всего мира. Анализ неоднозначного восприятия либералами действий правительства Российской империи на Балканах, их отношения к южным славянам, проблеме Черноморских проливов и противостоянию объединившихся в союзы великих держав, то есть ко всем аспектам Восточного вопроса, позволит реконструировать и осмыслить понимание либералами связи внешней политики и внутреннего развития России, национальных интересов и идейных ценностей. Оценка взглядов либералов начала XX в. на Восточный вопрос дает возможность увидеть не только особенности в его восприятии правящими верхами и представителями легальной оппозиции, но и корни усиливавшегося отчуждения элиты страны от народа. Именно это отчуждение, усугубившееся в годы военного лихолетья и проявившееся наряду с прочим в различном восприятии властью, либералами и народом значения Восточного вопроса, весной 1917 г. привело к падению первого либерального состава Временного правительства. В итоге народ, уставший от войны и не понимавший смысла борьбы России за чужие земли, выступил в поддержку большевиков, разоблачивших «империалистические замыслы» Временного правительства и выступавших за мир без аннексий и контрибуций. Затрагивается проблема отношения либералов не только к внешней политике правительства, но и к российской государственности, объясняются концептуальные причины их перехода от сдержанной миролюбивой позиции и стремления предотвратить войну к ее безоговорочной поддержке. Проанализированы идеологические и внешнеполитические факторы, повлиявшие на этот либеральный транзит. Основное внимание уделяется пониманию представителями различных либеральных течений Восточного вопроса, который, без преувеличения, занял центральное место не только в их внешнеполитической программе, но и в проекте внутренних преобразований, предполагавшем создание в результате его решения Великой России. Выявляется и изучается то новое, что было привнесено либералами в трактовку Восточного вопроса под влиянием не только меняющейся международной обстановки, политической и экономической модернизации России, становившейся «думской монархией», но и развития самой идеологии, отражены особенности восприятия этого вопроса представителями различных либеральных течений страны.

© Арсланов Р.А., Курылев К.П., Станис Д.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Восточный вопрос, славяне, Черное море, Проливы, либералы, кадеты, октябристы, прогрессисты, Великая Россия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Арсланов Р. А., Курyleв К. П., Станис Д. В. Восточный вопрос во взглядах российских либералов начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 662—677. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-662-677>

The Eastern Question in the Views of the Russian Liberals of the Early 20th Century

Rafael A. Arslanov , Konstantin P. Kurylev ✉, Daria V. Stanis

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉kurylev-kp@rudn.ru

Abstract. The study deals with the attitude of Russian liberals of the early 20th century to the Eastern question, which occupied a special place in international politics and whose aggravation became one of the factors leading to the World War I. Various political forces in Russia developed their own variants of its solution, realizing that the fate not only of the country, but of the whole world largely depended on the projects they proposed. The analysis of the liberals' ambiguous perception of the Russian government's actions in the Balkans, their attitude to the South Slavs, to the problem of the Black Sea Straits, and to the confrontation between the great powers united in alliances, i.e. all aspects of the Eastern question, will allow us to reconstruct and understand the liberals' understanding of the connection between foreign policy and Russia's internal development, national interests, and ideological values. Looking at the views of the liberals of the early 20th century on the Eastern question reveals not only the peculiarities of its perception by the ruling elite and representatives of the legal opposition, but also the roots of the growing alienation of the country's elite from the people. It was this alienation, which intensified during the war years and manifested itself, among other things, in the different perceptions of the importance of the Eastern question by the authorities, the liberals, and the people, that led to the fall of the first liberal Provisional Government in the spring of 1917. As a result, the people tired of the war and unable to understand the meaning of Russia's struggle for foreign lands, came to support the Bolsheviks, who exposed the "imperialist plans" of the Provisional Government and advocated peace without annexations and contributions. The paper touches upon the problem of the liberals' attitude not only to the government's foreign policy, but also to Russian statehood, the conceptual reasons for their transition from a restrained peace-loving position and the desire to prevent war to its unconditional support. The authors identify the ideological and foreign policy factors that influenced this liberal transit. The main attention is paid to the understanding of representatives of various liberal movements of the Eastern question, which, without exaggeration, took a central place not only in their foreign policy program, but also in the project of internal transformations, which envisaged the creation of Great Russia as a result of its solution. The study identifies and analyzes the innovations introduced by the liberals in the interpretation of the Eastern question under the influence not only of the changing international situation, political and economic modernization of Russia, which was becoming a "Duma monarchy," but also of the development of the ideology itself; the peculiarities of its perception by representatives of various liberal currents in the country are examined.

Key words: Eastern question, Slavs, Black Sea, Straits, liberals, Cadets, Octobrists, Progressists, Great Russia

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Arslanov, R. A., Kurylev, K. P., & Stanis, D. V. (2023). The Eastern question in the views of the Russian liberals of the early 20th century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 662—677. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-662-677>

Введение

В настоящее время тема отношения отечественных либералов начала прошлого века к Восточному вопросу может показаться академической, представляющей интерес лишь для узкого круга специалистов. На самом же деле ее исследование таит в себе возможности по-новому взглянуть на ряд проблем, волнующих современников. Прежде всего, рассмотрение взглядов либералов прошлого на внешнюю политику имперского государства позволит сравнить не только идейные установки оппозиции начала XX и XXI вв., но и реакцию общества двух эпох на отношение оппозиционеров к действиям правительства на международной арене.

Внешнеполитическая доктрина и практика руководства современной России, взявшего курс на ее возрождение как великой державы, использующего военные методы и пошедшего на решительное противостояние со странами Запада, вызывают, с одной стороны, осуждение со стороны части интеллектуалов, а с другой — поддержку большинства населения. Сегодня, как и в начале XX в., обнаруживаются все более усиливающиеся различия в восприятии элитой и массами самого предназначения государства, целей и методов его внешней политики. Идейный опыт либералов начала XX в., которые пытались преодолеть социально-политические противоречия и консолидировать общество, власть и элиту вокруг проекта решения Восточного вопроса, ведущего, согласно их предположениям, к созданию либеральной империи — Великой России, может быть учтен и переосмыслен в текущих реалиях. Современные либералы, в отличие от своих предшественников, выступают против имперских планов, критикуют власть за политику, прежде всего в отношении Украины. Они отстаивают необходимость восстановления сотрудничества с государствами Запада, видят в них не только эффективного партнера, но и образцовую модель развития страны.

Таким образом, актуальность темы определяется прежде всего необходимостью осмысления теоретического поиска российских либералов начала XX в., выявления, с одной стороны, степени релевантности их внешнеполитических проектов требованиям времени и общенациональным интересам, а с другой — оригинальных предложений, дающих возможность реализовать поставленные цели и добиться, как оказалось, невозможного — триумфа либерализма в стране.

Актуальность теме придают и существующие между либеральной элитой и массовым сознанием различия в восприятии международной обстановки и задач внешней политики современной России. Как и в начале прошлого столетия, эти группы по-разному воспринимают место России в мире и ее цели на международной арене. Правда, если в 1917 г. народные массы в отличие от либералов выступали за выход из войны и приоритетное решение внутренних проблем, то сегодня, как представляется, произошла инверсия в их позициях. Испытывая постимперский синдром, население поддерживает власть в ее противостоянии Западу, тогда как либералы выступают против экспансионистского и милитаристского, по их мнению, курса.

При всех различиях интерпретаций задач внешней политики страны между либералами прошлого и настоящего сохраняется главное — сам раскол с народом в восприятии не только международного положения России, но и роли государства в жизни страны. Для либералов начала XX столетия державность России, ее внешнеполитическое могущество при обеспечении прав и свобод личности, законности и порядка в стране определялись решающей ролью государства. Современные же либералы в укреплении государственности видят тоталитарные интенции, что лишь усиливает различия в мирозерцании не только с предшественниками, но и с большинством населения постсоветской России.

Актуальность темы обусловлена также тем, что у либералов прошлого и настоящего

в основе их внешнеполитических построений лежала идея о предопределенности выбора проевропейского цивилизационного вектора развития страны. Однако пропаганда западных ценностей, не учитывающая национальные традиции и особенности страны, вызывала в конечном счете неприятие народным сознанием либерального космополитизма. Причины провала либеральной пропаганды в России также могут привлечь внимание современного общества.

В итоге разработка темы дает возможность установить не только научную основательность либеральной рефлексии, но и степень осмысления ею жизненных интересов страны и умонастроений народа, а следовательно, перспективы либерализма в России. Более того, компаративистский подход позволит раскрыть содержание такого сложного понятия, как патриотизм, выявить различия в его интерпретации в зависимости от «духа времени».

Современным либералам может послужить ориентиром опыт балансирования их предшественников, а точнее, их поиск синтеза между идеями патриотизма и политической свободы, державности и гражданского общества, империи и прав национальностей.

Обращение к теме дает возможность раскрыть либеральное понимание сложного и противоречивого взаимодействия внешнеполитического и внутреннего развития России, выявить содержание проекта создания либеральной империи как результата решения Восточного вопроса. Главное значение разработки темы заключается в том, что проведенное исследование позволяет измерить степень реалистичности внешнеполитических построений либералов, провести корреляцию воззрений и исторического контекста, идейной основы и пропагандистской формы этих воззрений, определить каналы их влияния на внешнеполитическую практику.

Сама история Восточного вопроса получила достаточно полное освещение в отечественной историографии (Киняпина и др., 1978; Киняпина, Писарев, 1985; Россия и Черноморские проливы..., 1999; Задохин, Низовский, 2000). Наряду с российскими к

этой теме обращались и зарубежные авторы (Burgaud, 2009; *Russian-Ottoman Borderlands...*, 2014).

Наиболее полное определение содержания Восточного вопроса дал один из основоположников российского либерализма, философ и историк Б.Н. Чичерин в результате осмысления катастрофических для России итогов Крымской войны (1853—1856). По его мнению, Восточный вопрос «соединял в себе существование Турецкой империи, европейское равновесие, вопросы народности, вопросы либерализма»¹. Таким образом, содержание Восточного вопроса можно представить как некую систему, ядром которой являлась Османская империя, а точнее — борьба великих держав за ее «наследство». Для России основной элемент Восточного вопроса заключался в утверждении на Балканах и осуществлении контроля над Проливами. Кроме того, он включал в себя стремление славянских и православных народов, находившихся под гнетом Порты, к суверенитету, а также противостояние великих держав, ведущее к достижению «баланса сил» на Балканах.

Значение разработки темы состоит и в том, что исследование внешнеполитических взглядов либералов дореволюционной России дает возможность выявить и проанализировать их понимание взаимосвязи национальных интересов с ценностями свободы личности и суверенитета народов, в результате разрушив историографические мифы о либералах: либо как о партии, защищающей на международной арене интересы буржуазии, либо как оторванной от национальных корней, антипатриотической силе.

Тема российского либерализма начала XX в., а также его изучение получили достаточно глубокую разработку в отечественной историографии (Шелохаев, 1991; 2019; Гайда, 2003; Егоров, 2010; Макаров, 2015). Определенное освещение в научной литературе получили и внешнеполитические взгляды либералов России (Вишневски, 1999; Воронкова,

¹ Чичерин Б. Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки князя С. П. Трубецкого. Приложение 1. Восточный вопрос с русской точки зрения. Спб.: Типография «Сириус», 1907. С. 133.

2010; Кострикова, 2011; 2017; Курылев, 2012; Кустов, 2004; Шелохаев, Соловьев, 2014). Так, В.В. Шелохаев, представив внешнеполитическую доктрину либералов того времени в качестве системы, стремящейся учесть общенациональные интересы, подчеркнул ту роль, которую все либералы отводили решению Восточного вопроса в деле обеспечения прогресса страны (Шелохаев, 2019, с. 215, 236).

Заслуживает внимания не бесспорная точка зрения историка Ф.А. Гайды, полагавшего, что не социально-политические разногласия либералов и крайне левых в 1917 г., а их противостояние по внешнеполитическим вопросам вышло на первый план, в итоге открыв большевикам дорогу к власти (Гайда, 2003, с. 379—380). Важную для нас проблему сочетания имперского проекта с либеральной идеологией в России начала XX в. затронул историк Д.В. Аронов (Аронов, 2014, с. 129—130).

О влиянии внешнеполитических установок на восприятие либералами перспектив развития страны писал Э. Вишнеvски, утверждавший, что «многим из них была свойственна вера в прогресс России по западному образцу» (Вишнеvски, 1994, с. 186). В своих выводах историк подчеркивает прагматизм либералов и ту поддержку, которую они оказывали империалистической политике правительства на Балканах накануне Первой мировой войны (Вишнеvски, 1999).

Отдельные аспекты внешнеполитической доктрины российских либералов начала прошлого века получили свое специальное рассмотрение в трудах К.П. Курылева (Курылев, 2018a; 2018b; 2018c) и Д.М. Новикова (Новиков, 1997; 2000). Особый интерес у отечественных и зарубежных исследователей вызывает концепт «либеральной империи» видного теоретика партии кадетов П.Б. Струве (Пайпс, 2001a; 2001b; Пейтиев, 2014).

В исследовании И.Е. Воронковой специальное рассмотрение получила внешнеполитическая программа партии кадетов. Исследователь, преодолевая устоявшиеся стереотипы, представила лидеров либерального движения принципиальными политиками, последовательно отстаивающими национальные интересы на международной арене (Воронкова, 2010, с. 7).

Для нас представляют интерес работы, в которых рассматриваются внешнеполитические концепции либералов предшествующего периода, в том числе и эволюция их взглядов на Восточный вопрос (Arslanov et al., 2018; Arslanov & Linkova, 2021). В исследовании Н.В. Макарова было проанализировано отражение внешнеполитических взглядов либералов в англо-американской историографии. Например, историк обратил внимание на точку зрения Р. Маккина, выявившего наличие у либералов начала XX в. имперских устремлений (Макаров, 2015, с. 203—204).

Несмотря на растущий научный интерес к внешнеполитической доктрине российских либералов начала XX в., проблема интерпретации ими Восточного вопроса, определявшего во многом и внутривнутриполитическую стратегию либеральных партий, прежде всего кадетов и октябристов, остается до конца не раскрытой, что и требует обращения к данной теме.

При написании статьи использовались различные группы источников. Прежде всего, это архивные и опубликованные документы Конституционно-демократической партии². Особое место занимают публицистические материалы, увидевшие свет как в ведущих либеральных органах печати, так и в отдельных изданиях³. Привлекались и источники личного происхождения⁴.

Одной из основ для написания статьи служит методология интеллектуальной

² См.: Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. : в 6 т. Москва : Прогресс-Академия, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994—1999; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии : в 3 т. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

³ См.: Котляревский С. Россия и Константинополь // Русская мысль. 1915. Кн. 4. С. 1—5; Миллюков П. Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. Спб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1910; Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм : сборник статей за пять лет (1905—1910 гг.). Спб. : Издательство Д. Е. Жуковского, 1911; Перцов П. П. Панруссизм или панславизм? Москва : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1913.

⁴ Миллюков П. Н. Воспоминания : в 2 т. Москва : Современник, 1990.

истории, позволяющая установить взаимодействие эволюции исторического контекста, общественного мнения и внешнеполитических концептов представителей различных течений либерализма России начала XX в. Сравнительно-исторический метод, используемый в работе, дает возможность сопоставить взгляды либеральных идеологов, установить общие черты и особенности в их восприятии международных событий и внешней политики правительства. В работе применялись также системный подход и принцип историзма, позволяющие представить взгляды либералов как некую самостоятельную систему, развивающуюся в условиях своего времени.

Цель исследования заключается в комплексной реконструкции и анализе взглядов российских либералов начала XX в. на Восточный вопрос и пути его решения. Предполагается рассмотреть либеральное понимание как основных компонентов этой международной проблемы, так и связи этих компонентов с внутренним развитием страны, проследить эволюцию внешнеполитических воззрений либералов, выяснить партийные особенности их развития.

Разработка внешнеполитической доктрины (1907—1911 гг.)

В начале XX в. российские либералы, сохраняя приверженность принципиальным идеям своих предшественников, значительно переработали и конкретизировали внешнеполитическую концепцию. Трансформация была вызвана, прежде всего, самим временем «революционных бурь и международных потрясений», выходом на историческую арену народных масс, все более пристально всматривающихся в действия власти и элиты на международной арене. Заметное влияние на внешнюю политику начало оказывать и общественное мнение, настроения которого либералы пытались не только сформировать, но и использовать в своих целях.

Транзит российской государственности от самодержавной к думской монархии и превращение либералов в реальную политическую силу во многом определили их переход от теоретических рассуждений и

публицистической активности к практическому участию в международной политике. Свою роль в изменении отношения либералов к внешнеполитической проблематике сыграло и ухудшение международного положения России: ослабление ее позиций, вызванное поражением в войне с Японией в 1904—1905 гг., провал во время Боснийского кризиса 1908 г.⁵, названный современниками «дипломатической Цусимой». Эти события наряду с сохранявшейся нестабильной внутренней ситуацией, которую можно охарактеризовать как постреволюционный синдром, ставили под угрозу позиции, если не само существование Российской империи. Следует учесть развитие и усложнение самой либеральной мысли, более глубоко проникавшей в суть вещей, обнаруживавшей связи между различными сферами общественного развития и в итоге превратившейся в идеологическую программу динамичной политической силы, ведущей борьбу за власть. В итоге весь комплекс международных, социально-политических и идеологических факторов требовал от либералов выработки четкой внешнеполитической доктрины, стержнем которой становился Восточный вопрос. В ходе осмысления основных задач внешней политики России происходила дифференциация либерального течения, складывались его различные модификации, предлагавшие свое видение реализации этих задач.

Таким образом, реакцией на ухудшение международного положения России и неудачи официальной власти стало стремление либералов разработать и воплотить внешнеполитический проект, который мог бы консолидировать общество вокруг его решения.

Именно таким проектом и стал в начале XX в. Восточный вопрос, занявший одно из основных мест как в системе международных отношений, так и во внешней политике России. Либералы в условиях изменившегося исторического контекста начали переосмысливать основные компоненты Восточного вопроса, и прежде всего славянскую тему,

⁵ Международный конфликт, вызванный аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в октябре 1908 г.

значение которой возросло в свете растущей германской угрозы и экспансионистских замыслов Австро-Венгрии на Балканах (Дьяков, 1993, с. 143—148). Определенной реакцией на вызовы «пангерманизма» и стали получившие распространение в отечественной публицистике призывы к объединению усилий всех славянских народов.

Вместе с тем, преодолевая односторонность доминирующего в либеральной среде пореформенной эпохи взгляда на внешнюю политику как подчиненную внутренним задачам, либералы начинают находить глубинные взаимосвязи, например, между славянской темой и решением национального вопроса в самой Российской империи. Либеральные идеологи не только сами осознают, что защита национальных интересов России на международной арене тесно сопряжена с построением правового государства и обеспечением политической свободы внутри страны, но и пытаются убедить в этом власть.

Во взглядах либералов начала XX в. происходит более четкое осмысление соотношения национальных интересов и идейных ценностей. Так, если в 1870-х гг. в условиях обострения Восточного вопроса многие либералы выдвигали освобождение славян от турецкого господства в качестве основной цели, а национальные интересы (утверждение России на Балканах) фактически подчиняли защите идейных ценностей, то после Берлинского конгресса, ограничивавшего притязания России на Балканах, на первый план в их построениях выходят геополитические устремления. В начале же XX в. взгляд либералов усложняется, теперь в их концепции происходит практическое отождествление внутри- и внешнеполитических задач, ценностей и интересов.

Своеобразным примером этой траектории развития либеральной мысли стало суждение публициста «Вестника Европы» Л.З. Слонимского. «Вестник Европы» представлял собой литературно-политический журнал, который в 1870-х гг. во главу угла ставил задачу освобождения славян силами Российской империи. В начале же XX в. в журнале подчеркивалось, что именно

самодержавная модель российской государственности и соответствующий ей тип отношений к своим и другим народам привел к утрате Россией завоеванных ею в войне с Турцией позиций на Балканах. Объясняя причины вытеснения России из региона, Л.З. Слонимский в разделе «Иностранное обозрение», который он вел в «Вестнике Европы» с 1880 г., писал: «Мы освободили сербов и болгар от турецкого ига... и требовали взамен повиновения и благодарности, но дождались только глухого неудовольствия и протеста, несмотря на традиционные симпатии туземных народностей к России и русским»⁶.

Таким образом, чтобы изменить отношение славян и добиться решения Восточного вопроса в своих интересах, России, согласно логике автора, необходимо было самой преобразиться. И, прежде всего, ей предстояло реформировать национальные отношения, без чего невозможно было привести славян к единению с Империей.

В рассуждениях либералов Восточный вопрос все более становился звеном, связующим внешнюю и внутреннюю сферы жизни России, ее политическое и экономическое развитие, положение в мире и модернизацию страны.

Проект П.Б. Струве

Наиболее ярко и полно понимание либералами сущности и путей решения Восточного вопроса нашло отражение в статье идеолога правых кадетов П.Б. Струве под программным заголовком «Великая Россия». Основной метафизический смысл существования России мыслитель видел в обеспечении «русского могущества», тесно связанного с внутренним развитием страны и ее «внешней мощью». Однако революционные потрясения начала XX в., а также переориентация внешнеполитического курса Империи на Дальний Восток, поражение в войне с Японией встали на пути создания Великой России. Примечательно, что, по мнению П.Б. Струве, к этой

⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. Т. 2, кн. 3. С. 427.

войне Россию толкали силы, заинтересованные в «сохранении и упрочении самодержавно-бюрократической системы»⁷. То есть и здесь, в действиях определенных правительственных кругов, он находил связь между формой государственности и внешнеполитическим курсом страны. Более того, расплатой за подчинение внешней политики «соображениям внутренней» и стало поражение России, свидетельствующее об утрате ею военной мощи. Для исправления исторической ошибки следовало, утверждал П.В. Струве, вернуть «центр тяжести нашей политики в область», которая издавна была доступна «реальному влиянию русской культуры»⁸. Такой областью являлся бассейн Черного моря, в котором у России коренились «живые культурные традиции». Иными словами, мыслитель призывал вернуться к важному, связанному не только с культурой и историческим прошлым России и славянских народов вопросу Балкан, но и экономическим и политическим настоящим этих народов, — Восточному вопросу. «Для создания Великой России, — утверждал он, — есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т.е. все европейские и азиатские страны, „выходящие“ к Черному морю»⁹.

Одно из преимуществ этого региона мыслитель видел в том, что наряду с культурными он создавал материальные предпосылки — «люди, каменный уголь, железо» — для утверждения господства России. Следует обратить внимание на синтетический взгляд П.В. Струве, охватывающий экономическую, политическую и культурную сферы внешней политики и обнаруживающий ее тесную взаимосвязь с внутренним развитием страны. Свой проект Великой России он надеялся воплотить, лишь добившись признания всем народом и, прежде всего, его образованным

классом «идеала государственной мощи и начала дисциплины труда», доказывая при этом, что «созидать государственное могущество» возможно лишь «на основе мощи хозяйственной»¹⁰.

В отличие от многих равнодушных к материальной стороне жизни либералов, П.В. Струве подчеркивал значение во внешней политике экономического доминирования, из которого, как он утверждал, «само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке». Следует заметить, что в проекте П.В. Струве это «преобладание» должно было осуществиться «совершенно мирным путем»¹¹.

Привлекает внимание и еще один аспект его идей. В отличие от многих либералов прошлого П.В. Струве не связывал утверждение России на Балканах с правами славянских народов, а прямо говорил об интересах России, необходимости возрождения ее «государственной мощи». Однако единение со славянами и обретение этой «мощи», утверждал П.В. Струве, только тогда станет возможным, когда российское государство, раздираемое внутренними противоречиями, начнет проводить реформы, ведущие к ее превращению в «либеральную империю».

Само содержание Восточного вопроса, по мнению П.В. Струве, могло быть раскрыто «только сочетанием правильной внешней политики с разумным разрешением наших внутренних вопросов». Данная формула нуждается в определенной конкретизации, которую мы и находим в статье мыслителя. По его мнению, «разрешение внутренних вопросов» должно было привести к воплощению «национальной идеи», означавшей «примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самостоятельности народом, который становится нацией»¹².

Таким образом, если следовать логике мыслителя, можно выстроить следующий силлогизм: сочетание демократии, либерализма

⁷ Струве П. В. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 144.

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Там же. С. 155.

и державности, достигаемое в результате внутренних преобразований, приведет к обретению Россией «государственной мощи». Эта мощь, укрепляя позиции России в Восточном вопросе, создает условия для решения этого вопроса, которое, в свою очередь, открывает возможности для внутренних преобразований. Так получался логический круг, реалистичность которого могла подтвердить только историческая практика.

В целом либералы начала XX в., преодолевая наследие своих предшественников, воспринимавших внешнюю политику как сферу, которая подчинена задачам внутренних преобразований и модернизации страны, начинают все более осознавать, что защита национальных интересов России на международной арене тесно сопряжена с построением гражданского общества и обеспечением политической свободы.

Проект П.Н. Милюкова

Общие теоретические представления о Восточном вопросе нашли практическое преломление в выступлениях лидеров кадетской партии, не раз обращавшихся к славянской теме, особенно в условиях Боснийского кризиса 1908 г. Весьма красноречиво и четко отношение либералов к славянам сформулировал П.Н. Милюков на одном из совещаний кадетской фракции в октябре 1908 г. «Славянским вопросом, — убеждал он, — необходимо интересоваться не в силу сродства и сентиментальных славянофильских мотивов, а потому что он представляет часть международного русского вопроса. Им нужно овладеть, доказав правым, что оппозиция знает его лучше их, и лишить их монополии на патриотизм... Славянство — даровая сила против германизации Балкан, и эту силу надо использовать»¹³. Так, может быть несколько прямолинейно и даже цинично, в узком кругу однопартийцев П.Н. Милюков выдвигал на первый план в решении Восточного вопроса не чувства и

ценности, а реальные интересы России на Балканах. При этом он призывал использовать славянскую солидарность в целях противостояния германской экспансии в регионе.

Важным представляется еще одно четко сформулированное П.Н. Милюковым условие поддержки Россией славян — отказ от применения силы. «Мы должны стоять на том, — заявил он на заседании ЦК кадетов в марте 1909 г., — что к войне мы не готовы, и все делать для того, чтобы отклонить возможность войны»¹⁴.

Умеренная позиция лидера кадетов, его сдержанное отношение к славянам не нашли поддержки у большинства членов Центрального комитета кадетской партии. Так, по словам Н.А. Гредескула, «война на Балканах создает благоприятное положение для России, а не для Австрии: не Россия будет зачинщицей войны, если таковой уже нельзя будет избежать. Война в высшей степени нежелательна, но и для самого предотвращения войны нельзя от нее зарекаться, — и с этой точки зрения позиция П.Н.М. (Милюкова. — *Прим. авт.*) опасна и нежелательна»¹⁵. Ему вторил Ф.Ф. Кокошкин, заявивший, что «Проливы — жизненный интерес для России. Распределение сил на Балканском полуострове также далеко не безразлично. Наша симпатия должна быть на стороне славян»¹⁶.

Таким образом, несмотря на разногласия, большинство кадетов в своих выступлениях подчеркивали тесную связь российских и славянских интересов, допускали возможность использования военной силы при их защите. Да и миролюбие лидера партии было ситуативным, вызывавшимся не врожденным пацифизмом или игнорированием славянского дела, а его оценкой уровня готовности России к войне. Более того, он не исключал возможности вступления России в войну, но лишь в случае необходимости защиты ее национальных интересов, которые он не отождествлял с интересами славян. К тому

¹³ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 2: 1908—1914 гг. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 65.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 7. Л. 29—29 об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 228.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 245. Л. 50.

же, исходя из получившей в начале XX в. распространение идеи неизбежности войны, П.Н. Миллюков поддерживал курс на перевооружение русской армии.

Здесь следует остановиться на одном из ключевых противоречий внешнеполитической доктрины либералов. Руководствуясь «духом времени», они, с одной стороны, испытывали влияние теоретической установки «фатальной предопределенности войн в истории общества» (Шелохаев, 2019, с. 216). С другой стороны, прагматизм, понимание того, что крайняя нестабильность внутреннего положения России может превратить войну в спусковой крючок революции, толкали их к миролюбию. Эти колебания закончатся лишь с началом Первой мировой войны, когда на волне патриотического подъема, а также возможности практического решения Восточного вопроса в интересах империи либералы станут решительными сторонниками и проводниками идеи «войны до победного конца».

Актуализация Восточного вопроса (1912—1914 гг.)

Осенью 1912 г., в условиях начавшейся Первой Балканской войны, П.Н. Миллюков еще сохранял свою миролюбивую позицию. При этом он исходил из того, что Восточный вопрос России следует решать вместе с «европейской машиной тройственного согласия», и одна она «из-за известных славянских задач» воевать не должна. Вместе с тем лидер кадетов уточнил, что если «зайдет речь о собственных интересах России, то дело может быть иначе»¹⁷.

Защищаясь от обвинений в измене делу славянства, П.Н. Миллюков, обращаясь уже не только к руководству партии, но и с помощью рупора кадетов газеты «Речь» ко всему

обществу, писал: «Не надо кричать, толкаться и махать руками. Идите, господа, напряженно сдержанной походкой, зорко смотрите вперед, оставьте чувствительные слова и говорите о “реальных” интересах России»¹⁸. Некоторые исследователи в этой витиеватой фразе, да и в ряде других выступлений лидера кадетов обнаружили стремление замаскировать подлинные цели партии: внушить массам мысль об отсутствии у кадетов каких-либо империалистических интенций. Так, В.В. Шелохаев на основании анализа партийных документов пришел к выводу, согласно которому П.Н. Миллюков «пытался внушить своим коллегам по ЦК, что партия должна вести себя в балканском вопросе так тонко и дипломатично, чтобы у масс сохранилась иллюзия о ее непричастности к захватнической империалистической внешней политике» (Шелохаев, 2019, с. 228). Однако «маскирующийся империализм» лидера партии вызывал недовольство части партийного руководства, требующей занять более открытую и решительную позицию в Балканском кризисе.

На основании привлеченных документов трудно судить о том, насколько перед Первой мировой войной кадеты стремились замаскировать свои внешнеполитические планы, но со всей очевидностью их лидер призывал отказаться от эмоционального восприятия идеи славянской солидарности, защиты отвлеченных ценностей и обосновывал необходимость руководствоваться во внешней политике национальными интересами.

Балканский кризис, ставший фактически прелюдией мировых потрясений, заставил либералов задуматься о готовности страны к большой войне. П.Б. Струве использовал международные события не только как сигнал для мобилизации и консолидации общества, но и стимул для его реформирования. «Никогда еще Россия, — писал он, — так не нуждалась в твердой либеральной внутренней политике... собирания всех сил не только русского народа, но и всех народностей империи, как именно теперь»¹⁹.

¹⁷ Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. : в 6 т. Т. 2: Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1912—1914 гг. Москва : Прогресс-Академия, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 92—99.

¹⁸ Речь. 1912. 15 ноября.

¹⁹ Русская мысль. 1912. Кн. XII. С. 160.

Приведенная цитата, хотя и косвенно, заставляет обратиться к взглядам либералов на участие народа во внешней политике государства. Следует сразу же заметить, что в либеральной концепции сочеталось элитарное недоверие к способности масс понять сложные материи международных проблем с демократической убежденностью в необходимости привлечения народного мнения к их решению.

Представляется, что демократические веяния эпохи не были в полной мере учтены лидерами либералов, что и стало одним из факторов их отчуждения от масс в эпоху революционных потрясений 1917 г.

В целом либералы не восприняли в должной мере программную установку, сформулированную П.Б. Струве: «Государственная мощь невозможна без осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самостоятельности народом, который становится нацией»²⁰.

В кадетской партии отсутствовало единство и в отношении Балканского союза. При этом до определенного момента либералы активно использовали идеи неославизма, противопоставляя их не столько старому славянофильству, сколько панславизму, проповедовавшему славянское объединение под эгидой России²¹. Вместе с тем они надеялись с помощью неославизма объединить внутри страны все патриотические элементы либерального и умеренно националистического спектра, а во внешней политике — все славянские народы. Создание же Балканской конфедерации представлялось либералам не только практическим воплощением единства славян, но и инструментом решения Восточного вопроса в интересах России.

Следует заметить, что в советской историографии отношение либералов к славянской теме трактовалось в духе классового подхода, согласно которому руководители либеральных

партий лишь «прикрывали выспренними речами о славянской взаимности узкоклассовые интересы той или иной группы российской буржуазии» (Дьяков, 1993, с. 176).

Однако объективный анализ отношения, к примеру, лидера кадетов к Восточному вопросу вообще и его славянской составляющей в частности дает возможность прийти к следующим выводам. П.Н. Милюков предлагал поддерживать славян, поскольку это соответствовало интересам России и ее соглашениям с европейскими державами. По его мнению, «фактическая группировка славян идет параллельно союзам России, против германизма. Этим положением вещей и должна определяться славянская политика»²².

Таким образом, П.Н. Милюков требовал положить в основу отношения России к славянству принцип трезвого политического расчета и взаимной выгоды и отбросить «пошлые сантименты» вроде исконной любви к «братьям-славянам» и т. д. Точка зрения лидера кадетов в итоге получила признание в партии, где считали, что славянство в целом являлось в то время естественным союзником России. «Не пресловутая „историческая миссия России“ на Ближнем Востоке, а ее международные задачи на данном историческом этапе, — заявлял Милюков, — ставят славянство в центр нашего внимания»²³.

Постепенно тема славянства в выступлениях либералов из основной начинает превращаться в маргинальную, уступая место другим аспектам Восточного вопроса. Скорее всего, этот транзит можно объяснить разочарованием части либеральной элиты России в славянской идее, а главное — в результатах Балканских войн 1912—1913 гг., которые окончательно раскололи южнославянский мир и похоронили планы создания антигерманского блока балканских государств.

²² Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. : в 6 т. Т. 1: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. Москва: Прогресс-Академия, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994. С. 333.

²³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 7. Л. 29 об.

²⁰ Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 155.

²¹ См.: Великая Россия : сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. 2 / под ред. В. П. Рябушинского. Москва, 1911. С. 108.

Проблема Проливов в полемике либеральных партий

Накануне войны в выступлениях либералов все более заметное место начинает занимать находившаяся ранее несколько в тени других аспектов ближневосточной политики России проблема Черноморских проливов. Важно учесть, что заинтересованность либералов этим вопросом была вызвана, с одной стороны, возрастанием экономического значения Проливов и требованиями отечественных предпринимательских кругов обеспечить бесперебойное прохождение судов, а с другой — обострением международных отношений и нарастанием внешней угрозы южным рубежам страны. Проливы не только фокусировали экономические и геополитические аспекты развития России, но становились объектом споров различных политических сил. При этом даже среди либералов не было единодушия в определении положения и принадлежности Проливов в будущем.

Умеренные представители партии кадетов настаивали на сохранении существующего статуса Проливов, подтвержденного на Берлинском конгрессе и фактически закрывавшего русский военный флот в Черном море. Националисты и правые, как и часть либералов, настаивали на необходимости обретения Россией «ключей от Черного моря», то есть о захвате территорий, через которые пролегли Проливы, включая Константинополь. Так, по мнению кадета Б.Э. Нольде, «разрешить задачи, которые для России связаны... с Проливами, можно только разрешая восточный вопрос»²⁴. Само же его «разрешение» Б.Э. Нольде считал возможным лишь в результате захвата Россией Константинополя.

Умеренные же либералы занимали иную, более взвешенную позицию. Они с воодушевлением восприняли революционные события 1908 г. в Османской империи, породившие в их рядах надежды на начало мирного разрешения Восточного вопроса, возможность которого они связывали с объединением всех балканских государств, включая

Турцию²⁵. Россия в этих условиях, по мнению П.Н. Милюкова, должна «стоять на сохранении целостности турецких областей до тех пор, пока не наступит международная ситуация, при которой они смогут стать автономными...»²⁶. Объяснял же свою позицию лидер кадетов тем, что сохранение Проливов в руках ослабленной Турции для России было выгоднее, чем их переход в случае полного развала Порты в руки какой-либо великой державы. Вместе с тем политик убеждал своих оппонентов в том, что это временная мера, доказывая, что в перспективе, по мере усиления российской мощи, Проливы и часть сопредельных турецких территорий должны были отойти к России²⁷.

Однако уже весной 1912 г. после того как Порты в условиях войны с Италией закрыла Проливы для торговых судов, позиция лидера кадетов меняется. А в годы Первой мировой войны он открыто заявлял о необходимости овладения Проливами, а не их нейтрализации. Только тогда, по его мнению, будет «заключено строение великого государственного организма», в ином случае «организм этот будет постоянно сотрясаться судорогами нарушенного обмена и не выйдет из чужой зависимости»²⁸.

Наиболее полно имперские идеи П.Н. Милюкова нашли свое отражение в статье «Территориальные приобретения России», в которой он предполагал приобретение в «полное обладание Россией проливов Босфор и Дарданеллы с достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить их защиту, а также Константинополя»²⁹.

²⁵ См.: Милюков П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1910. С. 23—24, 97.

²⁶ См.: Государственная дума. Третий созыв. Сессия пятая. Стенографические отчеты. Ч. 3. Спб., 1912. Стлб. 2231.

²⁷ Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб.: Издательство редакции газеты «Речь», 1912. С. 14.

²⁸ Милюков П. Н. Тактика фракции Народной свободы во время войны. Петроград: Типография товарищества Екатеринбургское печатное дело, 1916. С. 8.

²⁹ См.: Что ждет Россия от войны: сборник статей. Петроград: Издательство «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915. С. 5—62.

²⁴ Нольде Б. Э. Босфор и Дарданеллы // Русская мысль. 1911. Кн. 4. С. 21.

Таким образом, взгляды П.Н. Милюкова на пути решения проблемы Проливов хотя и менялись в зависимости от исторического контекста, но постоянным оставалось понимание их значения для развития страны.

Более агрессивную позицию по отношению к проблеме Проливов занял представлявший правое крыло либералов Союз 17 октября.

Согласно сложившейся еще в советское время историографической схеме, решительность октябристов объяснялась, прежде всего, буржуазно-помещичьим составом партии, последовательно отстаивавшей классовые интересы предпринимателей. Именно этот слой общества более всего нуждался в обеспечении бесперебойных поставок хлеба и другой продукции через Проливы (Кострикова, 2007, с. 3). Вот почему октябристы выступили против нейтрализации Проливов, утверждая, что «нам нет никакого смысла созывать весь мир на Босфор и Дарданеллы и отдавать оба эти пролива под международный контроль по образцу Суэцкого канала. Напротив, мы должны твердо и непоколебимо стоять на том принципе, что вопрос о проливах касается только тех держав, владения которых лежат в Черном море и прежде всего, конечно, России и Турции»³⁰.

Октябристы настаивали на необходимости проведения на Балканах решительной политики, которая, по их мнению, более всего отвечала бы интересам России. «Мы желаем, чтобы Австрия и ее союзники, — заявляли они в «Голосе Москвы», — окончательно усвоили, что территориального приращения на Балканах мы не допустим... Нам надоело сидеть в доме, ключи от которого в чужом кармане. Мы требуем, чтобы они были у нас»³¹. Таким образом, основным требованием октябристов становится захват Проливов, осуществляемый за счет дипломатической сделки. Однако итоги Балканских войн выявили иллюзорность этих надежд и привели к тому, что октябристы стали требовать от правительства принятия решительных мер,

способных явочным порядком «открыть проливы»³².

Наиболее решительную позицию по отношению к проблеме Проливов заняла либеральная партия прогрессистов. В партийном рупоре, газете «Утро России», утверждалось, что к России должны перейти не только сами проливы, но и прилегающие земли. «Надо конфиденциальным путем, но, безусловно, авторитетным образом заявить Европе, что при конечной ликвидации оттоманской территории вся балканская и азиатская береговая полоса Черного моря должна отойти к России»³³.

Прогрессисты, занимая наиболее воинственную позицию в вопросе Проливов, критиковали соглашательскую политику правительства, которое, учитывая неготовность России к большой войне, было вынуждено идти на уступки Германии и Австро-Венгрии (Курьлев, 2005, с. 191). Как отмечалось в «Утре России», «наша дипломатия должна использовать нынешний момент в том смысле, чтобы результаты обеих Балканских войн... не отдалили нас от возможности рано или поздно осуществить завладение Проливами»³⁴.

Прогрессисты обращались и к славянской теме. Так, по словам Е.Н. Трубецкого, «единение России с другими славянскими народами не должно быть чьей-то монополией: с нашей стороны оно должно быть делом не оппозиционных или реакционных кругов, а делом всей нации»³⁵.

Ему вторил и крупный российский промышленник, один из лидеров партии А.И. Коновалов, который считал, что «во всех русских людях горит огонь патриотизма и сочувствия к славянам... Правительство, опираясь на эти течения, могло бы стать на гораздо лучшую позицию в этом серьезном и трудном балканском вопросе»³⁶.

Глава же прогрессистской фракции в IV думе И.Н. Ефремов подчеркивал, что «наш народ, безусловно, миролюбив, мы ничего не можем и не хотим взять для себя

³⁰ Голос Москвы. 1911. 29 октября.

³¹ Голос Москвы. 1912. 24 октября.

³² Голос Москвы. 1913. 21 июля.

³³ Утро России 1912. 27 июля.

³⁴ Утро России. 1913. 21 июля.

³⁵ Московский еженедельник. 1908. № 20. С. 1—2.

³⁶ Утро России. 1913. 24 марта.

ценою крови наших братьев-славян. Поэтому мы можем категорически сказать, что войны мы не желаем, но мы не можем потерпеть оскорблений национального чувства»³⁷.

Подобная решительная позиция прогрессистской партии, апелляция к национальным чувствам объясняется тем, что, с одной стороны, эта партия была наиболее последовательной выразительницей чаяний московской группировки российской буржуазии, а с другой — воспринимала себя национально-патриотической силой. Именно поэтому прогрессисты даже в большей степени, чем октябристы, отдавали предпочтение силовым методам решения Восточного вопроса.

Заключение

Анализ взглядов русских либералов начала XX в. на содержание и пути решения Восточного вопроса позволяет прийти к следующим выводам.

Прежде всего, следует отметить внутреннюю динамику развития их воззрений, заключающуюся в переходе от созерцательности, присущей их предшественникам, к разработке внешнеполитической программы, ставшей руководством к действию внутри страны и на международной арене. На смену декларативным заявлениям о национальных интересах приходит полемика о содержании этих интересов, реальный учет и определение адекватных возможностям России путей их осуществления. В рассмотрении Восточного вопроса вместо рассуждений об исторической миссии России на Балканах и заботе о нуждах славян утверждается прагматизм, разрабатываются проекты установления союза с балканскими государствами как опоры России в регионе.

Либеральная мысль начала XX в. отличалась дифференцированностью, связанной с появлением политически оформленных течений либерализма, конкретикой, а также динамизмом развития, порожденным бурными изменениями международной обстановки, нарастанием внутренних противоречий и

стремлением российских интеллектуалов найти адекватные ответы на вызовы времени.

Для большинства «старых» либералов пореформенной эпохи Восточный вопрос оставался подчиненным задачам внутреннего развития страны, нуждавшейся в мире и стабильности для продолжения преобразований. Они, рассуждая о геополитических интересах России и необходимости держать в своем кармане «ключи от Черного моря», все же выступали против войны, надеясь получить контроль над Проливами с помощью дипломатии.

Для «новых» либералов начала XX в. Восточный вопрос сфокусировал основные линии напряженности российского общества — национальную, социальную, экономическую, международную. Они не противопоставляли, как ранее, внутреннее развитие страны ее международным задачам, а обнаружили их тесную взаимосвязь. Теперь они доказывали, например, что решение национального вопроса в России привлечет симпатии славян к стране, сможет сплотить их вокруг либеральной империи, что в свою очередь усилит могущество России, укрепит ее позиции в Причерноморье и станет одним из факторов создания Великой России. Вместе с тем, укрепившись, либеральная империя могла бы взять под контроль Проливы, необходимые ей для обеспечения международных торговых связей и экономического развития. Таким образом, происходит не столько прагматизация и рационализация восприятия Восточного вопроса, сколько усложнение его видения. Восточный вопрос все более понимается как квинтэссенция русских устремлений, как центр, аккумулирующий внутренние и внешние стороны жизни России, национальные интересы и либеральные ценности.

Рассмотрение взглядов либералов начала XX в. на Восточный вопрос дало возможность увидеть не только особенности в его восприятии представителями легальной оппозиции, но и корни усиливавшегося отчуждения элиты страны от народа. Именно это отчуждение, усугубившееся в годы военного лихолетья и проявившееся наряду с прочим в

³⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая. Стенографические отчеты. Ч. 1. Спб., 1913. Стлб. 370.

различном восприятии властью, либералами и народом значения Восточного вопроса, привело весной 1917 г. к отставке министра иностранных дел, лидера партии кадетов П.Н. Милюкова, получившего в обществе

за свои планы захвата Черноморских проливов ироничное прозвище «Милюков-Дарданелльский». Его отставка стала началом падения либерализма в России, оказавшегося в итоге на обочине истории.

Поступила в редакцию / Received: 22.06.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 10.04.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аронов Д. В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: сборник материалов всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Материалы шестых «Муромцевских чтений». Орел: Издатель Александр Воробьев, 2014. С. 122—130.
- Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. Москва: Издательский центр «Россия молодая», 1994.
- Вишневски Э. Либеральные концепции решения славянского вопроса в России // Вестник Пермского университета. История. 1999. № 4. С. 110—124.
- Воронкова И. Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. Москва: АПКППРО, 2010.
- Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — февраль 1917 г. Москва: РОССПЭН, 2003.
- Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. Москва: Наука, 1993.
- Егоров А. Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва: Череповецкий государственный университет, 2010.
- Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. Москва: Вече, 2000.
- Киняпина Н. С., Георгиев В. А., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. Москва: Наука, 1978.
- Киняпина Н. С., Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. Москва: Наука, 1985.
- Кострикова Е. Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны (1908—1914): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва: Институт российской истории РАН, 2011.
- Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX века. Москва: Кучково поле, 2017.
- Кострикова Е. Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908—1914 гг. Москва: ИРИ РАН, 2007.
- Курылев К. П. Внешнеполитическая деятельность русских либералов во время Первой мировой войны // Октябрь 2017 года. К 100-летию революции. Нравственные и патриотические ценности: материалы межвузовской научной конференции. Москва: Российский университет дружбы народов, 2018а. С. 35—94.
- Курылев К. П. Концептуальные основы внешней политики русских либералов начала XX века. Видное: Финист-А, 2012.
- Курылев К. П. Либеральная концепция внешнеполитических приоритетов России начала XX в. // Журнал политических исследований. 2018b. Т. 2, № 1. С. 84—117.
- Курылев К. П. Международная деятельность московских предпринимателей-либералов в начале XX в. (на примере А. И. Коновалова) // Забелинские чтения (Кунцовские) 2004. Любимый город? Проектирование нового качества жизни (Москва, 2—22 марта 2004 г.). Москва: МИОО, 2005. С. 190—194.
- Курылев К. П. Русские либералы о приоритетных направлениях внешней политики России в конце XIX в. // Журнал политических исследований. 2018c. Т. 2, № 2. С. 16—29.
- Кустов В. А. Конституционно-демократическая партия (Партия Народной Свободы): разработка и реализация внешнеполитической доктрины (1905—1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2004.
- Макаров Н. В. Русский либерализм конца XIX — начала XX века в зеркале англо-американской историографии. Москва: Памятники исторической мысли, 2015.

- Новиков Д. М. Дальневосточный регион во внешнеполитической концепции российских либералов 1906—1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1997.
- Новиков Д. М. П. Н. Миллюков о внешней политике России (1906—1914 гг.) // П. Н. Миллюков: историк, политик, дипломат : материалы международной научной конференции. Москва, 26—27 мая 1999 г. Москва : РОССПЭН, 2000. С. 318—333.
- Пайнс Р. Струве: левый либерал. 1870—1905. Т. 1. Москва : Московская школа политических исследований, 2001а.
- Пайнс Р. Струве: правый либерал. 1905—1944. Т. 2. Москва : Московская школа политических исследований, 2001б.
- Пештеев В. И. Струве как политический мыслитель: публикации начала века и в эмиграции // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 47—52.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII—XX столетия) / отв. ред. Л. М. Нежинский, А. В. Игнатъев. Москва : Международные отношения, 1999.
- Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907—1914 гг. Москва : Наука, 1991.
- Шелохаев В. В. Либерализм в России в начале XX века. Москва : Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2019.
- Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 184—196.
- Arslanov R. A., Dzhangiryan V. G., Kurylev K. P., Petrovich-Belkin O. K. West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century // *The International History Review*. 2018. Vol. 40, no. 4. P. 916—938. <https://doi.org/10.1080/07075332.2017.1350873>
- Arslanov R. A., Linkova E. V. Evolution of the Perception of the Eastern Question by Russian Liberals in the Second Half of the 19th Century // *The International History Review*. 2021. Vol. 43, no. 6. P. 1250—1272. <https://doi.org/10.1080/07075332.2020.1864656>
- Burgaud S. Question d'Orient ou Équilibre Mitteleuropéen: Quel Primat pour la Politique Extérieure Russe (1856—1866)? // *Relations internationales*. 2009. Vol. 138, no. 2. P. 7—22. <https://doi.org/10.3917/ri.138.0007>
- Russian-Ottoman Borderlands: The Eastern Question Reconsidered / ed. by L. J. Frary, M. Kozelsky. Madison : University of Wisconsin Press, 2014.

Сведения об авторах:

Арсланов Рафаэль Амирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3488-7917; e-mail: arslanov-ra@rudn.ru;

Курьев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru;

Станис Дарья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9824-0365; e-mail: stanis-dv@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688

EDN: OVPDFY

Научная статья / Research article

Западные Балканы: внешние игроки в преддверии и в ходе текущего кризиса

Е.С. Арляпова¹, Е.Г. Пономарева²✉¹Институт системно-стратегического анализа, Москва, Российская Федерация²МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация✉ nastya304@mail.ru

Аннотация. Западные Балканы были и остаются особенно плотной по числу игроков зоной, где причудливым образом переплетаются интересы всех ведущих акторов мировой политики. Украинский кризис добавил остроты балканской повестке, оживил «замороженные конфликты» не только внутри границ регионального поля, но и за его периметром. В прямой зависимости от исхода вооруженного противостояния на Украине и отдельно от него столкновение или как минимум активизация внешних субъектов на балканском направлении выглядят неминуемыми. Примененные в исследовании историко-системный подход и парадигма многополярности позволили зафиксировать вероятные направления активности внешних субъектов разного уровня. На основе широкого круга источников дана панорама внешнеполитического позиционирования региональных столиц, определены ключевые и пока второстепенные внешние игроки, показана трансформация подходов и практических шагов ключевых акторов сквозь призму текущего кризиса. Внешние игроки (Европейский союз (ЕС), КНР, РФ и США) разбиты на «лагеря» в соответствии с занимаемыми позициями относительно докризисных Балкан и Балкан в условиях ожесточения противостояния РФ и Запада. Отдельное внимание уделено Великобритании, чья активность в регионе после «брекзита» аффилирована с Западом в целом, но не с США и тем более с ЕС. На фоне доминирования в регионе западных институций прослежена усиливающаяся роль КНР, а также внешних игроков «второго плана» с восточным колоритом: Турции, Ирана, государств Персидского залива. Анализ российских перспектив показал, что кризис в системе международных отношений во многом обнулил достигнутые ранее результаты. Степень вовлеченности РФ ставит закономерный вопрос о ее ресурсности, способности к дальнейшему удержанию собственных позиций. Дополнительные трудности будут связаны с консолидированными усилиями западных союзников и всех иных внешних игроков, включая Китай, по нивелированию российского влияния и присутствия в регионе Западных Балкан.

Ключевые слова: украинский кризис, Великобритания, Европейский союз, ЕС, Китай, Россия, США, внешние игроки «второго плана», внешняя политика

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Западные Балканы: внешние игроки в преддверии и в ходе текущего кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 678—688. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688>

Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis

Elena S. Arlyapova¹ , Elena G. Ponomareva²

¹Institute of System-Strategic Analysis, Moscow, Russian Federation

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

nastya304@mail.ru

Abstract. The Western Balkans has been and remains a particularly dense zone in terms of the number of actors present, where the interests of all the leading actors in world politics are bizarrely intertwined. The Ukrainian crisis has added spice to the Balkan agenda, reviving “frozen conflicts” not only within the borders of the region but also beyond its perimeter. Directly dependent on the outcome of the armed confrontation in Ukraine and separately from it, a clash or, at least, an intensification of external actors in the Balkan direction seems inevitable. The historical-systemic approach used in the study and the paradigm of multipolarity made it possible to trace the probable directions of activity of both regional and external actors. Based on a wide range of sources, the work provides a panorama of the foreign policy positioning of regional capitals; identifies major and minor external actors; shows the transformation of approaches and practical steps of key actors through the prism of the ongoing crisis. External actors — the European Union (EU), China, Great Britain, Russia and the United States — are divided into groups in accordance with their positions regarding the pre-crisis Balkans and the Balkans in the face of the fierce confrontation between Russia and the West. Among Western interests, special attention is paid to Great Britain, whose activity in the Western Balkans after Brexit is affiliated with the West in general, but not with the United States (despite all the history of strategic partnership in the region) and, moreover, with the EU separately. Against the background of the dominance of Western institutions in the region, the paper traces, however, the growing role of China, as well as external actors of the “second plan” with an oriental flavor: Türkiye, Iran, and the states of the Persian Gulf. An analysis of Russia’s prospects in the region has shown that the crisis in the system of international relations has largely nullified the results achieved earlier. The degree of Russia’s involvement in the crisis raises the question of its resource capacity, the ability to further maintain its own positions. Additional difficulties will be associated with the consolidated efforts of the Western allies and other external actors, including China, to balance Russian influence and presence in the Western Balkans.

Key words: Ukrainian crisis, China, European Union, EU, Great Britain, Russia, USA, external actors, foreign policy

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Arlyapova, E. S., & Ponomareva, E. G. (2023). Western Balkans: External actors before and during the current crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 678—688. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688>

Введение

При всей остроте противостояния на территории Украины в Европе существует еще одна проблемная зона, где исторические и внешнеполитические противоречия ведущих игроков могут привести к открытому

конфликту. Это Балканы. Чрезвычайно пестрый в этническом, религиозном и политическом плане, густонаселенный, мозаичный полуостров был и остается мини-ареной столкновения грандов большой политики. Как ни удивительно, но и сегодня, по прошествии

почти полутора веков со времени Берлинского конгресса, можно уверенно повторить, что «крупнейшие государства, международные военно-политические блоки и экономические союзы в соответствии со своими интересами проводили и проводят здесь границы, определяли и определяют лицо политических режимов, идеологий и экономических систем, пытались и пытаются урегулировать порожденные их собственными действиями межэтнические и межгосударственные конфликты» (Романенко, 2021, с. 24).

Неслучайно на фоне роста международной напряженности и обоюдных угроз со стороны глобальных игроков балканские политики открыто выражают опасения, что в случае затягивания украинского конфликта в его орбиту могут быть включены «и юг, и Западные Балканы»¹. Некоторые из лидеров активно подливают масла в огонь утверждениями о намерениях России распространить конфликт на другие части мира и ожиданиями, что в стремлении дестабилизировать Европу одной из целей будут объявлены Западные Балканы². В свою очередь отечественная и зарубежная пресса регулярно отмечает «балканские мотивы» в нынешнем противостоянии³.

В текущих условиях смещение аналитического фокуса на украинский театр политических, а затем открытых военных действий закономерно. Однако вне зависимости от исхода вооруженного противостояния на Украине активизация ведущих игроков

на балканском направлении выглядят неминуемой. С учетом этого данное исследование преследует две цели — определить региональные стратегии ключевых и пока второстепенных внешних игроков, проследить трансформацию видения и практические шаги ведущих акторов на фоне украинского кризиса.

Географически анализ охватывает регион Западных Балкан — Албанию, Боснию и Герцеговину (БиГ), Северную Македонию, Сербию, Черногорию и частично признанную «Республику Косово». Ключевые внешние игроки в лице Европейского союза (ЕС), КНР, РФ и США разбиты на «лагеря» в соответствии с занимаемыми позициями в регионе и относительно него. Поэтому ЕС и США часто объединены под условным обозначением «коллективный Запад». Отдельная строка в собирательном наименовании — Великобритания, чья активность в сфере международных отношений и безопасности, без сомнения, аффилирована с Западом в целом, но не с США (при всей истории стратегического партнерства в регионе) и тем более не с ЕС. В ряду игроков «второго плана» выделены Турция, Иран и страны Персидского залива. Особым видится случай Японии, которая имеет свои интересы в регионе.

Источники и методология

Источниковой базой для исследования стали официальные документы перечисленных стран, международных организаций и наднациональных структур, публичная риторика официальных лиц, национальные стратегии и бюджеты, статистические материалы, результаты опросов по проблеме иностранного присутствия и влияния на Балканах.

Условия острейшего противостояния между внешними по отношению к региону игроками — Россией и Западом (в перспективе ожидается вступление Китая в «большую игру») — не только актуализируют работу, но и определяют методологический выбор. Приоритетным стал историко-системный подход, позволяющий рассмотреть процессы и ключевые события в соответствующем простран-

¹ Президент Словении опасается продолжения украинского кризиса на Балканах // Радио Sputnik. 11.08.2022. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220811/balkany-1808770006.html> (дата обращения: 01.12.2022).

² Tharoor I. Russia's War in Ukraine Finds Echoes in the Balkans // The Washington Post. August 1, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/08/01/western-balkans-kosovo-ukraine/> (accessed: 09.12.2022).

³ См.: As Russia Expands Its War in Ukraine, Will the Delicate Peace in the Balkans Be Disrupted? // CBC. September 23, 2022. URL: <https://www.cbc.ca/news/world/balkans-russian-influence-1.6593195> (accessed: 11.12.2022); Сысоев Г. Балканские мотивы на украинский лад // Коммерсантъ. 22.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5228293> (дата обращения: 11.12.2022).

ственном и хронологическом контексте вне жесткой привязки к какой-либо из существующих парадигм.

Тем не менее в контексте анализа западнобалканской проблематики и особенно с фокусом на внешнее присутствие и влияние необходимо сделать ряд важных оговорок.

Во-первых, и балканский (постъюгославский) кризис 1990-х гг., и пролонгированный (с 2014 г.) украинский продемонстрировали, что региональный баланс может существенно отличаться от глобального, усиливая одновременно необходимость поиска альтернативных западным внешнеполитических ориентиров. Поэтому стремление к максимально объективному анализу потребовало опоры на парадигму многополярности, активно разрабатываемую отечественными учеными (Базавлук, Курылев, Савин, 2022; Degterev, 2019).

Во-вторых, именно сейчас трудно отказаться от соблазна взглянуть на вещи с позиций развивших (и в чем-то упростивших (Алексеева, 2015, с. 18)) идеи Фукидида последователей реалистов. Со всеми оговорками и рисками не всегда верных интерпретаций, на фоне драматического развития отношений между РФ и Западом тема упрощений временно теряет свою остроту. При этом те из тезисов мыслителя, что легли в основу реализма (сила как ключевой фактор во взаимодействии государств, страх как одна из сильнейших мотиваций и безопасность как важнейшая сфера деятельности), напротив, становятся вновь актуальными (Фукидид, 2021). Более того, в наше время они получают новое и в определенной мере эмпирически подтвержденное звучание: «Ловушка Фукидида относится к естественному, неизбежному замешательству, которое происходит, когда восходящая держава угрожает сместить правящую силу» (Allison, 2017, pp. XV—XVI).

Одним из наиболее актуальных исследовательских направлений, подходящих как для рассмотрения вопросов внешней политики балканских правительств, так и для анализа политической субъектности государств региона на международной арене, является неоклассический реализм. О его методологи-

ческих преимуществах, главным из которых видится положение «срединной точки между традицией реализма, с одной стороны, и либерализмом, в том числе неоинституционализмом и конструктивизмом, с другой» (Романова, 2012, с. 10), применительно к изучению Балкан написано уже немало (Энтина, 2022, с. 95—97). В контексте поставленных нами задач особую ценность приобретает возможность учета широкого спектра национальных и внутрирегиональных факторов: наличия нестандартных участников процесса в виде, например, политики Косово или дисперсного сербского сообщества⁴, а на внешнем контуре — признание в качестве полноценных элементов системы ЕС и НАТО, без которых рассмотрение проблем иностранного присутствия и влияния на Западных Балканах на современном этапе лишено смысла.

Таким образом, выбранные методологические установки позволяют охватить широкий спектр значимых внутренних и внешних факторов, которые с трудом поддавались или вовсе не поддавались изучению в рамках иных концепций.

«Балканский квинтет»: Великобритания, ЕС, США, Китай и Россия

Если собственно определяющая роль внешних игроков на Балканах не вызывает возражений в экспертной среде, то оценки влияния этих акторов на регион разнятся весьма существенно — вплоть до поляризации и антагонизма. Нет единства и в определении состава ключевых внешних игроков на этом направлении (Арляпова, Пономарева, Пророкович, 2022). В число однозначно определяемых в таком качестве входят, пожалуй, только РФ и США. Россия выступает «сольно», что обусловлено, помимо прочего, трендом последних лет на изоляцию ее со стороны бывших западных партнеров.

⁴ Речь идет о сербах, проживающих не только в Сербии, включая Косово, но и в Республике Сербской в составе Боснии и Герцеговины, а также в Черногории и Северной Македонии.

США, безусловно, ведут собственную игру на Балканах, но в числе основных субъектов геополитического соперничества чаще всего фигурируют в связке с союзниками по НАТО под собирательным, особенно понятным и актуальным в наши дни наименованием «коллективный Запад». «Лучшую» роль второго плана здесь, конечно, играет Европейский союз. Позиция ЕС является наиболее уязвимой среди прочих, поскольку конкретно на него ложится вся ответственность за действия коалиции на «слабом фланге Европы»⁵, а если быть точнее, то эту нагрузку в полной мере несут «старожилы» ЕС (в балканском контексте это Германия, Италия и Франция).

Данная проблема напрямую подводит нас к теме открытой и/или латентной конкуренции внешних игроков. Их взаимодействие в регионе носит состязательный характер, даже если речь идет о номинальных союзниках в лице ЕС и США. Западные аналитики, как правило, проводят водораздел без учета конкуренции Европы и США. В аналитических обзорах, с учетом событий на Украине, Балканы фигурируют как «благоприятная среда» для ответного удара Кремля по США и ЕС с целью разрушения европейского порядка, установившегося после окончания холодной войны⁶. США здесь выступают стороной, поддерживающей Европу и гарантирующей обеспечение ее интересов.

Что касается подхода отечественных и ряда балканских экспертов, то здесь фиксирование различий в целеполагании западных союзников проходит гораздо увереннее. Роль США в балканских перипетиях, особенно по косовскому вопросу, — это «своя игра» Вашингтона «часто в противовес не столько политике Брюсселя, сколько Берлина, Лондона и Парижа» (Ponomareva, 2020, p. 165).

⁵ Massara G. How the Ukraine War Deepens Divisions Across the Balkans // *Aspenia Online*. April 28, 2022. URL: <https://aspensiaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed: 11.12.2022).

⁶ Stronski P. Russia in the Balkans after Ukraine: A Troubling Actor // *Carnegie Endowment for International Peace*. September 20, 2022. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87959> (accessed: 30.12.2022).

К слову, и устремления США, и «политика балансирования со стороны союзников по НАТО» против гегемона (Коньшев, 2020, с. 98) успешно объясняются логикой неоклассического реализма. На Балканах разделение идет гораздо глубже, чем просто по оси США — ЕС. Эта особенность находит отражение и в официальной российской риторике⁷.

Великобритания — «исторически самостоятельный актер» на Балканах (Энтина, 2019, с. 79) и уже в силу этого вряд ли когда-нибудь покинет список ключевых внешних игроков в регионе. Присутствующая часто неявно в информационных поводах балканской внешнеполитической повестки, она на деле активно участвует в ее формировании и форматировании. Принято считать, что «в экономическом плане Лондон никогда не занимал в регионе сильных позиций»⁸. Однако для некоторых балканских стран (например, Косово) Лондон в течение ряда лет сохранял второе место в числе топ-инвесторов, уступая лишь Берлину (Rrustemi et al., 2019, p. 149). К тому же в косовском контексте уместно вспомнить США с поистине номинальным — 0,1 % в отдельные периоды (Арляпова, 2014, с. 110) — торговым присутствием и устойчивым высоким политическим влиянием. Однако, конечно, экономическая сфера — не главное в интересах Британии на Балканах и не ее профиль.

В связке Великобритания — Западные Балканы ключевым событием стал «брекзит». Выход Британии из ЕС означал для ряда балканских стран «потерю главного адвоката расширения» ЕС⁹, что негативно сказалось на

⁷ Путин обвинил англосаксов в диверсиях на «Северных потоках» // *Российская газета*. 30.09.2022. URL: <https://rg.ru/2022/09/30/putin-obvinil-anglosaksov-v-diversiiah-na-gazoprovodah-sp-i-sp-2.html> (дата обращения: 12.12.2022).

⁸ Рид Э. Что «забыла» Великобритания на Западных Балканах? // *Балканист*. 22.12.2021. URL: <https://balkanist.ru/chto-zabyala-velikobritaniya-na-zapadnyh-balkanah/?ysclid=lcksecngku729544457> (дата обращения: 10.12.2022).

⁹ Bieber F. Ever Farther Union: Balkans and the Brexit // *Freedom House*. June 2016. URL: <https://freedomhouse.org/report/analytical-brief/2016/ever-farther-union-balkans-and-brexit> (accessed: 10.12.2022).

возможности получения членства в Союзе (Belloni & Brunazzo, 2017, p. 21). Это коснулось не только Косово и БиГ, в политические процессы которых Великобритания вовлечена больше всего¹⁰, но и, например, Сербии. Стремление к вступлению в Евросоюз, по мнению британских специалистов, сделало гораздо больше, чем что-либо другое, в трансформации позиции Белграда относительно Косово. Еще на этапе прогнозов последствий «брекзита» экспертами выделялось, что утрата Лондоном возможности предложить ускоренный вариант вступления в ЕС, «или, возможно, правильнее сказать, потеря способности блокировать этот путь» (Ker-Lindsay, 2015, p. 26), трактовалась как исчезновение рычагов влияния Британии в регионе.

Помимо этого, «брекзит» изменил расстановку и баланс сил. Невзирая на официальную приверженность единой (или хотя бы лишенной очевидных разногласий) линии с Брюсселем в отношении Западных Балкан, расставшаяся с ним Великобритания на деле играет против ЕС, выступая иногда «спойлером» европейских инициатив, как и Турция (Dursun-Özkanca, 2019, p. 59).

В непрямой аналогии с Великобританией Китай длительное время находился если не в тени, то, по меньшей мере, вне главного фокуса балканской игры. В плане региональной безопасности вплоть до очень недавнего времени Китай рассматривался Западом в общем ряду «иностранных субъектов, работающих над подрывом прогресса»¹¹ и усиливающих рост напряженности в регионе, конечно, наряду и даже во главе с Россией. Для сравнения: в новой стратегии политики США на

Балканах 2017 г.¹² Китай упоминается всего дважды, тогда как весь текст документа испещрен упоминаниями о России — начиная уже со второй строки предисловия, да и, собственно, во многом посвящен ей и борьбе с ее влиянием на Западных Балканах. До сих пор часто по инерции в аналитических и иных западных материалах балканские государства ставятся перед бинарным выбором: «коллективный Запад» или Россия. Даже включение в контекст Пекина оставляет эту схему без существенных изменений.

Причина «десятилетнего терпения»¹³ видится в том, что все это время усиление и расширение многосторонней активности Китая в регионе рассматривалось не частью его последовательной стратегии, а неким «побочным эффектом двойственного отношения Европы и США к региону»¹⁴. Даже масштабная инициатива «17+1», послужившая «институциональной основой проникновения Китая в большую Европу» (Пономарева, Крыканов, 2020, с. 117), воспринималась как «простое дипломатическое, политическое и административное удобство»¹⁵, пока не стало очевидным, что действия Пекина — это неотъемлемая часть «согласованного и движущегося в определенном направлении» геопроекта с трансконтинентальным контентом и «балканским звеном» в его составе (Улуян, 2021, с. 64). Геополитический накал обстановки в Евразии и серьезно изменившаяся общая международная ситуация — с максимальным охватом, не ограничиваясь рамками украинского конфликта или геогра-

¹⁰ Великобритания готовит масштабную провокацию в Боснии и Герцеговине // Российская газета. 28.12.2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/28/prepodavatel-mgimo-oleg-ianovskij-v-interviu-rg-velikobritaniia-gotovit-masshtabnuu-provokaciu-v-bosnii-i-gercegovine.html> (дата обращения: 06.01.2023).

¹¹ Closing Press Conference by NATO Secretary General J. Stoltenberg Following the Meeting of NATO Foreign Ministers in Riga, Latvia // NATO. December 1, 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_189152.htm (accessed: 22.12.2022).

¹² Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. *Balkan Forward: A New US Strategy for the Region* // Atlantic Council. November 2017. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/Atlantic%20Council-Balkans%20Forward,%20A%20New%20Strategy%20for%20the%20Region.pdf> (accessed: 24.12.2022).

¹³ Shopov V. *Decade of Patience: How China Became a Power in the Western Balkans* // European Council on Foreign Relations. February 2, 2021. URL: <https://ecfr.eu/publication/decade-of-patience-how-china-became-a-power-in-the-western-balkans/> (accessed: 21.12.2022).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

фией Балкан, — закономерно привели к существенному пересмотру статуса Поднебесной.

Что же касается России, то на протяжении очень сложного для себя 2022 г. она продемонстрировала наличие балканской карты в своей внешнеполитической повестке. В западной прессе скрупулезно отслеживались российские шаги в этом направлении¹⁶. Наибольшее беспокойство у оппонентов вызывает кооперация Москвы с Сербией и Республикой Сербской. В условиях украинского конфликта широко тиражируется мнение о создании Кремлем предлога для дальнейшего вмешательства в дела БиГ. Как и ее оппоненты, РФ в полной мере осознает важность Западных Балкан, тем более в текущих условиях. Главный вопрос сегодня — хватит ли России ресурсов для поддержания влияния на балканском направлении. Возможно, не упомянутое вовсе в числе «более затратных» внешнеполитических векторов для России¹⁷ оно по иронии может стать как раз таковым.

Длинная скамейка запасных: внешние игроки «второго плана»

К числу геополитических соперников в регионе с очень востребованной после активизации украинского кризиса ролью «потенциального посредника»¹⁸ часто относят

¹⁶ См.: EU Candidate Serbia and Russia Sign Foreign Policy Agreement // Independent. September 24, 2022. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/serbia-ap-russia-new-york-aleksandar-vucic-b2174618.html> (accessed: 23.12.2022); Karcic H. Why NATO Should Worry about the Balkans // Foreign Policy. March 30, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/03/30/bosnia-russia-nato-ukraine-war-dodik/> (accessed: 23.12.2022).

¹⁷ Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // RAND Corporation. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (accessed: 22.12.2022).

¹⁸ Исламов Д. «Хочу быть владычицей морской»: Турция как потенциальный посредник на Западных Балканах // Российский совет по международным делам. 22.09.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/khochu-byt-vladychitsey-morskoy-turtsiya-kak-potentsialnyy-posrednik-na-zapadnykh-balkanakh/?sphrase_id=95126

Турцию. Этому способствуют не только внешнеполитические амбиции страны, но и ее ярко выраженное стремление «развиться в глобального игрока» (Arežina, 2018, p. 206). Повышенное внимание турецкой активности на Балканах уделяется экспертами на местах. Например, сербские аналитики считают, что «даже слабый президент Турции может попытаться решить свои внутренние проблемы за счет дестабилизации обстановки на Балканах» (Калоева, 2017, с. 88). Политика амбициозного близкого соседа остается в постоянном фокусе всех без исключения балканских стран. К слову, работы местных авторов в этом контексте выгодно отличаются большей конкретикой, акцентом не на идеологической, а на прагматической составляющей. От них не ускользает факт общей ориентации официальной Турции на Запад, тогда как многие западные коллеги с легкостью «отсекают» от него Анкару и помещают ее в категорию «восточных держав» с деструктивным влиянием на Западные Балканы (Арляпова, Пономарева, 2023, с. 116). Заметим, что дискурс «открепления» Турции от Европы и ее «сцепки» с РФ и Китаем (в том числе в качестве трансляторов негативного влияния¹⁹) активно внедрялся в регионе накануне украинского кризиса²⁰.

Глазами балканских экспертов Турция видится «четко региональной державой», которая «не может заместить собой США или ЕС»²¹. Нам также представляется, что ее международный вес на данный момент не

859&ysclid=lckszv4ke3444890425 (дата обращения: 06.01.2023).

¹⁹ What Is ‘Malign’ about External Influence in the Western Balkans? // Western Balkans Info Hub. March 15, 2021. URL: <https://wbc-rti.info/object/event/21421> (accessed: 15.12.2022).

²⁰ Андреев В. Стратегия Турецкой Республики на Западных Балканах // Российский совет по международным делам. 05.03.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/strategiya-turetskoy-respubliki-na-zapadnykh-balkanakh/?ysclid=lckt8h2qda944958590> (дата обращения: 05.01.2023).

²¹ Shehu R. Next Generation Turkey and Its Foreign Policy in the Western Balkans // Eastern Focus Quarterly. March 2021. URL: <https://www.eastern-focus.eu/2021/03/next-generation-turkey-and-its-foreign-policy-in-the-western-balkans/> (accessed: 23.12.2022).

позволяет войти в список грандов большой политики. Кроме того, как справедливо отмечают эксперты, «предел и ближайшая стратегическая цель для Турецкой Республики» — это «обретение статуса мультирегионального лидера» (Лобанов, Шахов, 2017, с. 60) посредством восстановления главенствующего положения в регионах, примыкающих к территориальным границам государства. Поэтому Турция и до, и в течение кризиса остается весьма значимым внешним, но ограниченным регионом игроком, наряду, например, с Грецией.

Сказанное ничуть не умаляет значимости сил «второго эшелона». Так, с появлением в западнобалканской «геополитической головоломке»²² новых участников с авторитарными режимами многие эксперты связывают смещение общего баланса между демократическими и недемократическими режимами в пользу последних и, как следствие, прогнозируют изменения в режимах прокси-государств (Rrustemi et al., 2019, p. 12). С этого ракурса идет оценка присутствия в регионе ряда ближневосточных стран, особенно Саудовской Аравии, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) как наиболее вовлеченных в балканскую повестку.

Поэтому, невзирая на внешнеполитическую ориентацию региональных тяжеловесов, практически все они в итоге оказываются на одной чаше весов с РФ и Китаем применительно к оценке их активности на Балканах — под общим наименованием «восточные державы» и с противопоставлением «западным державам». Первые — Россия, Китай, Иран, Турция и государства Персидского залива (исключая Королевство Бахрейн и Султанат Оман как не оказывающие влияния) — коллективно выступают в амплуа «плохого парня» (в рамках теории демократического мира). Вторые — США и их союзники по НАТО — в рамках той же теории есть и будут

²² Bonomi M., Reljić D. The EU and the Western Balkans: So Near and Yet So Far // SWP Comments. 2017. No. 53. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2017C53_rlc_Bonomi.pdf (accessed: 24.12.2022).

«хорошими парнями». Соответственно, «восточное влияние» интерпретируется только с позиции наносимого вреда, а, «западное» — наоборот, в сугубо положительном ключе.

Завершить обзор ключевых и второстепенных внешних игроков на Балканах следует короткой остановкой на Японии. Сделать это побудили результаты опроса, проведенного в Сербии (в рамках обширного — с охватом 13 европейских стран — исследования общественного мнения относительно китайского присутствия в регионе²³). Формулируя свое отношение к различным странам, сербские респонденты поместили Японию на второе (!) место среди наиболее положительно воспринимаемых государств — сразу после РФ и перед КНР²⁴, чем немало удивили организаторов и экспертное сообщество²⁵. Следует отметить, что итоги опроса выделили Сербию из числа других европейских стран, принявших участие в исследовании. «Выпадающий результат» ее граждане показали и в замерах негативного отношения к деятельности и присутствию в регионе конкретных иностранных участников — в порядке убывания лояльности: Великобритания, США, Северная Корея, Израиль, Германия и с несколько промежуточным положением Вьетнам (доля респондентов с ответом «очень негативно» ниже, чем у Израиля и Германии, однако совокупный показатель («негативно» и «очень негативно») выше, чем у Германии).

Кейс Японии в преломлении к вопросам влияния внешних сил на Балканах пока еще не анализируется на страновом уровне (по аналогии с упомянутыми выше Бахрейном и Оманом). Однако у Токио с 2018 г.

²³ Global Views on China // Sinophone Borderlands Project. 2022. URL: <https://sinofon.cz/surveys/> (accessed: 20.10.2022).

²⁴ Serbian Public Opinion on China in the Age of COVID-19. An Unyielding Alliance? // Central European Institute of Asian Studies. 2020. P. 7. URL: <https://ceias.eu/wp-content/uploads/2021/01/SRB-poll-report.pdf> (accessed: 29.10.2022).

²⁵ Serbians Blame US and NATO for Ukraine War // BNE IntelliNews. March 14, 2022. URL: <http://intellinews.com/serbians-blame-us-and-nato-for-ukraine-war-237960/> (accessed: 08.07.2022).

действует программа по развитию двусторонних отношений с регионом «Инициатива сотрудничества с Западными Балканами». Формулировки устанавливающего документа весьма нейтральные: поддержка социально-экономических реформ, укрепление диалога, «обмен знаниями и опытом Японии по общим вопросам» (например, борьба со стихийными бедствиями и т. п.)²⁶. Однако в этих формулировках прослеживается четкая ориентация на западных партнеров: поддержка реформ в странах в направлении вступления в ЕС, содействие региональному сотрудничеству путем совместных усилий с государствами Евросоюза, возможная коллаборация с «Берлинским процессом»²⁷ и т. д. Приоритетными европейскими странами для совместной работы названы Германия, Австрия, Болгария, страны Вышеградской четверки, Словения и Румыния. Конкретными действиями стали финансовая помощь (в наибольшем объеме — Сербии, далее — БиГ и Северной Македонии²⁸), открытие посольств и назначение посла по делам Западных Балкан.

Один из послов, отвечая на вопрос о причинах интереса географически удаленной Японии к Западным Балканам, обозначил непосредственную связь инициативы с подписанием в том же 2018 г. двух «эпохальных соглашений» Японии с ЕС: об экономическом и стратегическом партнерстве²⁹. Дальнейшие шаги — производные этого события и, как нам представляется, самостоятельной ценности для Японии не имеют. Основная мотивация в западнобалканском проекте для

Японии — это демонстрация лояльности союзникам, приверженности общей позиции на международной арене и общего отношения к европейской и мировой политической повестке, где к старту проекта особую актуальность и остроту приобрела проблема «влияния третьих стран». Об этом в совершенно определенном ключе высказался посол по делам Западных Балкан: «Если бы мы этим пренебрегли, то возникла бы возможность усиления влияния стран и сил, которые не разделяют общие базовые ценности и проникают в регион»³⁰.

Заключение

После 24 февраля 2022 г. состав ключевых внешних игроков на Западных Балканах остается прежним — Великобритания, ЕС, Китай, Россия и США. На данном этапе все главные внешние игроки сохраняют присутствие и влияние в регионе. Однако западный блок и Китай имеют потенциал к наращиванию влияния в ближайшей перспективе. Возможности РФ на этом направлении под вопросом.

Наибольшая активность Запада и России фиксируется вокруг Боснии и Герцеговины. Интенсификация усилий с обеих сторон ведет к обострению внутригосударственных противоречий и эскалации формально завершеного боснийского конфликта, что с большой долей вероятности повлечет за собой внешнее вмешательство. Главным локомотивом здесь выступает западный блок — его действия носят превентивный характер, российские действия (при наличии) будут реакцией на происходящие события.

Второй «узел» — Сербия и тлеющий конфликт в Косово. В течение года неоднократно возникала реальная или мнимая возможность возвращения конфликта в острую фазу. При этом Сербия также находится в плоскости борьбы за доминирующее влияние в ней России и Запада с подключением к этой конкуренции Китая. По мнению авторов, сила пророссийских (или антизападных) общественных настроений сделала Сербию

²⁶ Western Balkans Cooperation Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Japan. November 19, 2021. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/c_see/page22e_000937.html (accessed: 18.12.2022).

²⁷ Берлинский процесс — механизм поддержки европейской интеграции государств Западных Балкан, инициированный Германией в 2014 г.

²⁸ Western Balkans Cooperation Initiative. Infographics // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100139248.pdf> (accessed: 18.12.2022).

²⁹ Interview with Mr. Kawazu Kunihiko, Ambassador in Charge of the Western Balkans // 24 Hours Daily (Bulgaria). February 14, 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100165023.pdf> (accessed: 06.12.2022).

³⁰ Ibid.

вторым номером после БиГ, где пропорционально российского влияния меньше, а значит, справиться с ним технически проще, и это выводит Белград из-под первого удара в случае, если у внешних игроков возникнет такая необходимость.

Китай на балканском поле действует в рамках собственной игры. Запад открыто позиционирует китайское влияние в регионе как нежелательное и рассматривает его в одном ключе с «российской угрозой». Великобритания и США согласованно и по отдельности часто играют против ЕС. Однако в условиях обострения противостояния с Россией позиция союзников выглядит крепкой, по крайней мере, на балканском направлении.

Имеющиеся трещины и разломы в «коллективных» действиях западных стран, их противоречия с главными контрагентами — Москвой и Пекином — создают новые возможности для игроков «второго плана». Роль Турции, Ирана и стран Залива в странах региона будет и дальше постепенно, но неуклонно расти.

Текущий кризис еще больше подчеркнул глубокую зависимость Западных Балкан от внешних по отношению к ним сил. В то же время именно кризис открыл возможность выбора государственно ориентированной траектории в марафоне балканских наций: у многих из них еще есть шанс занять достойное место в рождающемся многополярном мире.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 04.06.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Алексеева Т. А.* Перечитывая «классиков»: Фукидид и политический реализм // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 3. С. 7—20. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-3\(20\)-7-20](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-7-20)
- Арляпова Е. С.* Косово — витрина постконфликтного регулирования? // Обозреватель. 2014. № 12. С. 101—113.
- Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г.* Турция на Западных Балканах сегодня: цифры и оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 8. С. 113—123. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-110-120>
- Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г., Пророкович Д.* Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия — Балканы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 208—223. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09>
- Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В.* Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30—42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>
- Калоева Е. Б.* Балканы между Западом и Россией: взгляд сквозь призму общественного мнения // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 87—113.
- Коньшев В. Н.* Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 94—111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
- Лобанов К. Н., Шахов В. В.* Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 56—67. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-4-56-67>
- Пономарева Е. Г., Крыканов Д. Д.* Балканское дыхание Пекина (стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 1. С. 117—137. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137>
- Романенко С. А.* Балканы / Юго-Восточная Европа: регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 22—58. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.02>
- Романова Т. А.* О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10, № 3. С. 8—21.
- Удунян Ар. А.* Инициатива «Один пояс, один путь» и Балканы в оценках экспертного сообщества и СМИ Центрально-Восточной Европы (2017—2020) // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 59—83. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.03>
- Фукидид.* История. Москва : Азбука, 2021.

- Энтина Е. Г. Незападные Балканы. Москва : Галактика, Издательский Дом «Зебра Е», 2022.
- Энтина Е. Г. Приоритеты политики США, ЕС и Великобритании в Западнобалканском регионе после Брекзита // Россия и современный мир. 2019. № 1. С. 72—83. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.05>
- Allison G. T. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York : Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Arežina S. Turkish Foreign Policy Towards Balkans and Serbia under Davutoğlu Administration // *Marmara University Journal of Political Science*. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 203—216. <https://doi.org/10.14782/ipsus.460138>
- Belloni R., Brunazzo M. After 'Brexit': The Western Balkans in the European Waiting Room // *European Review of International Studies*. 2017. Vol. 4, no. 1. P. 21—38. <https://doi.org/10.3224/eris.v4i1.02>
- Degterev D. A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 3. P. 404—419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Dursun-Özkanca O. *Turkey — West Relations: The Politics of Intra-alliance Opposition*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781316998960>
- Ker-Lindsay J. Britain, 'Brexit' and the Balkans // *The RUSI Journal*. 2015. Vol. 160, no. 5. P. 24—29. <https://doi.org/10.1080/03071847.2015.1102539>
- Ponomareva E. G. Quo Vadis, Serbia? A Multi-Vector Policy as a Way to Retain Political Agency // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18, no. 1. P. 158—179. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179>
- Rrustemi A., de Wijk R., Dunlop C., Perovska J., Palushi L. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans // *HCSS Security*. 2019. P. 1—213. URL: https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf (accessed: 22.12.2022).

Сведения об авторах:

Арляпова Елена Сергеевна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт системно-стратегического анализа; ORCID: 0000-0002-8095-7229; e-mail: elena.s.arlyarova@gmail.com

Пономарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-8370-8597; e-mail: nastya304@mail.ru

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-689-703

EDN: PEURRY

Научная статья / Research article

Прикладной анализ многовекторности во внешней политике Турции в период президентства Р.Т. Эрдогана в 2014—2022 гг.

И.В. Вохминцев¹ , Р.И. Гузаеров^{2,3} ¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация²Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
igor.nk.ru@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено прикладному анализу концепции многовекторности во внешней политике Реджепа Тайипа Эрдогана за период его президентства с 2014 по 2022 г. Внешняя политика Турции вызывает особый интерес, поскольку Анкара активно участвует в региональной и мировой политике. Турецкая внешняя политика характеризуется как многовекторная, в научных работах применяются различные подходы к определению турецкой многовекторности. Цель статьи — продемонстрировать основные векторы личной дипломатии Р.Т. Эрдогана в период его президентства. Актуальность работы заключается в применении количественного метода, который позволяет увидеть основные векторы внешней политики Р.Т. Эрдогана на основе составленной авторами базы его внешнеполитических контактов. Метод отличается тем, что позволяет избежать влияния личных предпочтений ученого в анализе внешней политики и воздействия отдельных громких, но единичных событий на результаты исследования. База охватывает весь период президентства Р.Т. Эрдогана с 2014 г. до конца 2022 г. и включает в себя все обнародованные на сайте президента Турции внешнеполитические контакты лидера Турции. Выработанная методика не только позволяет увидеть основные векторы внешней политики, но и оценить их глубину на основе математических вычислений. В результате были определены основные макрорегиональные векторы, выявлены наиболее значимые страны в каждом из векторов, а также измерена и представлена глубина и качество контактов с этими странами. Было также установлено, что президент Турции активно взаимодействует с представителями местного уровня власти. Более того, была проиллюстрирована дипломатия «второго трека» Р.Т. Эрдогана, которая охватывает основные макрорегиональные векторы в рамках публичной дипломатии. База данных и метод позволяют утверждать, что политика президента Турции действительно многовекторная, но многовекторность этой политики гораздо глубже, выходит за рамки официальных отношений со странами и переходит на уровень взаимодействия с элитами микрорегионов. Также были определены перспективные области для будущих теоретических и прикладных исследований.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика, количественный анализ, многовекторность

© Вохминцев И.В., Гузаеров Р.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Вохминцев И. В., Гузаеров Р. И. Прикладной анализ многовекторности во внешней политике Турции в период президентства Р.Т. Эрдогана в 2014—2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 689—703. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-689-703>

Applied Quantitative Analysis of R.T. Erdogan's Multi-Vector Foreign Policy in 2014—2022

Igor V. Vokhmintsev¹ , Razil I. Guzaerov^{2,3}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

igor.nk.ru@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the applied analysis of the concept of multi-vector in the foreign policy of Recep Tayyip Erdogan during his presidency from 2014 to 2022. Türkiye's foreign policy is of particular interest to researchers. Ankara is actively involved in regional and world politics. Turkish foreign policy is characterized as multi-vector, but different approaches to the definition of Turkish multi-vector are used in scientific research. The purpose of the study is to identify the main vectors of R.T. Erdogan's personal diplomacy during his presidency. The relevance of the work lies in the application of a quantitative method that allows identifying the main vectors of R.T. Erdogan's foreign policy on the basis of the collected database of his foreign policy contacts. The method is different in that it is free from the influence of the researcher's personal preferences in analyzing foreign policy and the influence of individual high-profile, but isolated events. The database covers the entire period of the presidency of R.T. Erdogan from 2014 to the end of 2022 and includes all foreign policy contacts published on the website of the President of Türkiye. The developed methodology allows not only to see the main vectors of foreign policy, but also to assess their depth on the basis of mathematical calculations. As a result of the analysis, the main macro-regional vectors and countries in each of the vectors were identified, and the depth and quality of contacts with these countries were measured and presented. It was also found that the Turkish President actively interacts with the local level of government. Moreover, he implements the diplomacy of the second track. It covers the main macro-regional vectors from the side of public diplomacy. The database and the method allow us to assert that the policy of the Turkish president is indeed multi-vector, but the multi-vector nature of this policy is much deeper and goes beyond relations with countries. During the work, promising areas for future theoretical and applied research were identified.

Key words: Türkiye, quantitative analysis, foreign policy, multi-vector approach

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Vokhmintsev, I. V., & Guzaerov, R. I. (2023). Applied quantitative analysis of R.T. Erdogan's multi-vector foreign policy in 2014—2022. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 689—703. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-689-703>

Введение

Реджеп Тайип Эрдоган — лидер Турецкой Республики, который с 2014 г. занимает пост президента. Десятилетний срок его президентства выпал на один из самых

неспокойных периодов в мировой истории с момента окончания холодной войны. Р.Т. Эрдогана называют мастером дипломатической игры (Надеин-Раевский, 2017). Все 9 лет ему удавалось маневрировать между США, Россией, НАТО и Европейским союзом

(ЕС), одновременно выстраивая свои сферы влияния на постсоветском пространстве, в Африке, не забывая о соседях из Ближнего Востока. В связи с этим много говорят о многовекторности политики турецкого лидера (Гулиев, 2022; Майорова, 2022), но в вопросе конкретных направлений и приоритетов оценки разнятся. Так возникла идея составить базу данных всех дипломатических контактов президента Р.Т. Эрдогана с момента начала его президентства в 2014 г. по декабрь 2022 г., затем с помощью этой базы провести количественный описательный и, по возможности, качественный анализ по отдельным направлениям реальной личной внешней политики Р.Т. Эрдогана.

Актуальность работы

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью Турции в системе международных отношений. Турция стремится укрепить свои позиции в рамках системы, активно применяя собственную дипломатию. Создается ощущение, что Анкара в рамках своей дипломатической деятельности пытается охватить ряд регионов и стран, принять участие в разрешении конфликтов и т. д. (Ирхин, Москаленко, 2021). Применение количественного метода и составление базы данных всех встреч и контактов Р.Т. Эрдогана в период его президентства позволяют обозначить реальную географию личной дипломатии главы Турецкой Республики и выделить самые важные векторы его внешней политики.

Цель исследования — проанализировать многовекторность внешнеполитического курса Р.Т. Эрдогана с помощью эмпирических методов.

Обзор литературы

Внешней политике Турции посвящено множество научных трудов. Преимущественно исследователи при анализе турецкого внешнеполитического курса применяют классические для международных исследований подходы. Так, популярным является анализ политики Турции с точки зрения

политического реализма, где внешняя политика Анкары исследуется в рамках понятий данной теории (Графов, 2022; Kiraz, 2018). Широкий круг исследований подходит к анализу внешней политики Турции через разбор основных внешнеполитических идеологем, а приоритеты Анкары объясняются их содержанием и большим влиянием данных идей на дипломатическую практику (Надеин-Раевский, 2021; Yavuz, 2020). В противовес этим работам ряд исследователей выражают скепсис в отношении данного подхода, считая анализ политики Турции на основе идеологического фактора неоправданным и субъективным (Ataç, 2019).

В рамках системного подхода и неореализма исследователи проводят корреляцию между внутренней и внешней политикой Турции, анализируя влияние внутренней динамики развития страны на ее внешнеполитический курс (Дружиловский, 2010). Учеными также выделяется идейно-ценностный фактор, который играет важную роль в формировании внешней политики Турции (Аватков, 2019). Активно применяется исторический метод, который демонстрирует развитие и трансформацию внешнеполитического курса Турции (Balci, 2013). Отдельно следует выделить работы, которые рассматривают политику Турции сквозь призму различных факторов, например «мягкой силы» (Çevik, 2019) или религиозного фактора (Taş, 2022). Особо выделяется ряд работ, которые посвящены сравнительному анализу внешней политики Турции до и после попытки переворота в 2016 г. (Naugom, 2019; Aras, 2019).

Также предпринимались попытки рассмотреть феномен многовекторности во внешней политике Турции на Ближнем Востоке. О.Э. Гулиев (2022) выборочно анализирует документы, речи, новости и события, тем самым формируя пеструю картину многовекторности.

В представленных в обзоре работах исследователи используют общенаучные методы, выделяя тот или иной фактор, на основе которого и строится анализ. Главная проблема подобного подхода заключается в том, что избирательность анализируемых событий,

высказываний, визитов и т. д. приводит к игнорированию большого массива данных, значимых в контексте результатов исследования. Исключением из данного массива работ стало исследование турецких ученых, которые использовали эмпирический метод для анализа многовекторности внешней политики Турции, где за единицу измерения использовали международные соглашения, ратифицированные турецким парламентом (Çakır & Akdağ, 2017). В этой связи представляется интересным применение специальных количественных методов через расчет всех визитов и встреч президента Турции для анализа многовекторности внешней политики Турции.

Применение ивент-анализа в изучении международных отношений восходит к 1966 г., когда американский ученый Ч. Маклеланд запустил проект по исследованию взаимодействий мировых событий — WEIS, который представляет собой особым образом закодированную базу международных событий. На смену этому проекту был запущен проект схожей тематики COPDAB Э. Азара и GEDS Университета Мэриленда (Дегтерев, 2019, с. 262).

С развитием сети Интернет стало возможно систематизировать большие массивы данных. Система GDELT в автоматическом режиме проводит сбор данных при помощи сервисов Google¹. Измерение и оценка показателей проходят на основе разных шкал, самой распространенной из которых на сегодня выступает шкала Гольдштейна. Она оценивает событие на предмет сотрудничества / соперничества (Goldstein, 1992). Похожая шкала была разработана в Университете Циньхуа (Дегтерев, 2019, с. 263).

У таких баз и шкал есть очевидные плюсы и минусы. Плюсы баз заключаются в глобальности охватываемых данных, автоматической обработке и универсальности независимо от страны. Отечественными учеными был выявлен технический недостаток системы GDELT, которая склонна больше собирать англоязычные источники, а часть

новостных массивов на других языках не попадает в базу, что значительно искажает результаты (Бадрутдинова, Дегтерев, Степанова, 2017, с. 85).

Существует и иной подход, в котором событие оценивается по величине вклада в отношения. Именно такая методика разработана профессором американского университета в Каире Б. Корани. В его методике кодируется не характер события, а его значение (Дегтерев, 2019, с. 265). Похожий подход используется в Индексе глобализации университета Цюриха². Следует отметить, что в современных реалиях у данного индекса выявились минусы: он сильно зависит от качества и полноты узкоспециализированных статистических данных. Похожая методика, но с опорой на более очевидные и легкие в поиске показатели, была разработана и в отечественной науке (Бадрутдинова, Дегтерев, Степанова, 2017).

Обзор источников

Источником для данных о дипломатических контактах Р.Т. Эрдогана, включенных в базу, послужил официальный сайт президента Турецкой Республики — <https://www.tccb.gov.tr/en/>. Он доступен на турецком, арабском, французском и английском языках. Материал для базы был взят из разделов *Presidential agenda* и *Speeches and Statements*.

Описание базы данных

Для исследования была собрана база данных внешнеполитических контактов президента Турции Р.Т. Эрдогана, которая охватывает период с сентября 2014 г., начало первого президентского срока Р.Т. Эрдогана, по декабрь 2022 г.

База содержит 2399 контактов. Каждый дипломатический контакт вносился в базу данных с присвоением шести характеристик: дата, вид контакта, страна контакта, город контакта, вес и ссылка на страницу на сайте.

¹ The GDELT Story // The GDELT Project. URL: <http://gdeltproject.org/> (accessed: 15.03.2023).

² KOF Globalisation Index // ETH Zürich KOF. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed: 15.03.2023).

Если за один визит контактов было несколько, то каждый контакт вносился отдельно. Всего было выработано 6 типов контактов по виду дипломатической активности:

— визит в Турцию — визит иностранного политика в Турцию;

— визит Р. Т. Эрдогана — президент Турции посещает другую страну;

— «многосторонка» — участие президента Турции в многосторонних форматах (в этом случае контакт проставлялся всем участникам встречи);

— на полях — Р.Т. Эрдоган проводил личные встречи на полях многосторонних саммитов;

— звонок — для совершенных двусторонних звонков;

— телеграмма в Турцию и телеграмма из Турции.

Под контрагентом в базе понимается страна, международная организация, непризнанное государство, отдельный регион (например, Гагаузия), общественная или политическая организация. Вес — числовое значение от 1 до 5, присваиваемое виду контакта для удобства проведения количественных подсчетов и вычисления среднего взвешенного: визиты — 5, звонки — 4, на полях — 3, «многосторонка» — 2, телеграммы — 1. Город контакта — место встречи. Ссылка на страницу контакта необходима для верификации данных.

Анализ базы данных был проведен встроенными инструментами Microsoft Excel и с помощью библиотеки Pandas для языка программирования Python.

Внешняя политика Р.Т. Эрдогана многовекторна?

При анализе основных характеристик внешней политики Турции при Р.Т. Эрдогане непременно указывается ее многовекторность (Гулиев, 2022). Многовекторность часто присутствует в официальных документах, связанных с внешней политикой. Именно многовекторная политика в дискурсе турецких политиков представляется эффективным способом поиска решений глобальных проблем³.

В данном случае возникает исследовательский вопрос, что же позволяет судить о многовекторности внешней политики Турции. Отсутствие четкого определения данного понятия и каких-либо критериев определения позволяет исследователям приписывать многовекторности любые факторы и события.

В ходе проведения количественного анализа были сформированы списки стран, с представителями которых Р.Т. Эрдоган взаимодействовал чаще всего. Далее будет рассмотрена первая двадцатка стран. Авторы остановились на таком количестве стран, поскольку на них приходится 43 % всех контактов Р.Т. Эрдогана. На следующие 10 стран (20—30-е места) приходится только 8 % контактов.

На столбчатой диаграмме (рис. 1) представлена первая десятка стран по суммарному количеству контактов. Диаграмма позволяет определить не только с кем, но и в каких форматах происходило взаимодействие. Суммарно на 10 стран приходится 26 % всех контактов президента Турции.

В первую очередь выделяется то, что на первом и втором местах находятся США и Россия. Турция стремится сохранить баланс во взаимоотношениях с великими державами. Несмотря на все большее количество противоречий с Вашингтоном, США остаются важным партнером Турции, страны связывает многолетняя история взаимоотношений и членство в НАТО. В то же время Анкаре важно не фокусироваться на отношениях с одним государством и диверсифицировать свои контакты. Балансирующим звеном выступает Россия, с которой Турция углубляет политические и экономические отношения, реализует крупные проекты и взаимодействует в ряде регионов (Аватков, Сбитнева, 2020, с. 118—120). Данные честно демонстрируют политику балансирования Анкары, которая не хочет безоговорочно поддерживать одну из сторон, а развивает контакты с главными акторами на международной арене, сохраняя для себя пространство для маневра.

³ Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL:

<https://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (accessed: 24.03.2023).

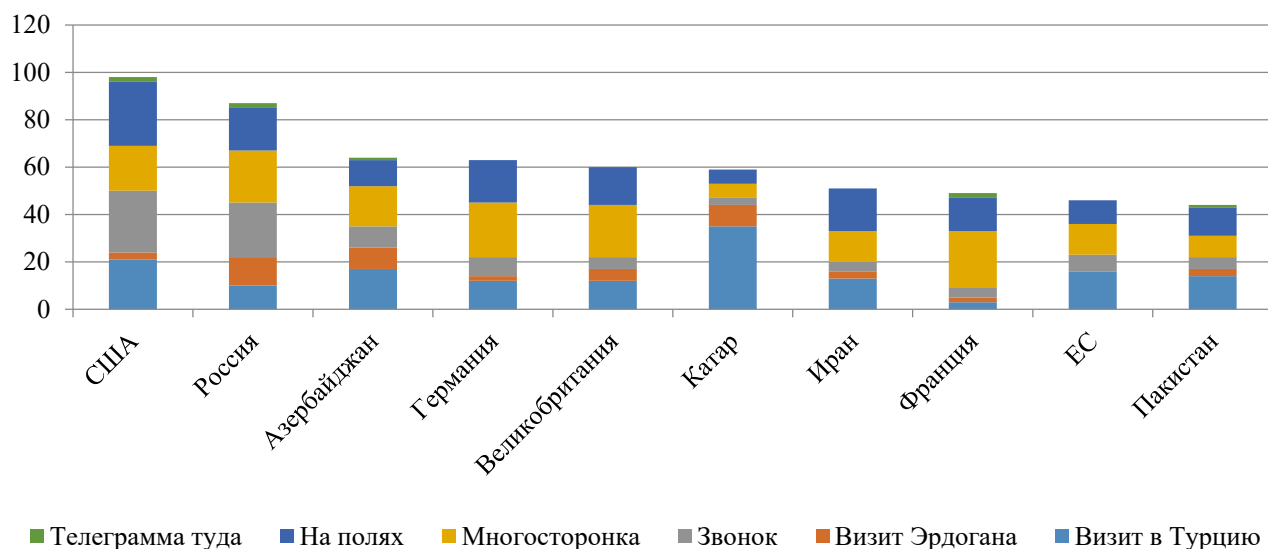

Рис. 1. Рейтинг из 10 стран по суммарному количеству контактов Р.Т. Эрдогана за 2014—2022 гг.

Источник: составлено авторами.

На третьем месте находится Азербайджан. Данное государство занимает особое место во внешней политике Турции, что выражается в формуле «Одна нация — два государства». С момента обретения независимости Азербайджаном Анкара и Баку прошли большой путь к унификации многих сфер государственной жизни и продолжают продвигать интеграцию «по-турецки» (Аватков, 2022, с. 95—96). Именно это и обуславливает высокое место Азербайджана в списке контактов Р.Т. Эрдогана.

Важно отметить наличие в рейтинге Евросоюза и входящих в него стран, а также Великобритании. Это демонстрирует сохраняющуюся важность европейского вектора для Турции. В первую очередь это обусловлено тем, что ЕС является главным торговым партнером Турции. Помимо этого, Анкара активно взаимодействует с европейскими странами по вопросам беженцев, разрешения конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке и т. д. (Baracani, 2021, pp. 45—86). Следует выделить отношения с Францией. Большая часть контактов с представителями этой страны приходится на многосторонние форматы и встречи на полях саммитов, при этом произведено лишь незначительное количество взаимных

визитов и звонков, что свидетельствует о незначительной роли Парижа во внешней политике Анкары.

Во второй десятке появляется также международная организация — ООН (рис. 2). Р.Т. Эрдоган часто в своих выступлениях указывает на неэффективность институтов глобального управления, в особенности ООН (Erdoğan, 2021, pp. 102—116). Однако в рамках своей глобальной политики Турция стремится стать одним из трансформаторов всей международной системы. Данный вектор политики лаконично выражен во фразе «Мир больше пяти», которая стала визитной карточкой публичных выступлений президента Турции. Анкара, с одной стороны, выступает за активное реформирование ООН, представляя свой взгляд на будущую архитектуру организации (Altun, 2022, pp. 101—139), а с другой — активно действует в рамках организации, взаимодействуя с различными институтами ООН, размещая в Стамбуле региональные центры агентств Организации⁴. Турция все же пытается занять лидирующую позицию в ООН.

⁴ Турция // Группа ООН по устойчивому развитию. URL: <https://unsdg.un.org/ru/un-in-action/turkey> (дата обращения: 23.03.2023).

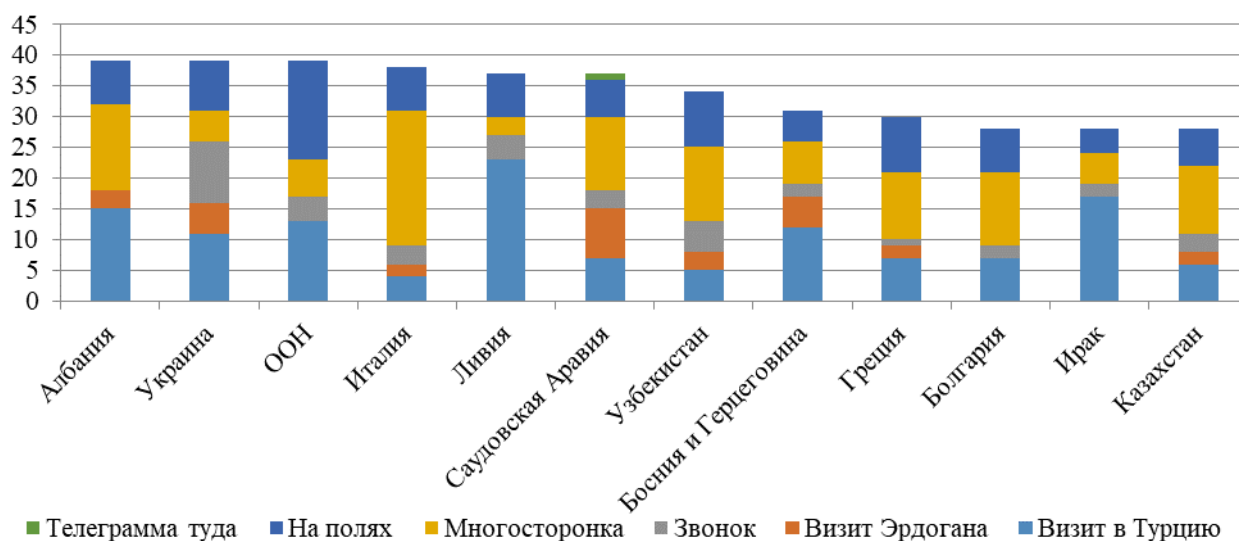

Рис. 2. Рейтинг стран по суммарному количеству контактов Р.Т. Эрдогана с 11-го по 20-е место, 2014—2022 гг.

Источник: составлено авторами.

На 12-м месте появляется Украина, отношения с которой Турция активно развивает во всех областях. Для Турции Украина является важным источником военных технологий и удобной площадкой для ведения бизнеса. Повышению количества контактов способствовало начало специальной военной операции (СВО) России и попытки Анкары взять на себя миротворческую функцию (Аватков, Гузаеров, 2022).

Как и в первой десятке, во второй десятке представлены страны Ближнего Востока и Северной Африки, Балкан и члены Европейского союза. Также в списке появилось две страны Центральной Азии — Узбекистан и Казахстан, которые демонстрируют важную роль тюркского вектора во внешней политике Турции (Иванова, 2019).

Количественный анализ качества внешнеполитических контактов

Рейтинги выше составлены на основе простого подхода — чем больше количество контактов, тем выше место той или иной страны. Данный подход обладает одним очевидным недостатком: каждый тип контакта равен другому. Например, пять двусторонних визитов будут равны пяти многосторонним встречам. Однако такой подход не в полной

мере демонстрирует реальную картину. Например, визит — это форма активности, в которой представители стран непосредственно взаимодействуют друг с другом, в то время как в ходе многосторонних встреч руководители государств просто присутствуют на одной площадке и имеют минимальное взаимодействие друг с другом.

Для того чтобы обойти данную проблему, авторами была введена характеристика контакта — вес. Таким образом в базе для каждого контакта были получены две числовые характеристики: количество каждого типа контакта по каждой стране и вес каждого типа контактов. Это позволяет найти среднее арифметическое взвешенное значение по каждой стране.

Среднее взвешенное отличается от среднего арифметического тем, что склоняется в сторону значений с большим весом, а среднее арифметическое склоняется в сторону значений, которые чаще встречаются, что может отражать неверную картину для исследования. Среднее арифметическое взвешенное будет колебаться в диапазоне 0,00—5,00.

Как видно на диаграмме (рис. 3), на первых трех местах расположились страны Ближнего Востока. Интересно также, что Катар, Пакистан и ЕС так и остались в первой

десятке стран, как это было в графике с общим числом контактов (см. рис. 1). Это значит, что, независимо от методики подсчета — по количеству или по среднему взвешенному, — эти страны и ЕС занимают особое место во внешнеполитическом планировании Р.Т. Эрдогана. Здесь же появляются «братский» Азербайджан, «союзная» Украина, Саудовская Аравия, примирение с которой необходимо Турции для получения инвестиций.

Часть стран (Узбекистан, Казахстан, Италия и др.) и ООН так и остались во второй десятке, но США и Россия теперь на 12-м и 14-м местах соответственно (рис. 4). Это связано с тем, что в структуре контактов Турции с США и Россией большой вес имеют встречи в рамках многосторонних форматов, которые внесли лепту в общее количество контактов. Подобная ситуация особо четко выражена в отношениях с Францией и Италией. Средневзвешенное число этих стран близко к 3,00, а значит, что большая часть контактов Р.Т. Эрдогана с представителями Франции и Италии сводилась к совместному присутствию на многосторонних встречах и

контактам на полях этих встреч, что нельзя назвать активной дипломатией.

Теперь сравним оба подхода по степени присутствия регионов в разных рейтингах. Независимо от метода подсчета Ближний Восток, Балканы, постсоветское пространство и Европа равномерно распределены в первой двадцатке. В каждом из четырех рейтингов присутствуют представители каждого региона (кроме первой десятки по количеству контактов, где отсутствуют Балканы (табл.1)).

Если разные подсчеты дают одинаковые результаты, то можно говорить о том, что результаты релевантные. Возможно, далее от 20-го места и ниже будут страны, сопоставимые с первой десяткой по среднему арифметическому взвешенному, однако в данных случаях число контактов будет невелико, а значит, отношения с этими странами не могут рассматриваться как активное направление во внешней политике. Можно сказать, что среднее арифметическое взвешенное — это с некоторым приближением интенсивное измерение дипломатической активности, а простая сумма контактов — это ее экстенсивное выражение.

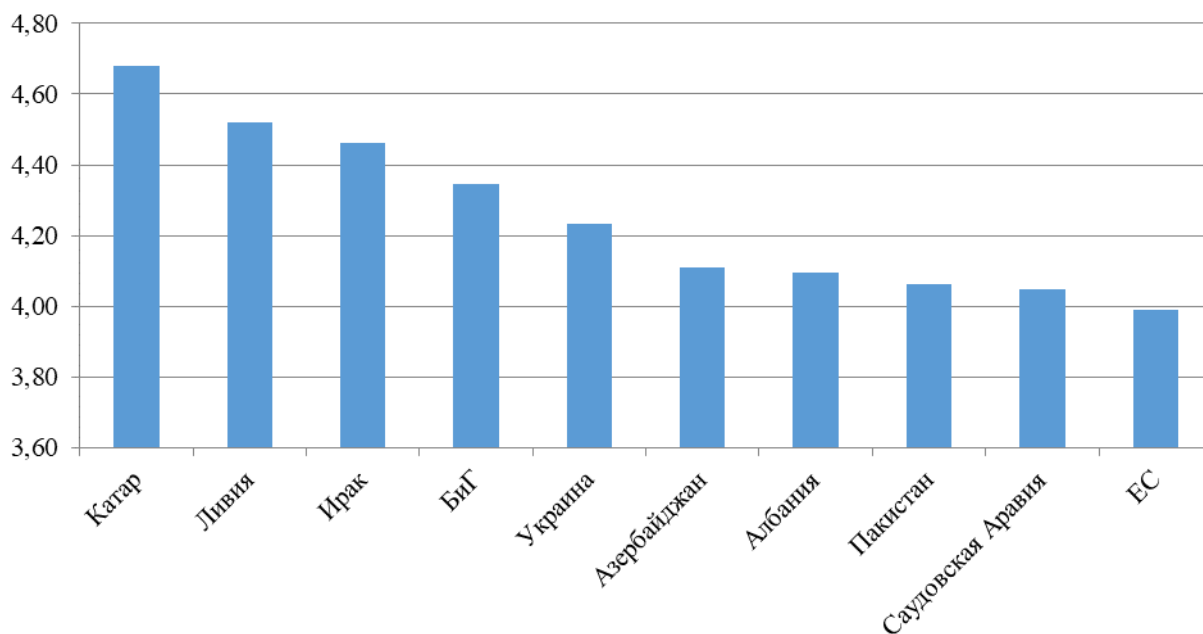

Рис. 3. Рейтинг 10 стран по среднему взвешенному числу контактов Р.Т. Эрдогана за 2014—2022 гг.

Источник: составлено авторами.

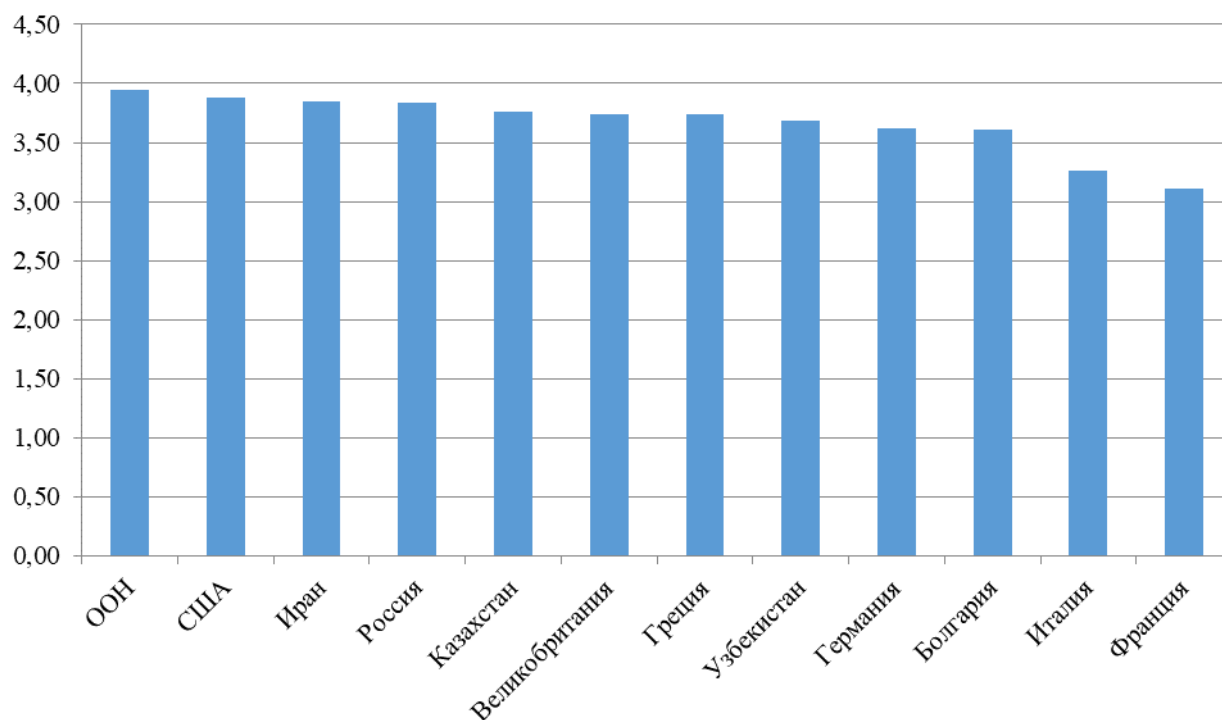

Рис. 4. Рейтинг стран по среднему взвешенному числу контактов Р.Т. Эрдогана с 11-го по 20-е место, 2014—2022 гг.

Источник: составлено авторами.

Таблица 1

Сравнение рейтингов

Рейтинг стран по суммарному количеству контактов Р.Т. Эрдогана	Рейтинг стран по среднему взвешенному числу контактов Р.Т. Эрдогана
1. США	1. Катар
2. Россия	2. Ливия
3. Азербайджан	3. Ирак
4. Германия	4. Босния и Герцеговина (БиГ)
5. Великобритания	5. Украина
6. Катар	6. Азербайджан
7. Иран	7. Албания
8. Франция	8. Пакистан
9. ЕС	9. Саудовская Аравия
10. Пакистан	10. ЕС
11. Албания	11. ООН
12. Украина	12. США
13. ООН	13. Иран
14. Италия	14. Россия
15. Ливия	15. Казахстан
16. Саудовская Аравия	16. Великобритания
17. Узбекистан	17. Греция
18. Босния и Герцеговина (БиГ)	18. Узбекистан
19. Греция	19. Германия
20. Болгария	20. Болгария
21. Ирак	21. Италия
22. Казахстан	22. Франция

Источник: составлено авторами.

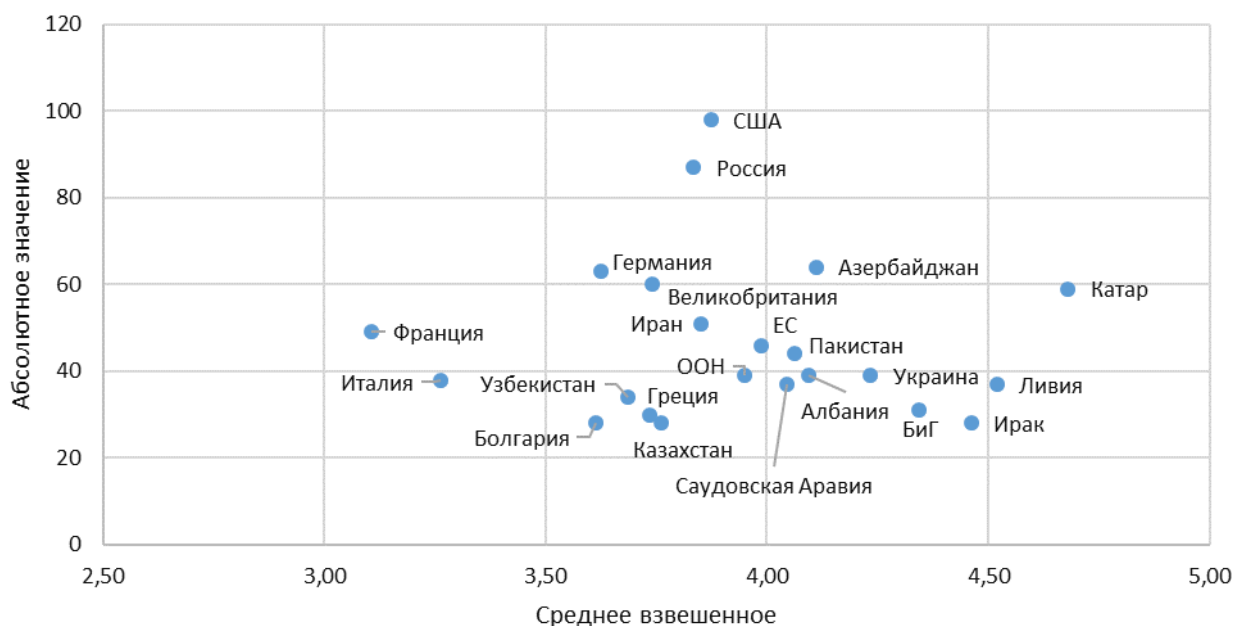

Рис. 5. Сводная точечная диаграмма рейтингов стран с 1-го по 20-е место по количеству и среднему взвешенному
 Источник: составлено авторами.

Приведенная выше часть анализа по вычислению среднего может показаться излишеством. Однако среднее взвешенное дает еще один уровень оценки и измерения дипломатической активности (рис. 5). На этом рисунке отчетливо видно, насколько отличается внешнеполитическое взаимодействие между Турцией и Германией, с одной стороны, и Турцией и Катаром — с другой. У Катара и Германии количество контактов отличается незначительно, и на основе этого можно было бы говорить о близости стран для Р.Т. Эрдогана. Однако ввод средней взвешенной показывает, насколько более интенсивно происходит взаимодействие Турции и Катара, нежели Турции и Германии. В то же время ООН и ЕС стоят близко друг к другу как по количеству, так и по среднему взвешенному, что демонстрирует одинаковую важность данных институций для Р.Т. Эрдогана.

Рис. 5 позволяет довольно точно разбить первые двадцать стран на основе дипломатического стиля.

Первая группа — это страны и организации, расположенные левее 4,00 по горизонтали, дипломатическая активность с которыми не такая высокая. Вторая — государства,

расположенные правее этой линии, дипломатические отношения с которыми проходят более активно. На данной диаграмме вырисовывается довольно интересная картина. С США и Россией контакты самые многочисленные, но по качеству они равны контактам с Ираном. Страны-лидеры по качеству контактов (Катар, Ливия, Ирак) имеют не самые многочисленные контакты с Турцией.

Это дает понимание того, что как бы Р.Т. Эрдоган ни заявлял о своих претензиях на глобальность и более значимую роль Турции в системе международных отношений, активная дипломатия президента Турции проходит в первую очередь на региональном уровне, а именно в Южном Кавказе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Балканах, а также на Украине. То есть больше активности Турция проявляет именно в соседних странах и регионах. А. Давутоглу в своем фундаментальном труде «Стратегическая глубина» называл эту географию «близким континентальным бассейном» и призывал вести активную внешнюю политику, направленную на увеличение влияния Турции именно в нем (Davutoğlu, 2010, pp. 183—221).

Внутристрановые векторы внешней политики Р.Т. Эрдогана и дипломатия «второго трека»

В процессе сбора базы было замечено, что кроме встреч с главами государств, министрами и иными официальными лицами Р.Т. Эрдоган также активно взаимодействует с представителями региональных властей различных стран, лидерами политических партий и движений, некоммерческими организациями (НКО) и академическим сообществом. Несмотря на малое количество контактов, эти данные интересны с точки зрения изучения дипломатии «второго трека» Р.Т. Эрдогана. Столь активное взаимодействие с официальными представителями Иракского Курдистана очевидно (рис. 6). Продолжающийся конфликт между Турцией и Рабочей партией Курдистана (РПК) вынуждает Анкару взаимодействовать с другими курдскими силами в регионе, чтобы лишить РПК возможности сотрудничать с ними. Более того, Турцию и Иракский Курдистан связывают тесные экономические отношения: в частности, стороны активно взаимодействуют в вопросе поставок нефти (Pusane, 2020, p. 3).

Германия находится на 4-м месте по частоте политических контактов Турции. Северный Рейн-Вестфалия — один из самых экономически развитых регионов Германии и федеральная земля с самой многочисленной турецкой общиной, что и определяет интерес Турции. Подобная ситуация наблюдается и в отношениях с Россией. Р.Т. Эрдоган провел ряд личных встреч с Раисом Республики Татарстан. Связано это в первую очередь с активной деятельностью руководства Татарстана на международной арене и в международных организациях, что вносит большой вклад в российскую дипломатию, особенно на фоне жесткого санкционного давления на страну (Насыров, 2022, с. 95—96). К тому же Турцию и Республику Татарстан связывают экономические отношения. Только в особой экономической зоне (ОЭЗ) «Алабуга» на данный момент функционирует 6 турецких предприятий⁵.

⁵ Резиденты // Alabuga. URL: <https://alabuga.ru/ru/residents/> (дата обращения: 24.03.2023).

Остальные регионы связаны с тюркским вектором внешней политики Турции. Гагаузы, будучи тюркским народом, тяготеют к активному сотрудничеству с Турцией (Цибенко, 2022, с. 91). Турция, в свою очередь, стремясь к формированию собственной подсистемы международных отношений, поддерживает контакты не только с тюркскими государствами, но и с отдельными тюркскими народами, населяющими другие страны. Подобное применительно и к отношениям с Татарстаном, чья позиция и экономическая сила в рамках федерации могла бы стать проводником турецких интересов в России. Однако возможности для реализации последних у Турции сильно сократились, а руководство Татарстана больше сконцентрировано на экономическом сотрудничестве.

Представленный на рис. 6 Санджак является историческим регионом Сербии, где проживает преимущественно мусульманское население. Сотрудничество с мусульманским населением характерно для Турции в его попытках стать лидером мусульманского мира (Долгов, 2021, с. 152). Для этого применяется активная дипломатия, в том числе с малыми представителями религиозных общин для создания образа защитника и поборника «мира ислама».

Р.Т. Эрдоган активно проводит дипломатию «второго трека», взаимодействуя с религиозными, академическими и этническими группами (рис. 7). Все отображенные на рисунке контрагенты не являются официальными лицами или делегациями, но они представляют интересы той или иной религиозной, политической, академической или этнической группы у себя в стране. Однако на сайте президента Турции не всегда раскрываются личности и конкретные должности лиц, с которыми он встречается, что затрудняет анализ целей и задач данных встреч. Данные, отображенные на рис. 7, могут стать основой для более глубокого исследования внешней политики Р.Т. Эрдогана методами кейс-стади.

Все представленные выше организации и встречи можно разделить на несколько групп.

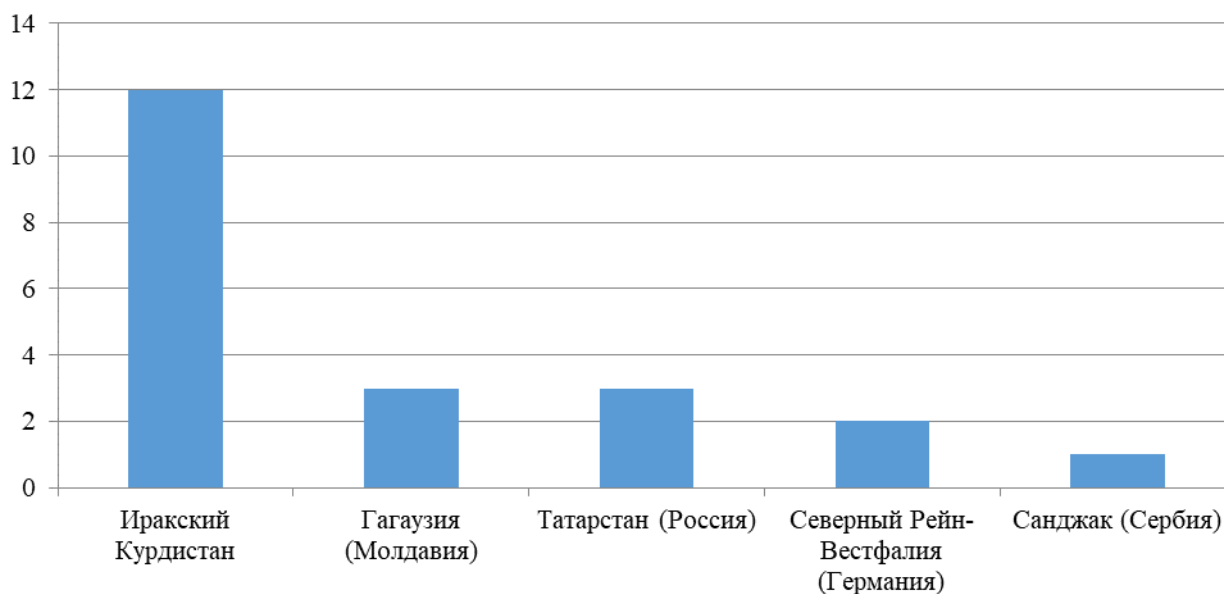

Рис. 6. Внутространовые векторы внешней политики Р.Т. Эрдогана

Источник: составлено авторами.

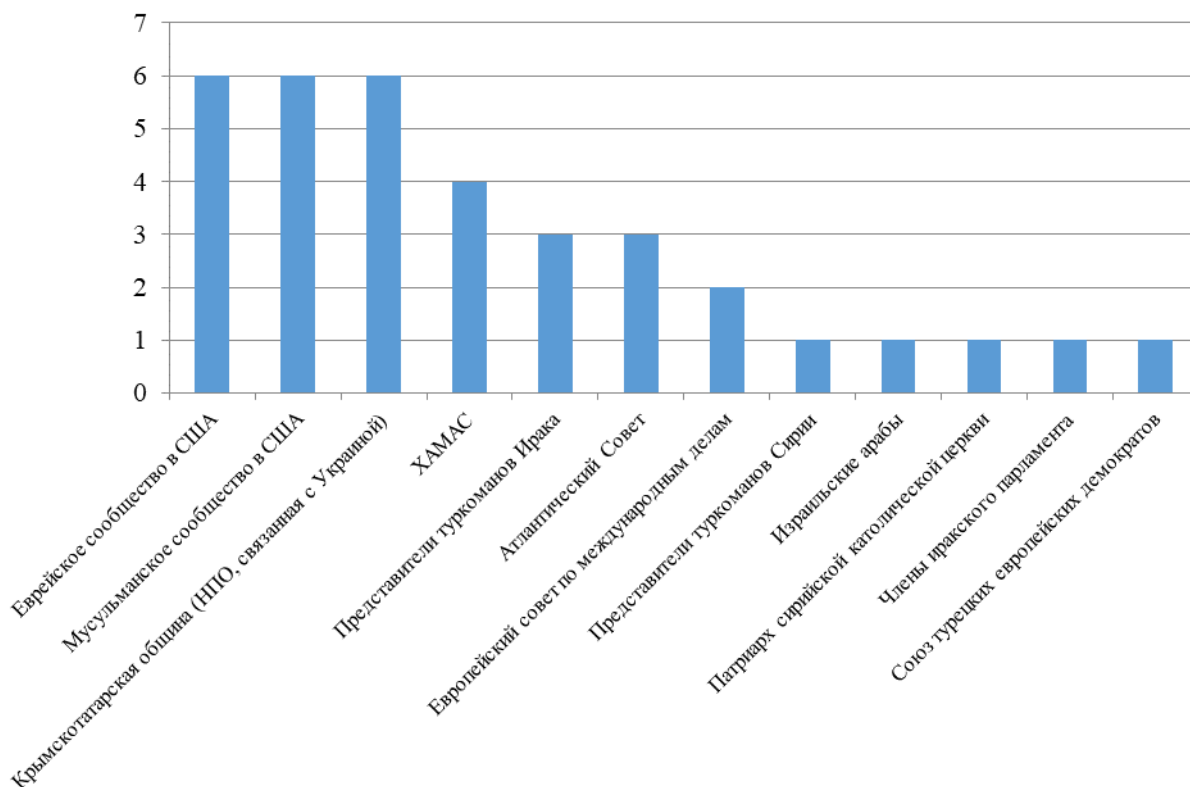

Рис. 7. Иные контакты Р.Т. Эрдогана

Источник: составлено авторами.

Во-первых, Р.Т. Эрдоган взаимодействует с представителями религиозных организаций (встречи с евреями и мусульманами в США и католиками из Сирии).

Во-вторых, президент Турции встречается с представителями национальных меньшинств государств (крымские татары, туркмены в Ираке и Сирии, арабы в Израиле).

В-третьих, установлены контакты с НКО, общественными организациями и политическими движениями (боснийские НКО, палестинское движение ХАМАС и Совет европейских турецких демократов), а также с академическими кругами, аналитическими центрами (Атлантический совет⁶ и Европейский Совет по международным делам).

Анализ взаимодействия с внешнеэкономическими акторами подтвердил правильность выделенных векторов во внешней политике в предыдущем разделе статьи. Здесь присутствуют только акторы из США, Европы, постсоветского пространства, Балкан и Ближнего Востока. Дипломатия «второго трека» начинает выступать дополнением к официальной политике. Данный подход открывает возможности для неформальных контактов руководства страны с религиозными, академическими элитами иностранных государств, что позволяет лучше понимать ситуацию за рубежом для принятия политических решений⁷.

Турция активно прорабатывает возможность лоббирования своих интересов в этих странах, с чем и связана такая активность контактов с данными акторами. Сближаясь на основе этнической, культурной, религиозной и идейной общности, Турция устанавливает контакты с указанными организациями. Их важность в политической жизни Турции демонстрируют непосредственные встречи Р.Т. Эрдогана, что подтверждает особый интерес Анкары к развитию тесных контактов с подобными группами.

Заключение

Количественный анализ визитов, встреч и телефонных разговоров в период президентства Р.Т. Эрдогана позволил выделить 5

главных векторов, в рамках которых внешняя политика Турции развивается наиболее активно:

- 1) глобальный (4 из 5 стран Совета Безопасности ООН и ООН);
- 2) европейский (ЕС, Великобритания, Франция, Германия и Италия);
- 3) постсоветский (Россия, Азербайджан, Украина, Узбекистан и Казахстан);
- 4) балканский (Албания, Босния и Герцеговина, Греция и Болгария);
- 5) ближневосточный (Катар, Иран, Пакистан, Ирак, Ливия и Саудовская Аравия).

Отметим, что каждый вектор охватывает весь регион целиком. Германия, Франция и Италия — это локомотивы ЕС, а Великобритания — важный политический игрок в Евро-Атлантическом регионе. В постсоветском векторе отражены все три субрегиона: Южный Кавказ, Восточная Европа и Центральная Азия. В балканском векторе присутствуют страны из южной, восточной и западной частей полуострова. Ближневосточный вектор представлен Магрибом, странами Персидского залива и Западной Азии. Глобальный — охватывает главную международную организацию — это ООН и 4 из 5 стран Совбеза ООН (за исключением Китая). Более того, президент Турции проводит также активную дипломатию «второго трека» по этим же направлениям, активно взаимодействуя с местными академическими, политическими, общественными и региональными элитами.

Меньшее внимание уделяется Юго-Восточной и Восточной Азии, Африке (за исключением Северной Африки) и Южной Америке. Слабо просматривается средиземноморский вектор внешней политики Турции, где наблюдаются активные контакты только с Грецией, поводом для которых больше служат территориальные претензии и совместное участие в многосторонних встречах, а также с Ливией, поскольку Турция является активным участником ливийского конфликта. Также не выражен черноморский вектор в лице Грузии и Румынии.

Применяемый в исследовании количественный метод, главной основой для которого выступает политическая активность

⁶ Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

⁷ Месут Озджан: Турция и Россия могут содействовать формированию эффективных механизмов безопасности на Ближнем Востоке // Российский совет по международным делам. 31.10.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mesut-ozdhan-turtsiya-i-rossiya-mogut-sodeystvovat-formirovaniyu-effektivnykh-mekhanizmov-bezopasno/> (дата обращения: 28.03.2023).

президента Р.Т. Эрдогана, позволяет четко проследить основную географию его личной дипломатии. Количество регионов и качество контактов как с отдельными странами, так и с их неофициальными представителями демонстрируют основные направления многовекторности Турции. При этом анализ именно на основе количественных методов позволяет избежать стереотипного, идеологизированного взгляда. Данные подобного исследования легко верифицируются, поддаются количественной сравнительной оценке.

Использованный в данном исследовании метод ивент-анализа имеет свои преимущества и недостатки, присущие другим количественным методам. Отметим, что база не исчерпала себя в этой работе и может применяться в других исследованиях, а также дополняться с течением времени. Метод позволяет выявить закономерности, которые не могут быть найдены описательными, историческими или качественными методами.

Поступила в редакцию / Received: 12.03.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 25.10.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12, № 4. С. 113—129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
- Аватков В. А. Турция и Азербайджан: одна нация — одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 2. С. 90—100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>
- Аватков В. А., Гузаеров Р. И. Двусторонние отношения Украины и Турции при президенте В. Зеленском // Россия и новые государства Евразии. 2022. Т. 57, № 4. С. 35—49. <http://dx.doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-35-49>
- Аватков В. А., Сбитнева А. И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль. 2020. № 2. С. 115—128.
- Бадрутдинова К. Р., Дегтерев Д. А., Степанова А. А. Отношения в треугольнике США — РФ — КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 1. С. 81—109. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-01-81>
- Графов Д. Б. Стратегия балансирования во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 3. С. 115—142. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142>
- Гулиев О. Э. Многовекторная внешняя политика Турции в контексте ближневосточных политических процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1. С. 118—127.
- Дегтерев Д. А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. Москва : Российский университет дружбы народов, 2019.
- Долгов Б. В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 3. С. 147—160. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-8>
- Дружиловский С. Б. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2010. Т. 10, № 1. С. 166—176. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-166-176>
- Иванова И. И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 39—47. <https://doi.org/10.31857/S032150750005567-5>
- Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 91—107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
- Майорова М. А. Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 3. С. 69—83. <https://doi.org/10.31249/kg/2022.03.04>
- Надеин-Раевский В. А. Р. Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 138—154. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>

- Надеин-Раевский В. А.* Турция: от идеологических доктрин к экспансии // Год планеты: экономика, политика, безопасность / отв. ред. Э. Г. Соловьев. Москва : Идея пресс, 2021. С. 266—278.
- Насыров И. Р.* Сотрудничество российских регионов с международными организациями: форматы и возможности на примере Республики Татарстан // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 3. С. 84—101. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.03.05>
- Цибенко В. В.* Трансформация идентичности в культурном пограничье: пример турецкого влияния на гагаузов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2022. Т. 42, № 1 (105). С. 86—94.
- Altun F.* Küresel Belirsizlik Çağında İstikrarlaştırıcı Güç Türkiye. İstanbul : Paradigma, 2022.
- Aras B.* The Crisis and Change in Turkish Foreign Policy after July 15 // Alternatives: Global, Local, Political. 2019. Vol. 44, no. 1. P. 6—18. <https://doi.org/10.1177/0304375419837415>
- Ataç C. A.* Pax Ottomanica No More! The “Peace” Discourse in Turkish Foreign Policy in the Post-Davutoğlu Era and the Prolonged Syrian Crisis // Digest of Middle East Studies. 2019. Vol. 28, no. 1. P. 48—69. <https://doi.org/10.1111/dome.12152>
- Balci A.* Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler, Uygulamalar. İstanbul : Etkileşim Yayınları, 2013.
- Baracani E.* EU — Turkey Relations: A New Direction for EU Foreign Policy? Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2021.
- Çakır A. A., Akdağ G. A.* An Empirical Analysis of the Change in Turkish Foreign Policy under the AKP Government // Turkish Studies. 2017. Vol. 18, no. 2. P. 334—357. <https://doi.org/10.1080/14683849.2016.1261021>
- Çevik S. B.* Reassessing Turkey’s Soft Power: The Rules of Attraction // Alternatives. 2019. Vol. 44, no. 1. P. 50—71. <https://doi.org/10.1177/0304375419853751>
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik. Türkiye’nin Uluslararası Konumu. İstanbul : Küre Yayınları, 2010.
- Erdoğan R. T.* Daha Adil Bir Dünya Mümkün. İstanbul : Turkuvaz kitap, 2021.
- Goldstein J. A.* Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data // Journal of Conflict Resolution. 1992. Vol. 36, no. 2. P. 369—385. <https://doi.org/10.1177/0022002792036002007>
- Haugom L.* Turkish Foreign Policy Under Erdogan: A Change in International Orientation? // Comparative Strategy. 2019. Vol. 38, no. 3. P. 206—223. <https://doi.org/10.1080/01495933.2019.1606662>
- Kiraz S.* Dış Politika Analizi Modeli Olarak Neoklasik Realizm: İkinci Dünya Savaşı Sırasındaki Türk Dış Politikasının Analizi // İİBF Dergisi. 2018. Vol. 2, no. 20. P. 417—440.
- Pusane Ö. K.* The Role of Context in Desecuritization: Turkish Foreign Policy Towards Northern Iraq (2008—2017) // Turkish Studies. 2020. Vol. 21, no. 3. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/14683849.2019.1675047>
- Taş H.* Erdoğan and the Muslim Brotherhood: An Outside-in Approach to Turkish Foreign Policy in the Middle East // Turkish Studies. 2022. Vol. 23, no. 5. P. 722—742. <https://doi.org/10.1080/14683849.2022.2085096>
- Yavuz M. H.* Nostalgia for the Empire: The Politics of Neo-Ottomanism. New York : Oxford University Press, 2020.

Сведения об авторах:

Вохминцев Игорь Вадимович — магистрант, НИУ ВШЭ; ORCID: 0000-0003-0607-6885; e-mail: igor.nk.ru@gmail.com

Гузаеров Разиль Илиатович — младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-0006-9975; e-mail: guzaerov99@bk.ru

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-704-718

EDN: PHNSMI

Научная статья / Research article

Турецко-израильские отношения: партнерство, проблемы, перспективы

М.А. Шпаковская , О.В. Барнашов , А.К. Малаховский , В.А. Данилов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shpakovskaya-ma@rudn.ru

Аннотация. Турецко-израильские отношения начиная со второй половины XX в. носили неравномерный и нестабильный характер. На специфику этих отношений во многом влияла политическая турбулентность на разрываемом конфликтами Ближнем Востоке. Выявляются закономерности развития двустороннего взаимодействия с момента признания Турцией Государства Израиль. В XXI в. отношения между двумя странами неоднократно то тяготели к нормализации, то доходили до взаимной неприязни, что приводило к переходам от конфронтации к сближению позиций сторон. Кроме того, события 2010 г. (инцидент с «Флотилией Свободы») и 2017 г. (провозглашение Вашингтоном Иерусалима столицей Израиля) привели в итоге к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. Новый виток стабилизации можно отметить после посещения Анкары президентом Израиля И. Герцогом по приглашению Р. Эрдогана в марте 2022 г. Авторы видят в этом шаге начало процесса по поиску договоренностей в направлении выхода турецко-израильского взаимодействия из кризисного состояния. С помощью конкретно-исторического метода анализируются политические проблемы в сотрудничестве между Анкарой и Тель-Авивом, а также рассматривается влияние на него таких факторов, как арабо-израильский конфликт, иранская ядерная программа, последствия событий «арабской весны», внешнеполитическая активность демократической и республиканской администраций США в Ближневосточном регионе, а также кризисная ситуация, сложившаяся вокруг статуса Иерусалима. Отмечается, что, несмотря на прагматизм внешнеполитического курса Турции, любое напряжение в палестинском вопросе будет ощутимо для Турции и Израиля и способно породить между ними новый виток конфликта. Авторы приходят к выводу о неустойчивом характере турецко-израильских отношений, которые зависят во многом как от конкретных внешнеполитических интересов обеих стран, так и от складывающейся политической конъюнктуры Ближневосточного региона. При этом очевидно, что нормализация турецко-израильского взаимодействия является положительным фактором для активизации процессов интеграции Ближневосточного региона в целом.

Ключевые слова: Израиль, Турция, Иерусалим, интеграция Ближневосточного региона

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Шпаковская М.А., Барнашов О.В., Малаховский А.К., Данилов В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шпаковская М. А., Барнашов О. В., Малаховский А. К., Данилов В. А. Турецко-израильские отношения: партнерство, проблемы, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 704—718. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-704-718>

Turkish-Israeli Relations: Partnership, Problems, Perspectives

Marina A. Shakovskaya , Oleg V. Barnashov ,
Alexey K. Malakhovsky , Vitaly A. Danilov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

shpakovskaya-ma@rudn.ru

Abstract. Since the second half of the 20th century the Turkish-Israeli relations have developed in an uneven and unstable manner. Depending on the current situation in the conflict-torn Middle East, these relations tended to normalize, or descended into mutual hostility. During the 21st century, we could observe several rounds of confrontation and cooperation between the two states. Thus, the events of 2010 (the Freedom Flotilla incident) and 2017 (the transfer of the capital of Israel to Jerusalem) finally led to a rupture in relations between the two countries. A new round of stabilization has been marked since March 2022 and is associated with the visit of the President of Israel to Ankara at the invitation of the Turkish President R.T. Erdogan. The authors of the article see this step as the beginning of the process of finding agreements on achieving stability in relations between the countries of the Middle East region. The article attempts to analyze the evolution of the modern Turkish-Israeli cooperation, taking into account the patterns of their development since Türkiye has recognized the state of Israel. Using a comparative historical approach, the authors analyze the political problems of the modern bilateral relations, and consider the impact of such factors as the Arab-Israeli conflict, the Iranian nuclear program, the consequences of the “Arab Spring,” the foreign policy activities of the US Democratic and Republican administrations in the Middle East region, as well as the crisis over the status of Jerusalem. The authors underline that despite the pragmatic character of Türkiye’s foreign policy, any tension caused by the Palestinian issue will have an impact on Turkish-Israeli relations, which in turn might start a new round of conflict between the two sides. The authors have concluded that Turkish-Israeli relations are characterized by instability, which depends largely on the current balance of power in the Middle East region. It is obvious that the normalization of Turkish-Israeli interaction is a positive factor for the intensification of integration processes in the Middle East region as a whole.

Key words: Israel, Türkiye, Jerusalem, Middle East integration

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Shpakovskaya, M. A., Barnashov, O. V., Malakhovsky, A. K., & Danilov, V. A. (2023). Turkish-Israeli relations: Partnership, problems, perspectives. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 704—718. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-704-718>

Введение

На протяжении более семи десятилетий с момента образования Государства Израиль (14 мая 1948 г.) отношения этой страны с Турецкой Республикой претерпели серьезную эволюцию. Турция стала первым государством мусульманского мира, которое на официальном уровне признало вновь образованное Государство Израиль, установив с ним дипломатические отношения 28 марта

1949 г.¹ Израилю в той ситуации было крайне важно приобрести в регионе надежных союзников, особенно не относящихся к арабской части мусульманского мира, что являлось важным составным элементом региональной политики страны, которая получила название

¹ Timeline of Turkish-Israeli Relations, 1949—2006 // Internet Archive Wayback Machine. URL: <https://web.archive.org/web/20090319134207/http://www.washingtoninstitute.org/documents/44edf1a5d337f.pdf> (accessed: 14.11.2022).

«периферийной стратегии» (Сулейманов, 2014, с. 165).

С момента установления дипломатических отношений оба государства преследовали схожие внешнеполитические цели и задачи: противостояние потенциальной военно-политической угрозе со стороны таких стран, как Ирак, Иран и Сирия (Корочкина, 2020, с. 218). Также важным фактором турецко-израильских отношений было взаимодействие двух стран с США по вопросам глобальной повестки и идеологического противодействия Советскому Союзу (Шувалова, 2014). С течением времени общность ряда внешнеполитических интересов предопределила развитие союзнических отношений двух стран, превратив их в ключевых акторов ближневосточной политики.

Однако проблемы в союзнических отношениях возникали, когда речь заходила о спорных вопросах региональной повестки (Aviv, 2022, pp. 696—699). Турция всегда поддерживала страны арабского мира при обсуждении острой палестинской проблемы. Израиль, в свою очередь, оказывал содействие Рабочей партии Курдистана, не признавая ее террористической организацией (Глазова, 2012, с. 50), на чем настаивала и настаивает Турция.

Целью статьи является изучение эволюции взаимоотношений Турции и Израиля в новых геополитических условиях наступившего тысячелетия. По мнению авторов, лидирующая роль в этом процессе принадлежала Турции, точнее — главе правящей Партии справедливости и развития (ПСР) Р.Т. Эрдогану.

Для достижения указанной цели в настоящем исследовании решаются следующие задачи:

— рассмотрение турецко-израильских отношений в период «арабской весны»;

— анализ фактора США в турецко-израильских отношениях, поскольку в процессе реформирования геополитической карты Ближнего Востока США играют одну из ключевых ролей.

Объектом исследования является эволюция отношений между Турцией и Израилем

на современном этапе. Предметом исследования являются факторы, способствующие, с одной стороны, усилению конфликтного потенциала турецко-израильских отношений, а с другой — их нормализации.

Для понимания турецко-израильских отношений на современном этапе нельзя обойтись без их исторического анализа. Рассмотрение обозначенного объекта исследования начинается с периода «арабской весны», события которой внесли свои коррективы в развитие Ближневосточного региона на последующий период. Следовательно, основным методом исследования является конкретно-исторический, позволивший авторам изучить исторические закономерности развития двусторонних отношений с учетом их стадийной эволюции. Авторы статьи основываются на внешнеполитических документах Турции, Израиля и США, в частности материалах МИД Турции и Израиля, архивных документах, связанных с палестинско-израильским конфликтом, заявлениях бывшего президента США Д. Трампа о статусе Иерусалима, а также резолюциях ООН и других международных организаций.

Проанализированная историографическая база по теме является весьма репрезентативной. В публикациях В.А. Аваткова (Аватков, 2021; Аватков, Сбитнева, 2022), П.А. Гудева (Гудев, 2021), И.И. Ивановой (Иванова, 2019а; 2019b), П.В. Шлыкова (Шлыков, 2021), М.А. Шпаковской и О.В. Барнашова (Шпаковская, Барнашов, 2018) рассмотрена трансформация внешнеполитического курса Турции в рамках современной системы международных отношений и ключевых геополитических процессов XXI в.

Специфика турецко-израильских отношений в разные периоды их истории рассматривается в работах С.М. Гасратян (Гасратян, 2016), А.В. Сулейманова (Сулейманов, 2014), А.В. Глазовой (Глазова, 2012), к исследованиям которых авторы статьи обращались при изучении противоречивых процессов в отношениях между двумя странами. В статьях И.В. Рыжова (Рыжов, 2020; Ермаков, Рыжов, 2018) внимание акцентируется на вопросах взаимоотношений Израиля с мусульманским

миром, при этом в центр анализа ставится до сих пор не разрешенная палестинская проблема. Исследователи Е.С. Васецова (Васецова, 2018), В.А. Кузьмин (Кузьмин, Николаев, 2019), А.В. Крылов (Крылов, Федорченко, Шуминов, 2020) подчеркивают значение статуса Иерусалима в международно-правовом и политическом контекстах. Важную роль в историографической базе по исследуемой проблематике занимает монография Т.А. Карасовой (Карасова, 2015), системно представляющая основные этапы становления стратегического партнерства Израиля и США. С позиций указанных в ней аналитических установок авторы данной статьи рассматривают фактор США в турецко-израильских отношениях.

Необходимо также отметить наличие целого ряда недавно вышедших научных исследований (Aran & Yishayahu, 2022; Aviv, 2022; Gunter, 2022; Yavuz, 2019) и аналитических материалов² зарубежных авторов по исследуемой теме. С точки зрения освещения отдельных этапов современной истории турецко-израильских отношений интерес представляют также работы Ш. Эфрона³, Э. Элрона (Elron, 2017), Э.Л. Йорума (Jörum, 2017), К.Б. Каната (Kanat & Hannon, 2017) и Т. Огузлу (Oğuzlu, 2010).

Краткий обзор источников и литературы позволяет прийти к заключению, что с нормализацией турецко-израильских отношений за последний год наметились предпосылки для процессов интеграции Ближневосточного региона в целом.

² См.: Cook S.A. How Israel and Turkey Benefit from Restoring Relations // Council on Foreign Relations. August 23, 2022. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/how-israel-and-turkey-benefit-restoring-relations> (accessed: 30.11.2022); Goren N. Israel — Turkey Relations Are Not Only About Erdogan and Netanyahu // Friedrich Naumann Foundation. February 21, 2021. URL: <https://www.freiheit.org/israel-and-palestinian-territories/israel-turkey-relations-are-not-only-about-erdogan-and-netanyahu> (accessed: 30.11.2022).

³ Efron Sh. The Future of Israeli-Turkish Relations. Santa-Monica, CA : RAND Corporation, 2018. 55 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2445.html (accessed: 30.11.2022).

Турецко-израильские отношения и «арабская весна»

Арабо-израильский конфликт является одним из ключевых факторов нестабильности на Ближнем Востоке. В 1967 г. в ходе Шестидневной войны, которая продолжалась с 5 по 10 июня, Турция высказалась против действий Израиля, поддержав ближневосточные страны, которые стали участницами военных действий, — Сирию, Ирак, Алжир, Египет и Иорданию (Mohammad & Bali, 2017, pp. 90—101). При этом ближневосточные страны рассматривались Турцией как ключевой вектор ее внешней политики (Köroğlu, 2018, pp. 309—310).

По итогам войны Израилю удалось в считанные дни одержать победу, захватив ряд территорий, включая Голанские высоты, Синайский полуостров, Сектор Газа, Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим⁴, что изменило геополитический баланс на Ближнем Востоке.

Начиная со второй половины 1980-х и до начала 2000-х гг. наблюдается тенденция укрепления турецко-израильских отношений. В этот период Турция позиционирует себя как последовательный и верный союзник США, поддерживая их внешнеполитические акции, в частности операцию «Буря в пустыне», открытие турецкой границы для ввода американских войск на территорию Северного Ирака в 1991 г.⁵, с которым она прежде разорвала торговые отношения. Именно проамериканская ориентация Турции в этот период способствовала ее сближению с Израилем.

⁴ Memorandum for the Secretary of Defense from the Joint Chiefs of Staff (JCSM-373-67), on 29 June 1967 // Camera. June 29, 1967. URL: <https://www.sixdaywar.org/resources-documents-photos-and-video/documents-and-statements/#memorandum> (accessed: 13.12.2022).

⁵ В марте 2003 г., в отличие от 1991 г. после решения США вторгнуться в Ирак, турецкий парламент проголосовал против предоставления американским войскам возможности использовать с этой целью территорию Турции. В это время Турция уже не следовала политике беспрекословного подчинения США и НАТО и открыто заявляла о своих претензиях на роль регионального лидера.

Формирование доверительных отношений между двумя государствами в 80—90-е гг. XX в. сопровождалось развитием двустороннего военно-политического сотрудничества. Израиль видел в Турции надежного союзника в противостоянии с такими государствами Ближневосточного региона, как Сирия, Ливан и Палестинская администрация. США также были заинтересованы в турецко-израильском сближении, что способствовало бы расширению и укреплению сферы влияния НАТО в регионе.

С началом нового столетия начался новый этап в развитии турецко-израильских отношений. В ноябре 2002 г. ПСР одержала победу на парламентских выборах в Турции. Придя к власти, лидер партии Р.Т. Эрдоган анонсировал корректировку внешнеполитического курса Турции в сторону более активного развития отношений со странами Ближнего Востока и монархиями Персидского залива⁶. Суть новой внешнеполитической концепции была сформулирована в доктрине «Ноль проблем с соседями», принятой МИД Турции в 2008 г. Анкара поставила цель устранить все проблемы в своих отношениях с соседями, решить свои внутренние проблемы, обеспечить успешное развитие экономики и повысить свой геополитический статус. Столь амбициозные и сложно реализуемые планы Турция, тем не менее, пытается воплотить в жизнь. Внешняя политика Турции при Р.Т. Эрдогане, пронизанная духом популизма и нацеленная на утверждение роли страны в качестве мировой державы, начинает приобретать все более самостоятельный характер (Аватков, 2021, с. 544). На Ближнем Востоке Турция нормализует отношения со своими бывшими оппонентами — Сирией и Ираном, декларирует и осуществляет поддержку палестинцев, включая установление тесных отношений с ХАМАС, предпринимает шаги, направленные на осуществление экономической интеграции стран региона при ведущей

⁶ Efron Sh. The Future of Israeli-Turkish Relations. Santa-Monica, CA : RAND Corporation, 2018. 55 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2445.html (accessed: 30.11.2022).

роли Турецкой Республики, позиционирующей себя в качестве выразителя общих интересов государств Ближнего Востока (Шлыков, 2021, с. 140). Все это соответствовало планам Турции по нивелированию противоречий с соседними государствами и было заложено в программных документах Партии справедливости и развития.

Активизация ближневосточной политики Турции грозила Израилю осложнением уже устоявшихся двусторонних отношений. При этом необходимо учитывать также, что до прихода ПСР к власти в Турции основные контакты между двумя государствами установились в основном на уровне элит и не пользовались поддержкой большинства населения. Особенно это было заметно в отношении еврейской диаспоры, проживающей в Турции (Elron, 2017). Вместе с тем, учитывая, что Турция является крайне привлекательным направлением туризма для израильтян⁷, надо полагать, что неприязнь со стороны турок сосуществует с экономической выгодой, которую турецкая сторона получает от визитов израильских туристов.

В то же время, по мнению израильского аналитика Н. Горена, как раз на уровне гражданского общества целесообразно было бы развивать отношения между странами, используя положительно зарекомендовавшие себя программы в рамках различных НПО по таким актуальным вопросам, как изменение климата, широкий спектр различных региональных вопросов, сфера предпринимательской деятельности и ряд других, которые находили отклик у населения двух стран⁸.

Радикальные изменения в региональной политике Турции в начале 2000-х гг. не сразу привели к охлаждению отношений Анкары с Тель-Авивом. Турция в рамках своей новой

⁷ Количество израильских туристов в Турции бьет рекорды // Лехаим. 13.11.2022. URL: <https://lechaim.ru/news/kolichestvo-izraelskih-turistov-v-turtsii-bet-rekordy> (дата обращения: 28.06.2023).

⁸ Goren N. Israel — Turkey Relations Are Not Only About Erdogan and Netanyahu // Friedrich Naumann Foundation. February 21, 2021. URL: <https://www.freiheit.org/israel-and-palestinian-territories/israel-turkey-relations-are-not-only-about-erdogan-and-netanyahu> (accessed: 30.11.2022).

стратегии пыталась параллельно сохранять достигнутый в прошлые годы уровень отношений с Израилем и наладить диалог между Израилем и Палестинской администрацией, пригласив их лидеров на заседание турецкого парламента с целью поиска путей урегулирования израильско-палестинских отношений. Усилия эти, однако, не получили практического осуществления. Геополитические приоритеты Турции все больше склоняли ее руководство к активизации отношений с арабскими государствами региона и Ираном.

В мае 2008 г. при посредничестве Турции была предпринята попытка Израиля и Сирии сесть за стол переговоров для обсуждения мирного плана относительно спорных территорий Голанских высот. Диалог удалось установить, однако он длился недолго и был нарушен спустя восемь месяцев из-за вторжения Израиля в сектор Газа и проведения военной операции «Литой свинец». На тот момент ухудшились также отношения между самой Турцией и Израилем. В конце 2009 г. глава МИД Израиля А. Либерман заявил о невозможности возобновления израильско-сирийского диалога при посредничестве Турции и стремлении выйти на прямой диалог с руководством Сирии⁹.

Отношения между Турцией и Израилем резко обострились в мае 2010 г., когда Израиль силами своего спецназа захватил шесть судов турецкой «флотилии мира», направлявшейся с гуманитарной помощью в сектор Газа. В результате атаки на турецкий теплоход «Мави Мармара» были убиты 9 и ранены 30 пассажиров. Также ранения получили более 10 израильских солдат. Турция в связи с инцидентом отозвала своего посла из Израиля и отменила совместные военные учения (Гасратян, 2016), а также выразила протест и потребовала от Израиля извинений и компенсации для семей погибших граждан. Израиль отказался удовлетворить эти требования, что привело к ухудшению отношений между двумя странами.

⁹ Израиль согласился на посредничество Турции в переговорах с Сирией // РИА Новости. 09.03.2010. URL: <https://ria.ru/20100309/213114706.html> (дата обращения: 28.06.2023).

Разные взгляды две страны имели и на решение проблемы ядерной программы Ирана. Если Турция признавала право Ирана на развитие ядерных разработок исключительно в мирных целях, то Израиль оказался в числе стран, резко осуждавших деятельность Ирана в этой сфере. Израиль даже выразил готовность при стечении обстоятельств нанести ракетный удар по Ирану (Карасова, 2015, с. 419—423), однако это намерение резко осудили США, потребовавшие от израильского руководства воздержаться от подобных мер без согласования действий с Белым домом¹⁰.

События «арабской весны», возможная перспектива хаотизации Ближнего Востока увеличили возможность угрозы ядерных разработок со стороны Ирана на фоне обострения палестино-израильского конфликта¹¹. В этой ситуации Израиль и Турция стали искать возможности реализации самостоятельной внешней политики, что породило закономерную конкуренцию за региональное лидерство.

Нарастание неконтролируемого развития ближневосточных событий, а также рост нестабильности в арабских странах могли повлечь за собой возможную потерю Израилем статуса влиятельного регионального игрока. С одной стороны, Израиль поддержал установление в арабских странах прогрессивных режимов, тяготеющих к демократическим ценностям, а с другой — был весьма обеспокоен волной протестов и недовольства местного населения этих стран, что в итоге привело к укоренению политического ислама в этих государствах (Yavuz, 2019, pp. 55—78). В этой связи в ноябре 2011 г., спустя почти год после начала арабских волнений, премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху выступил в Кнессете с осуждением позиции Вашингтона, который не поддержал прежний режим Х. Мубарака в Египте (Пиляева, 2012, с. 28).

¹⁰ Обама припугнул Иран Израилем // Iran.ru. 15.05.2009. URL: https://iran.ru/news/analytcs/57091/Obama_pripugnul_Iran_Izrailem (дата обращения: 14.11.2022).

¹¹ Kaye D.D. Israel's Iran Policies after the Nuclear Deal. Santa-Monica, CA : RAND Corporation, 2016. 24 p. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE207.html> (accessed: 30.11.2022).

События «арабской весны» и их последствия для стран Ближнего Востока в связи с угрозой распространения радикального исламизма поставили Израиль перед необходимостью укреплять свой военный потенциал¹². События этих лет показали, что конфликтность имеет тенденцию к разрастанию и даже может выйти за пределы Ближневосточного региона. На фоне прокатившихся волн протестов в арабских странах вопросы региональной стабильности превратились для правительства Израиля в одну из ключевых задач, прежде всего, с точки зрения сохранения позиций страны как региональной опоры для стран западного мира¹³.

В период революционных волнений на Ближнем Востоке Турция стояла перед сложным выбором своей внешнеполитической стратегии. Прежде всего, правительство Турции заявило о защите и эвакуации турецких граждан, которые оказались в зоне нестабильности. Вместе с тем политическая поддержка Р.Т. Эрдоганом новых правительств открывала Турции возможность реализовывать не только уже согласованные экономические проекты, но и заключать новые.

Во время «арабской весны» Турция проводила более активную внешнюю политику в регионе, пытаясь укрепить свое лидерство среди арабских стран. В этот период Турция стала выступать в качестве оппозиционной силы в отношении режимов, которые поддерживались Западом, опасаясь активизации антитурецкой деятельности курдского населения, проживающего на сирийской территории. В результате в свете этих событий Турция начала более решительно поддерживать палестинскую идею и восстановила дипломатические отношения с Египтом, уровень которых был снижен во времена

президентства Хосни Мубарака. Вместе с тем ухудшение отношений между Турцией и Израилем стало отражением как растущей напряженности на Ближнем Востоке, так и следствием разнонаправленности внешнеполитических приоритетов двух стран в данном регионе.

Четыре года теплых отношений (2013—2017 гг.)

Военно-стратегические отношения между Турцией и Израилем всегда находились под пристальным вниманием США. Активизация ближневосточной политики Турции отдала ее от Израиля, переориентировав на мусульманский мир. При этом как Турция, так и Израиль стремились оставаться приоритетными партнерами для Вашингтона, который в силу стремительного экономического роста Китая и возрастания его геополитических возможностей смещал фокус своего внимания на Восточную Азию. Реализуя стратегию сдерживания Китая уже в более широком пространстве Индо-Тихоокеанского региона, США одновременно с этим начали осуществлять перегруппировку своих сил и ресурсов в новый приоритетный район. В этом контексте Ближний Восток оказался в беспрецедентных геополитических условиях. Впервые в региональном балансе сил образовался «вакуум власти», когда ни один гегемон не оказывал непосредственное влияние на изменение внутрирегиональных реалий. Это не могло не отразиться на двух союзниках США и одновременно конкурентов за влияние в регионе — Израиле и Турции.

В ходе визита президента США Б. Обамы в Израиль в марте 2013 г.¹⁴ премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху принес свои извинения Р.Т. Эрдогану в связи с конфликтом у берегов Газы в 2010 г. Однако тогда примирения сторон не произошло, и отношения продолжали оставаться напряженными. После начала

¹² Шлыков П.В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы. 17.12.2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения: 15.11.2022).

¹³ Дорфман М. Израиль — Египет: на южном фронте перемены // Sensusnovus. 17.02.2011. URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2011/02/17/5489.html> (дата обращения: 14.11.2022).

¹⁴ Netanyahu Apologises to Turkish PM for Israeli Role in Gaza Flotilla Raid // The Guardian. March 22, 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/22/israel-apologises-turkey-gaza-flotilla-deaths> (accessed: 15.12.2022).

двусторонних переговоров в сентябре 2013 г. глава МИД Турции А. Давутоглу заявил, что отношения с Израилем находятся на пути к нормализации¹⁵. В свою очередь, спустя несколько месяцев Р.Т. Эрдоган заявил, что для нормализации отношений необходимо полное снятие Израилем блокады сектора Газа¹⁶, что можно было рассматривать как стремление завоевать доверие электората в преддверии муниципальных выборов в Турции в марте 2014 г. и всеобщих выборов 2015 г.

В предвыборном манифесте Р.Т. Эрдоган¹⁷ также выступил с критикой политики Израиля, что соответствовало внутривосточной ситуации того периода и учитывало антиизраильские настроения определенной части турецкого общества. Провозглашать политику, ориентированную на сближение с Израилем, было рискованно в контексте предстоящих выборов.

В декабре 2015 г. в Цюрихе прошла встреча делегаций Израиля и Турции¹⁸, где был предложен план урегулирования ситуации, связанной с инцидентом «Флотилии свободы». Основу этого плана составили пять пунктов:

1) обязательство Израиля по выплате компенсации в 20 млн долл. США в качестве признания причиненного ущерба и распределение этих средств среди семей погибших и раненых во время штурма флотилии;

2) нормализация дипломатических отношений между Турцией и Израилем, восста-

новление уровня отношений до обмена послами;

3) приостановление судебного производства в отношении израильского спецназа, открывшего огонь по турецкой флотилии;

4) приостановление деятельности ХАМАС в Турции;

5) укрепление сотрудничества в сфере энергетики между Турцией и Израилем, особенно в области закупки Турцией израильского газа¹⁹.

В апреле 2016 г. по итогам переговоров турецкой и израильской делегаций в Лондоне было выработано соглашение, направленное на восстановление двусторонних отношений, которое было анонсировано 27 июня 2016 г.²⁰ Однако мирный характер турецко-израильских отношений продержался чуть больше года. Как отмечает И.И. Иванова, на этот раз конфликт между Р.Т. Эрдоганом и Б. Нетаньяху «имел определенную особенность, отличавшую его от конфликтов в прошлом. Если в прошлый раз сторонами конфликта были Израиль и Турция, а США стояли над противостоянием и, напротив, пытались примирить конфликтующие стороны, то на этот раз мишенью для критики Р. Эрдогана стал сам Вашингтон, признавший Иерусалим столицей Израиля» (Иванова, 2019а, с. 63).

Пришедшая к власти в США на смену команды Б. Обамы администрация нового президента Д. Трампа не имела ясной политической стратегии на Ближнем Востоке, что стало для нее большой проблемой, так как «Государственный департамент США испытывал кадровый голод. Не было людей,

¹⁵ Turkish FM: Israel Must Do More to Normalize Ties with Us // *The Times of Israel*. September 26, 2013. URL: <https://www.timesofisrael.com/turkish-fm-israel-must-do-more-to-normalize-ties-with-turkey> (accessed: 12.12.2022).

¹⁶ Ravid B. Turkey PM: No Reconciliation with Israel until End of Gaza Siege // *Haaretz*. February 11, 2014. URL: <https://www.haaretz.com/2014-02-11/ty-article/turkey-deal-only-after-gaza-siege-end/0000017f-efc8-da6f-a77f-ffceb66c0000> (accessed: 12.12.2022).

¹⁷ Yeni Türkiye Yolunda. Daima Adalet, Daima Kalkınma. 7 Haziran 2015 Genel Seçimleri Seçim Beyanamesi // AK Parti. 2015. URL: https://kurzman.unc.edu/wp-content/uploads/sites/1410/2021/06/AKP_2015_7-haziran-2015-edited.pdf (accessed: 04.09.2022).

¹⁸ Israel and Turkey Reach 'Understanding' on Restoring Ties // *The New Arab*. December 18, 2015. URL: <https://www.newarab.com/news/turkey-and-israel-reach-understanding-restoring-ties> (accessed: 26.11.2022).

¹⁹ Ravid B. Five Years after Gaza Flotilla Raid, Israel and Turkey Reach Understandings on Ending Crisis // *Haaretz*. December 17, 2015. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2015-12-17/ty-article/israel-and-turkey-inch-closer-to-ending-crisis/0000017f-f863-d2d5-a9ff-f8ef5b880000> (accessed: 14.12.2022).

²⁰ Cunningham E., Eglash R. Israel and Turkey Announce Deal to Repair Relations after Six-Year Split // *Haaretz*. June 27, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/israel-turkey-announce-deal-to-repair-relations-after-six-year-split/2016/06/27/aa2399ae-3bd5-11e6-9e16-4cf01a41dec_b_story.html (accessed: 01.09.2022).

которые могли бы разработать и написать Стратегию США на Ближнем Востоке» (Иванова, 2019b, с. 350). Этот факт напрямую отразился на взаимоотношениях Турции и США. Если проанализировать Стратегию национальной безопасности США, принятую администрацией Д. Трампа в декабре 2017 г., то мы не найдем в ней упоминаний о Турции²¹. Это наводит на мысль, что в двусторонних отношениях США и Турции к тому времени назрел глубокий кризис и вопрос статуса Иерусалима стал тому своеобразным катализатором.

В то же время администрация Д. Трампа в начале 2020 г. представила План по урегулированию палестино-израильского конфликта, в действительности разработанный еще в 2017 г. (Крылов, Федорченко, Шуминов, 2020, с. 387—388) и изначально нацеленный на защиту и обеспечение безопасности союзника США — Израиля.

Кризис вокруг статуса Иерусалима

Признание Соединенными Штатами Иерусалима столицей Израиля в декабре 2017 г. и перенос из Тель-Авива в этот город американского посольства немедленно вызвали негативный резонанс во всем мире, и прежде всего в мусульманских странах. Как известно, в Иерусалиме расположены не только иудейские и христианские, но и мусульманские святыни. К жесткой критике действий Вашингтона присоединилась также Турция. «Иерусалим является в восприятии арабов „красной линией“, которую переступать нельзя, и ни арабы, ни мусульмане не смогут принять посягательство на него»²², — заявил генеральный секретарь Лиги арабских государств Ахмед Абу аль-Гейт. Он предупредил Израиль, что президент США «играет

с огнем и стремится поджечь фитиль серьезного конфликта с арабскими странами и всем исламским миром»²³. В этой ситуации президент Турции Р.Т. Эрдоган пригрозил разрывом дипломатических отношений с Израилем, если Вашингтон признает Иерусалим столицей Израиля²⁴. При этом турецкий лидер, пользуясь статусом Турции как действующего на то время председателя Организации исламского сотрудничества (ОИС), выступил инициатором созыва в декабре 2017 г. в Стамбуле внеочередного саммита организации. В ходе саммита Восточный Иерусалим был объявлен столицей Палестины, а Израиль был назван «террористическим государством»²⁵. По мнению Р.Т. Эрдогана, Вашингтон больше не должен был быть участником мирного урегулирования палестино-израильского конфликта. При этом Р.Т. Эрдоган подчеркнул необходимость политической оценки ситуации со стороны ООН²⁶. Он также отметил, что Турция хотя и признала Восточный Иерусалим столицей палестинского государства, однако не имеет возможности открыть там свое посольство из-за оккупации Иерусалима, выразив надежду, что перенос посольства все же произойдет в будущем²⁷.

После официального объявления Д. Трампом намерения открыть посольство в Иерусалиме²⁸ США наложили вето на

²³ Там же.

²⁴ Turkey Could Break Off Ties with Israel over Jerusalem: Erdogan // Reuters. December 5, 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-israel-usa-turkey-idUSKBN1DZ13R> (accessed: 15.12.2022).

²⁵ Recognition of Jerusalem as Israel's Capital 'Null and Void', Erdogan Says // Daily Sabah. December 10, 2017. URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2017/12/10/recognition-of-jerusalem-as-israels-capital-null-and-void-erdogan-says> (accessed: 01.12.2022).

²⁶ Jones D. Turkey Summit Blasts Trump Decision on Jerusalem // Voice of America. December 13, 2017. URL: <https://www.voanews.com/a/islamic-world-meeting-regarding-trump-jerusalem-choice/4161688.html> (accessed: 21.10.2022).

²⁷ Турция намерена открыть посольство в Палестине в Восточном Иерусалиме // РИА Новости. 17.12.2017. URL: <https://ria.ru/world/20171217/1511133752.html> (дата обращения: 21.10.2022).

²⁸ Presidential Proclamation Recognizing Jerusalem as the Capital of the State of Israel and Relocating the United States Embassy to Israel to Jerusalem // The White House.

²¹ National Security Strategy of the United States of America on 18 December 2017 // The White House. December 18, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 20.10.2022).

²² ЛАГ: Иерусалим является «красной линией», которую нельзя пересекать // ТАСС. 23.07.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4433548> (дата обращения: 21.10.2022).

предложенный Египтом проект резолюции против признания Иерусалима столицей Израиля, указав на то, что как свободная страна они имеют право самостоятельно выбирать место размещения своего посольства²⁹, что немедленно вызвало протест со стороны мусульманских стран. В частности, Турция и Йемен обратились к Генеральной Ассамблее ООН с проектом резолюции³⁰, повторяющим текст Резолюции 478 Совета Безопасности ООН от 20 августа 1980 г., в которой содержалось требование вывести дипломатические миссии государств — членов ООН из Иерусалима³¹. При обсуждении проекта резолюции Вашингтон пригрозил всем государствам, которые поддержат документ, сокращением финансовой помощи. Тем не менее резолюция была принята большинством голосов, но носила рекомендательный характер (Васецова, 2018, с. 254). В дальнейшем Д. Трамп вновь затрагивал тему финансирования палестинцев, отмечая, что взамен США не получают от них ничего — «ни признания, ни уважения». Он указывал, что палестинцы не желают договариваться о мире с Израилем. В этой связи, по его словам, нет смысла продолжать перечислять им сотни миллионов долларов в год³².

14 мая 2018 г. Вашингтон провел церемонию открытия посольства в Иерусалиме (Кузьмин, Николаев, 2019, с. 179). Данный

December 6, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-recognizing-jerusalem-capital-state-israel-relocating-united-states-embassy-israel-jerusalem/> (accessed: 20.10.2022).

²⁹ США заблокировали в СБ ООН египетский проект резолюции по Иерусалиму // Интерфакс. 18.12.2017. URL: <http://www.interfax.ru/world/592364> (дата обращения: 21.10.2022).

³⁰ Status of Jerusalem: Draft Resolution / Turkey and Yemen // United Nations Digital Library. December 19, 2017. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1327365> (accessed: 29.12.2022).

³¹ Резолюция 478 (1980) от 20 августа 1980 года // Цифровая библиотека ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/25618> (дата обращения: 29.12.2022).

³² U.S. Official Denies That Funds for Palestinian Refugees Frozen // Reuters. January 6, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-israel-palestinians-usa/u-s-official-denies-that-funds-for-palestinian-refugees-frozen-idUSKBN1EU1ZN/> (accessed: 10.11.2022).

шаг был высоко оценен главой правительства Израиля Б. Нетаньяху. Как и следовало ожидать, палестинская сторона отреагировала на данный факт крайне негативно, осудив США за нарушение действующего баланса сил и подчеркнув, что Вашингтон таким образом признал право Израиля на Иерусалим, который в мировом сообществе признан городом мира. Министерство иностранных дел Турции заявило решительный протест в связи с данным актом: в соответствующем пресс-релизе МИД Турции отмечалось, что США нарушили принципы международного права и это решение не служит установлению мира в регионе³³.

Тогда же, в мае 2018 г., произошли серьезные столкновения в секторе Газа из-за действий Вашингтона по случаю празднования 70-й годовщины со дня образования Израиля. В акциях протеста жертвами стали около 60 человек, в том числе дети, более 2,5 тыс. человек получили ранения разной степени тяжести³⁴. Данная инициатива со стороны США и в дальнейшем неоднократно приводила к обострению ситуации, поскольку антиизраильские силы, действующие на палестинской территории, поныне сохраняют свой военный потенциал. В то же время Израиль активнее, чем прежде, прибегает к отражению агрессии палестинских радикалов, действуя в соответствии с доктриной министра обороны Израиля А. Либермана (Ермаков, Рыжов, 2018, с. 57—58).

При всем этом исламский фактор сам по себе не играет деструктивной роли в арабо-израильских отношениях, являясь лишь дополнением к фактору политическому (Рыжов, 2020, с. 284).

³³ No: 137, 14 May 2018, Press Release Regarding the Decision of the US Administration to Move Its Embassy in Tel Aviv to Jerusalem // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. May 14, 2018. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-137_-abd-nin-telaviv-buyuk-elciligini-kuduse-tasimasi-hk.en.mfa (accessed: 21.10.2022).

³⁴ Gaza: Nakba Day Protests as Palestinians Bury Those Killed in Embassy Unrest — As It Happened // The Guardian. May 15, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2018/may/15/gaza-israel-nakba-day-protests-as-palestinians-bury-those-killed-in-embassy-unrest-live-updates> (accessed: 12.12.2022).

США, в свою очередь, заблокировали документ, инициированный Советом Безопасности ООН, который осуждал убийство палестинцев в мае 2018 г. и призывал расследовать эти акции³⁵.

Анкара также не осталась в стороне и приняла ряд мер, направленных против Израиля. В частности, на неопределенный период времени были высланы из страны посол и генеральный консул Израиля в Анкаре. Израиль ответил симметрично, выслав генерального консула Турции³⁶. Посол Турции в Израиле К. Окем был отозван Анкарой ранее для проведения необходимых консультаций³⁷. С этой же целью Министерством иностранных дел Турции были отозваны сотрудники посольства Турции в США³⁸.

Очередной саммит Организации исламского сотрудничества был созван 18 мая 2018 г. в Стамбуле и посвящен ситуации в секторе Газа. Саммит адресовал послание в ООН, в котором потребовал ввести миротворческие силы на границу Израиля и сектора Газа для обеспечения безопасности палестинцев³⁹.

Попытки Турции вмешаться в решение арабо-израильского конфликта, в частности территориального спора между Израилем и Сирией, имели место неоднократно на протяжении прошедшего десятилетия. В марте

2019 г. президент США Д. Трамп подписал документ о признании израильского суверенитета над Голанскими высотами, и глава израильского правительства Б. Нетаньяху назвал это событие историческим⁴⁰. В свою очередь, турецкая сторона выразила озабоченность данным фактом. Глава МИД Турции М. Чавушоглу обвинил Вашингтон, признавший суверенитет Израиля над Голанскими высотами, в нарушении международного права⁴¹.

Колебательный характер внешней политики Турции связан, главным образом, с сопряжением происходящих в мире и регионе событий с национальными интересами самой Турции. В этом ключе Турция высказывалась в поддержку авиаударов США по Сирии 7 апреля 2017 г.⁴² и сил коалиции НАТО 14 апреля 2018 г.⁴³, в то время как наряду с Россией и Ираном она являлась посредником в мирном урегулировании сирийского кризиса. Участие Турции в инициируемых США и НАТО кампаниях призвано продемонстрировать лояльность западным странам и одновременно побудить их к решению важных для себя вопросов, например курдской проблемы.

Точно так же и в случае с Израилем — прагматичность внешней политики Турции диктует необходимость учитывать значимость экономического сотрудничества по сравнению с теми вопросами, по которым у обеих стран существуют разногласия.

³⁵ Turak N. US Blocks United Nations Call for Independent Probe into Gaza Deaths // CNBC. May 15, 2018. URL: <https://www.cnbc.com/2018/05/15/u-s-blocks-united-nations-call-for-independent-probe-into-gaza-deaths.html> (accessed: 26.12.2022).

³⁶ Ahren R. Israel Expels Turkish Consul in Jerusalem after Ankara Boots Israel's Ambassador // The Times of Israel. May 15, 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-expels-turkish-consul-in-jerusalem-as-gaza-spat-intensifies/> (accessed: 15.12.2022).

³⁷ Gaouette N., Kosinsky M. Turkey Recalls Envoys to US, Israel Over Embassy Move // CNN. May 15, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/05/14/politics/turkey-ambassador-us-israel/index.html> (accessed: 15.12.2022).

³⁸ Ibid.

³⁹ The Extraordinary Meeting of the OIC Council of Foreign Ministers Was Held in Istanbul 18 May 2018 // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. May 18, 2018. URL: http://www.mfa.gov.tr/iit-disisleri-bakanlari-konseyi-olaganustu-toplantisi-istanbulda-duzenlendi_en.en.mfa (accessed: 19.11.2022).

⁴⁰ Почему Голанские высоты так называются? // Аргументы и факты. 25.03.2019. URL: https://aif.ru/politics/world/pochemu_golanskie_vysoty_tak_nazyvayutsya (дата обращения: 28.06.2023).

⁴¹ Израиль удвоит число поселенцев на аннексированных Голанских высотах // TRT Russian. 27.12.2021. URL: <https://www.trtrussian.com/novosti/izrail-udvoit-chislo-poselencev-na-anneksirovannyh-golanskih-vysotah-7519744> (дата обращения: 28.06.2023).

⁴² Kube C., Johnson A., Jackson H., Smith A. U.S. Launches Missiles at Syrian Base Over Chemical Weapons // NBC News. April 7, 2017. URL: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/u-s-launches-missiles-syrian-base-after-chemical-weapons-attack-n743636> (accessed: 19.11.2022).

⁴³ Strikes on Syria “Appropriate Response”: Turkish Foreign Ministry Source // Reuters. April 14, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-turkey/strikes-on-syria-appropriate-response-turkish-foreign-ministry-source-idUSKBN1HL0C8> (accessed: 19.11.2022).

Новый этап: нормализация отношений и ближневосточная интеграция

Спустя четыре года после разрыва двусторонних отношений Турция и Израиль пришли к пониманию необходимости восстановления контактов. В этой связи показательным стал визит президента Израиля И. Герцога в Турцию в марте 2022 г.⁴⁴ За несколько месяцев до этого, в июле 2021 г., в состоявшемся по инициативе Р.Т. Эрдогана телефонном разговоре с И. Герцогом стороны обсудили возможность размораживания отношений. Турецкий лидер поздравил И. Герцога с избранием на пост президента и пригласил посетить столицу Турции с официальным визитом⁴⁵.

Итогом визита президента Израиля в Турцию стали договоренности о нормализации отношений в условиях нестабильного международного порядка. При этом стороны условились, что более чувствительные проблемы, в частности палестинская, будут решаться поступательно⁴⁶.

Таким образом, в 2022 г. наступил новый виток деятельности Турции по продвижению политики «Ноль проблем с соседями». Нормализация отношений с Израилем идет параллельно с попытками наладить взаимодействие с рядом стран Ближнего Востока, которые активно развивают связи с Израилем⁴⁷. В частности, на протяжении двух лет (с начала 20-х гг. XXI в.) активизируются

экономические отношения между Израилем и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Марокко, Бахрейном. Турция, стремясь сохранить позиции лидера в процессе ближневосточной интеграции, выступает с инициативами по урегулированию конфликтных ситуаций между государствами региона⁴⁸.

Представляется, что хотя со стороны Израиля наметился сдвиг в решении палестинской проблемы, ее окончательное урегулирование по-прежнему остается в повестке дня двусторонних отношений и сохраняет значимость в отношениях между Турцией и Израилем. При позитивном развитии турецко-израильских отношений Турция могла бы быть привлечена в качестве посредника к урегулированию палестинской проблемы. Впрочем, это довольно оптимистичный сценарий.

Вместе с тем любое напряжение в палестинском вопросе будет ощутимо для Турции и Израиля и способно породить между ними новый виток конфликта, что периодически и происходит.

В то же время сохраняются и объективные основания для нормализации отношений с Израилем, важнейшим из которых является весьма непростая экономическая ситуация в Турции⁴⁹. Взаимоотношения между Турцией и Израилем в экономической сфере по-прежнему играют важную роль в двусторонних отношениях. И в этом контексте прагматичность турецкой внешней политики перевешивает идеи ее ценностно-ориентированной модели. Израиль входит в десятку крупнейших торговых партнеров Турции. Если в 2011 г. турецкий экспорт в Израиль составил 2,3 млрд долл. США, в 2015 г. — 2,6 млрд долл. США, то

⁴⁴ Президент Израиля впервые за 15 лет посетил Турцию с визитом // РИА Новости. 09.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220309/vizit-1777294100.html> (дата обращения: 26.10.2022)

⁴⁵ Soilu R. Israel — Turkey: Erdogan's Call to Herzog a Fresh Attempt to Repair Relations // Middle East Eye. July 13, 2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/israel-turkey-herzog-erdogan-call-fresh-attempt-repair-relations> (accessed: 15.12.2022).

⁴⁶ Тарасов С. Что несет Ближнему Востоку «новая эра» Нетаньяху и Эрдогана? // Regnum. 18.11.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3750043.html> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴⁷ Selmi J. Rebuilding Israeli-Turkish Relations: A Marriage of Convenience // Fikra Forum (An initiative of the Washington Institute for Near East Policy). May 26, 2022. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/rebuilding-israeli-turkish-relations-marriage-convenience> (accessed: 13.11.2022).

⁴⁸ Cook S.A. How Israel and Turkey Benefit from Restoring Relations // Council on Foreign Relations. August 23, 2022. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/how-israel-and-turkey-benefit-restoring-relations> (accessed: 30.11.2022).

⁴⁹ Марьясис Д. Турция и Израиль восстанавливают двусторонние отношения. Надолго ли? // Российский совет по международным делам. 26.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-i-izrail-vosstanavlivayut-dvustoronnie-otnosheniya-nadolgo-li/> (дата обращения: 15.11.2022).

в 2020 г. — 4,6 млрд долл. США. Экспорт из Израиля в Турцию в 2011 г. составил 2 млрд долл. США, в 2015 г. — 1,6 млрд долл. США, а в 2020 г. — 1,5 млрд долл. США⁵⁰.

Турция заинтересована в развитии прочных и постоянных контактов с Израилем, прежде всего в диверсификации энергоносителей, и в перспективе Турецкая Республика может превратиться в важнейший хаб для транзита израильского газа в страны Европы, позиционируя себя в качестве более выгодного партнера по сравнению с Грецией и Кипром.

Еще одна причина — возможность нормализации отношений с США на фоне крепнущих турецко-израильских связей. С нынешней администрацией в Белом доме у Р.Т. Эрдогана не сложилось доверительных отношений. Вашингтон, как и Тель-Авив, продолжает поддерживать курдских сепаратистов. Стратегия сближения Турции с Израилем и нормализации отношений с США призвана сгладить противоречия с курдами, угрожающими целостности Турецкой Республики (Gunter, 2022, pp. 487—488).

Нынешние усилия Турции направлены на укрепление своих стратегических позиций в регионе в преддверии 100-летия провозглашения Турецкой Республики (29 октября 1923 г.). Еще в предвыборном манифесте Всеобщих выборов 12 июня 2011 г. «Турция готова к цели 2023» Партия справедливости и развития указывала на потенциал турецкого государства в распространении мира и стабильности в Ближневосточном регионе, акцентируя ведущую роль Турции в этом процессе⁵¹. Представляется, что в складывающейся современной международной ситуации Турция медленно, но уверенно продвигается к намеченной цели — роли регионального лидера.

⁵⁰ Турция и Израиль ожидают бума в двусторонней торговле // Вестник Кавказа. 09.09.2022. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/turcia-i-izrail-ozidaut-buma-v-dvustoronnej-torgovle.html> (дата обращения: 29.10.2022).

⁵¹ Türkiye Hazır Hedef 2023. 12 Haziran 2011 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi // AK Parti. 2011. URL: <http://www.minelokbeyaz.com.tr/upload/Node/2367/files/beyanname2011.pdf> (accessed: 24.10.2022).

Заключение

Отношения между Турцией и Израилем в настоящее время можно охарактеризовать как достаточно напряженные и нестабильные. Хотя обе стороны периодически демонстрируют желание улучшить свои отношения, существующие разногласия продолжают препятствовать установлению тесных связей между двумя странами. По ряду вопросов Турция и Израиль не могут достичь согласия: это вопросы палестинской государственности, статуса Иерусалима, права на добычу газа в Средиземноморье и поддержки террористических групп. Тем не менее современная ситуация в Ближневосточном регионе сохраняет тенденцию перехода от конфронтации к сотрудничеству и попыткам поиска взаимопонимания.

В то же время сложно сказать, насколько долговечными будут эти тенденции. Ввиду сложившихся исторических реалий взаимоотношений двух стран, а также особенностей внутривластной ситуации и усиления вакуума власти на Ближнем Востоке в обозримой перспективе можно прогнозировать сохранение нестабильной ситуации во взаимоотношениях двух стран, заинтересованных в осуществлении регионального лидерства.

Переизбрание в мае 2023 г. президента Р.Т. Эрдогана на очередной пятилетний срок позволяет предположить, что политика турецкого лидера сохранит свои приоритеты и основные направления. Вместе с тем ситуация вокруг российской специальной военной операции (СВО) на Украине в определенной степени сместила акценты во внешней политике Турции, которая, не сокращая своего участия в решении ближневосточных проблем, стала востребована как в качестве активного игрока в обеспечении безопасности Черноморского региона, так и посредника в урегулировании ситуации, возникшей в современных международных отношениях с началом СВО.

Поступила в редакцию / Received: 30.12.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 30.09.2023
Принята к публикации / Accepted: 24.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А.* Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 543—554. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>
- Аватков В. А., Сбитнева А. И.* Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 2. С. 291—302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>
- Васецова Е. С.* Вопрос о статусе Иерусалима в геополитической ситуации на Ближнем Востоке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 251—260. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-5-251-260>
- Гасратян С. М.* Отношения Израиля и Турции на современном этапе и исламский фактор // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 167—189.
- Глазова А. В.* Турецко-израильские отношения: есть ли перспектива выхода из кризиса? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2 (11). С. 49—62.
- Гудев П. А.* Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 472—486. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486>
- Ермаков А. А., Рыжов И. В.* Развитие противостояния Государства Израиль и радикалов сектора Газа: «доктрина Либермана» // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 57—63.
- Иванова И. И.* Основные этапы и тенденции развития турецко-израильских отношений // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы: Ежегодник 2019 / под ред. Д. А. Милеева. Москва : Институт востоковедения РАН, 2019а. С. 55—67.
- Иванова И. И.* Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX—XXI вв. Москва : Издатель Воробьев А. В., 2019b.
- Карасова Т. А.* Израиль и США: основные этапы становления стратегического партнерства (1948—2014). Москва : Аспект Пресс, 2015.
- Корочкина В. А.* Израильские эксперты о межгосударственных отношениях Турции и Израиля на современном этапе // Восточная аналитика. 2020. № 4. С. 207—226. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-207-226>
- Крылов А. В., Федорченко А. В., Шуминов Н. З.* «План Трампа» по урегулированию палестино-израильского конфликта // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 5. С. 387—394. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-387-394>
- Кузьмин В. А., Николаев Ю. В.* Решение администрации Д. Трампа по переносу посольства США в Иерусалим и реакция мирового сообщества // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14, № 3 (191). С. 170—185.
- Пиляева М. А.* Израиль в эпицентре «арабской весны» // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 28—30.
- Рыжов И. В.* Проблемы государственной самоидентификации мусульманского населения в Государстве Израиль (2000—2020 гг.) // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. 2020. № 3. С. 275—285.
- Сулейманов А. В.* Турецко-израильские отношения: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 165—172.
- Шлыков П. В.* Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 2. С. 130—152. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152>
- Шпаковская М. А., Барнашов О. В.* Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2 (727). С. 30—36.
- Шувалова Н. Б.* Турецко-израильские отношения: история и перспективы (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2014. № 1. С. 26—42.
- Aran A., Yishayahu G.* Updating the Study of Foreign Policy Crisis: The Case of the Mavi Marmara Flotilla // Foreign Policy Analysis. 2022. Vol. 18, iss. 3. P. 1—19. <https://doi.org/10.1093/fpa/orac007>
- Aviv E.* Turkish-Israeli Relations in the 1960s // Israel Affairs. 2022. Vol. 28, no. 5. P. 695—705. <https://doi.org/10.1080/13537121.2022.2112385>
- Elron E.* Antisemitism and Anti-Zionism in Turkey: From Ottoman Rule to AKP. London : Routledge, 2017.

- Gunter M. M.* Turkey and the Middle East // *The Routledge Handbook on Contemporary Turkey* / ed. by J. Jongerden. New York : Routledge, 2022. P. 480—495.
- Jörum E. L.* Beyond Syria's Borders: A History of Territorial Disputes in the Middle East. London : I.B. Tauris, 2017.
- Kanat K. B., Hannon J.* Turkey — Israel Relations in the New Era: Opportunities and Challenges // *Mediterranean Quarterly*. 2017. Vol. 28, no. 4. P. 64—86.
- Köroğlu A.* Reading the 1948 and 1967 Arab-Israeli Wars through Turkish Islamic Thought; Continuities and Changes // *Turkish Studies. Economics, Finance & Politics*. 2018. Vol. 13, no. 22. P. 303—319. <http://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.13522>
- Mohammad K. K. R., Bali A. O.* The Six-Day War and Its Impact on Arab and Israeli Conflict // *History Research*. 2017. Vol. 7, no. 2. P. 90—101. <https://doi.org/10.17265/2159-550X/2017.02.004>
- Oğuzlu T.* The Changing Dynamics of Turkey — Israel Relations: A Structural Realist Account // *Mediterranean Politics*. 2010. Vol. 15, no. 2. P. 273—288. <https://doi.org/10.1080/13629395.2010.485055>
- Yavuz M. H.* Understanding Turkish Secularism in the 21st Century: A Contextual Roadmap // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2019. Vol. 19, no. 1. P. 55—78. <https://doi.org/10.1080/14683857.2019.1576367>

Сведения об авторах:

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: shprakovskaya-ma@rudn.ru

Барнашов Олег Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра сравнительной образовательной политики (кафедра ЮНЕСКО); начальник, отдел взаимодействия с международными организациями, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-5576-732X; e-mail: barnashov-ov@rudn.ru

Малаховский Алексей Кимович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-6372-3455; e-mail: malakhovskiy-ak@rudn.ru

Данилов Виталий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений; директор, Центр прикладного анализа международных трансформаций, Российский университет дружбы народов; e-mail: danilov-va@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733

EDN: PLIBUK

Научная статья / Research article

Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. Анализируются двусторонние отношения между Азербайджанской Республикой (АР) и Исламской Республикой Иран (ИРИ) после Второй карабахской войны (ВКВ), выявляются причины напряженности и новые тенденции, сложившиеся в отношениях между ними. С одной стороны, участие АР и ИРИ в масштабных евразийских транспортно-логистических проектах позволяет обеим странам играть особую роль в региональной политике, а с другой — от уровня и качества азербайджано-иранских отношений в значительной степени зависит полноценное обеспечение безопасности на Южном Кавказе, в том числе его современное положение в системе международных отношений в целом. Цель исследования — выявление особенностей и тенденций развития азербайджано-иранских отношений после ВКВ. Анализируются причины обострения двусторонних отношений после ВКВ с точки зрения внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов. Если этнополитический и религиозно-идеологический факторы рассматриваются в качестве внутривнутриполитических причин, то характер развития отношений между АР и Турцией, АР и Израилем, а также между ИРИ и Арменией оценивается как внешнеполитический аспект, приведший к ухудшению азербайджано-иранских отношений. Кроме того, проведение двумя странами военных учений вблизи азербайджано-иранской государственной границы, позиция иранских властей по открытию Зангезурского коридора и нападение на посольство Азербайджана в Тегеране в конце января 2023 г. — все это также способствовало углублению эскалации между АР и ИРИ. Наряду с этим намечается и новая положительная динамика в двусторонних отношениях. Традиционно во время кризисных ситуаций объем торгового оборота двух стран снижался, однако, несмотря на то, что азербайджано-иранские политические отношения на данном этапе переживают самый худший период своей истории, наблюдается развитие отношений в торгово-экономической сфере, что является новой тенденцией во взаимодействии между Баку и Тегераном. Тем самым не только проблемы, возникшие из-за пандемии COVID-19 в экономике двух стран, но и активизация работы по транспортным проектам на Южном Кавказе создают условия для сохранения и повышения уровня двусторонних торгово-экономических взаимоотношений.

Ключевые слова: Азербайджан, Иран, Южный Кавказ, Международный транспортный коридор Север — Юг, Срединный коридор

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья опубликована в рамках проекта «Азербайджано-иранские отношения в условиях новых геополитических реалий после Второй карабахской войны» по конкурсу РНФ 2022 г. «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными (№ 22-78-00067).

© Агазаде М.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Агазаде М. М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 719—733. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733>

Azerbaijani-Iranian Relations After the Second Karabakh War: Features and Trends

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The study presents an analysis of bilateral relations between the Republic of Azerbaijan (RA) and the Islamic Republic of Iran (IRI) after the Second Karabakh War (SKW), identifying the sources of tension and new trends in their relations. On the one hand, the participation of RA and IRI in large-scale Eurasian transport and logistics projects allows both countries to play a special role in regional politics, and on the other hand, the full-fledged security of the South Caucasus region, including its current position in the system of international relations, largely depends on the level and quality of Azerbaijani-Iranian relations. The purpose of this study is to identify the features and trends of Azerbaijani-Iranian relations after the Second Karabakh War. The author analyzes the reasons for the aggravation of bilateral relations after the SKW in terms of domestic and foreign policy factors. If ethno-political and religious-ideological factors are considered as domestic political reasons, then the nature of the development of relations between Azerbaijan and Türkiye, Azerbaijan and Israel, and Iran and Armenia is assessed as a foreign policy aspect that led to the deterioration of Azerbaijani-Iranian relations. In addition, conducting military exercises by the two countries near the Azerbaijani-Iranian state border, the position of the Iranian authorities against the opening of the Zangezur corridor, and the attack on the Azerbaijani embassy in Tehran at the end of January 2023 also contributed to the deepening of the escalation between the RA and the IRI. Along with this, a new positive trend is also emerging in bilateral relations. The volume of trade turnover between the two countries has traditionally decreased during crisis situations; however, despite the fact that Azerbaijani-Iranian political relations are currently experiencing the worst period in their history, the development of relations in the trade and economic spheres is observed, which is a new trend in the interactions between Baku and Tehran. Thus, not only the problems caused by the COVID-19 coronavirus infection in the economies of the two countries, but also the intensification of work on transport projects in the South Caucasus create conditions for maintaining and increasing the level of trade and economic relations.

Key words: Azerbaijan, Iran, South Caucasus, North — South International Transport Corridor, Middle Corridor

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Azerbaijani-Iranian Relations in the New Geopolitical Realities after the Second Karabakh War” in the RSF 2022 competition “Conducting proactive research by young scientists” of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young scientists (No. 22-78-00067).

For citation: Aghazada, M. M. (2023). Azerbaijani-Iranian relations after the Second Karabakh War: Features and trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 719—733. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733>

Введение

Результаты и последствия Второй карабахской войны (ВКВ), завершившейся 9 ноября 2020 г. подписанием совместного заявления президентами России и Азербайджана, В.В. Путиным и И.Г. Алиевым, и премьер-

министром Армении Н.В. Пашиняном¹, заметно изменили геополитический ландшафт

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2023).

на Южном Кавказе, привнесли новые возможности для развития сотрудничества между региональными державами, а также стали причиной появления новых вызовов и угроз для региональной стабильности и безопасности. В результате войны нарушился баланс сил на Южном Кавказе, возник новый, однако еще не до конца устоявшийся, геополитический статус-кво в регионе, в рамках которого складывались необходимые условия для формирования нового контура стратегического взаимодействия и многостороннего сотрудничества между Азербайджаном, Арменией, Грузией с участием России, Турции и Ирана. Однако разногласия между региональными игроками не только усложнили реализацию достигнутых договоренностей, но и привели к активизации стран коллективного Запада, в частности США и Франции, что усилило соперничество между региональными и глобальными центрами силы за влияние на регион.

В этих условиях особое внимание привлекают двусторонние отношения между Азербайджанской Республикой (АР) и Исламской Республикой Иран (ИРИ), народы которых имеют общие исторические, этнокультурные и религиозные ценности. Однако несмотря на это, азербайджано-иранские отношения характеризуются противоречивостью — одновременно сотрудничеством и противостоянием, что, прежде всего, связано с тем, что Баку и Тегеран имеют разные внешнеполитические стратегии и международное позиционирование по региональным вопросам. Также такие факторы, как этнический вопрос (азербайджанцы в Иране, персоязычные народы в Азербайджане), религиозно-идеологический аспект, уровень развития сотрудничества между Азербайджаном и Турцией, Азербайджаном и Израилем, Ираном и Арменией, транспортные и энергетические проекты время от времени становятся причиной обострения двусторонних отношений между Баку и Тегераном.

В связи со всем перечисленным двусторонние отношения между АР и ИРИ, а также региональное измерение на Южном Кавказе находятся в фокусе внимания ученых и экспертов. В их трудах рассмотрены особенности

азербайджано-иранских отношений (Агазаде, 2021a; Белов, Савичева, 2021), тщательно изучены транспортная инфраструктура региона Южного Кавказа и роль Азербайджана и Ирана в реализации таких международных транспортных коридоров (МТК), как МТК «Север — Юг» (Малышева, 2021; Федоровская, 2019; Belov (Yurtaev) & Binish, 2021; Sanaei & Karami, 2021) и Срединный коридор (Борзова, Савичева, Кулумбегова, 2022; Федоровская, 2022b; Akçay & Guo, 2023; Sattarov, 2022), исследовано влияние этнического вопроса на уровень азербайджано-иранских отношений (Сажин, 2019; Aghazada, Goncharova & Chernyavskiy, 2021; Alizada, 2021), проанализированы последствия ВКВ для региона Южного Кавказа (Агазаде, 2021b; Андреева, 2021; Balcı & Aslanlı, 2022; Çiçekçi, 2021; Avdaliani, 2022; Gök, 2022; Kaleji, 2021; Sapmaz, 2022; Sarıkaya, 2021).

В основе данного исследования лежит описательно-аналитический подход: необходимая информация была собрана путем изучения научных публикаций, документов и т. д. Гипотеза автора заключается в том, что новые геополитические реалии, сложившиеся после ВКВ на Южном Кавказе, требуют новых подходов к урегулированию региональных вопросов. Перед угрозой роста западного влияния, в том числе на фоне активизации политики Европейского союза (ЕС), миссия которого действует на территории Армении, необходимо продолжить усилия по работе в формате Кавказской платформы «3+3» (Азербайджан, Армения, Грузия + Россия, Турция, Иран). Полноценная реализация данного формата не только поможет избежать возможных столкновений между его участниками, создаст условия для регионального развития, но и поспособствует установлению нового регионального мироустройства путем нахождения общих интересов для вышеуказанных стран. Это, в свою очередь, будет способствовать построению доверительных отношений между азербайджанскими и иранскими властями и укреплению двустороннего взаимовыгодного сотрудничества.

ВКВ и позиция Ирана

С середины 1990-х гг. вплоть до 2020 г. иранские власти старались сохранять на Южном Кавказе статус-кво, сложившийся по окончании Первой карабахской войны, и были не заинтересованы в переходе армяно-азербайджанского конфликта в активную фазу. Эта позиция объясняется тем, что продолжение конфликта между двумя северными соседями Ирана оказывает негативное влияние на укрепление государственности Азербайджана, который по ряду причин рассматривается Тегераном в качестве угрозы для национальных интересов.

Во-первых, значительную часть населения ИРИ составляют этнические азербайджанцы, которые занимают высокие должности в армии, играют важную роль в духовно-религиозной жизни страны и в основном компактно проживают на северо-западе республики, в экономически отстающем регионе. Экономическое развитие АР, светский образ жизни «северных» азербайджанцев, с одной стороны, кажутся более привлекательными для «южной» части этой этнической группы, поэтому ежегодно тысячи иранских азербайджанцев посещают Азербайджан, а с другой — усиление АР дает импульс росту освободительного национализма среди тюркоязычного населения Ирана (Balci & Aslanli, 2022).

Во-вторых, Азербайджан является своего рода «мостом» между тюркоязычными странами Центральной Азии (ЦА) и Турцией, которой азербайджанские власти «позволяют» укрепить свое положение на Южном Кавказе. Превращением Тюркского Совета в Организацию тюркских государств (ОТГ) в 2021 г. (Gök, 2022, p. 113) была заложена основа институционализма в политической сфере. Продвижение Турцией пантюркистской идеологии путем наращивания своего военно-политического присутствия и торгово-экономических связей в регионе может стать причиной образования «тюркского пояса» на северных границах Ирана, что, возможно, станет угрозой для территориальной целостности ИРИ. В этой связи Армения рассматривается иранскими властями как барьер между

тюркскими государствами, и поддержка Тегераном Еревана на самом деле в определенной степени служит сохранению территориальной целостности ИРИ.

Наряду с вышеуказанными причинами позицию Ирана по армяно-азербайджанскому конфликту необходимо также рассмотреть с учетом следующих факторов.

Первый фактор — это официальная позиция иранских властей, которая заключается в признании территориальной целостности стран Южного Кавказа. Высокопоставленные иранские лица, включая Высшего руководителя А. Хаменеи, неоднократно заявляли в своих выступлениях о признании территориальной целостности Азербайджана, подчеркивая, что Карабах — это мусульманская земля (Sarıkaya, 2021, p. 94).

Религиозный аспект является *вторым фактором*, приведшим к идеологическим противоречиям во внешней политике Тегерана в отношении армяно-азербайджанского конфликта. Полноценная поддержка Ираном христианской Армении против мусульманского, тем более шиитского Азербайджана, не только не соответствует ст. 152 иранской Конституции, которая гласит, что внешняя политика ИРИ основана на защите прав всех мусульман², но и является одним из основных препятствий для развития двусторонних азербайджано-иранских военно-политических отношений.

Третий — является региональное мироустройство на Южном Кавказе, которое может оформиться в рамках Кавказской платформы «3+3», предложенной Турцией. Позиции Анкары и Тегерана по этому формату схожи, поскольку обе стороны подчеркивают важность обеспечения региональной безопасности, в том числе путем интенсивного сотрудничества между региональными игроками без участия представителей

² Конституция Исламской Республики Иран // Культурный институт Исламской Республики Иран. URL: <https://ru.irancultura.it/%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BD/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD/> (дата обращения: 25.02.2023).

коллективного Запада, и поддерживают идею о разблокировке всех транспортных сетей в регионе. Вместе с тем иранские власти неоднозначно оценивают возможную реализацию этого формата. Кроме того, осуществление данного проекта может привести к еще большему усилению Анкары в регионе в связи с тем, что Турция получит прямой доступ к транспортным маршрутам со странами ЦА, а интересы трех основных региональных игроков — России, Турции и Ирана — не совпадают в реализации всех транспортных проектов. Если Россия и Иран заинтересованы в развитии МТК «Север — Юг», то Турция делает ставку на Срединный транспортный коридор (Avdaliani, 2022, p. 135).

Четвертым фактором является геополитический фактор, основанный на взаимовыгодных отношениях между региональными и внерегиональными акторами. В частности, высокий уровень сотрудничества между Азербайджаном и Израилем заставляет Иран занять армянскую сторону, несмотря на то, что на территории Армении запущена миссия ЕС³ и функционирует второе самое большое посольство США в мире, насчитывающее 2500 дипломатов⁴. Если учесть, что в Иране не действуют дипломатические представительства США, становится ясно, почему так много американских «дипломатов» аккредитовано в Армении.

В связи с вышеизложенным начало боевых действий между Азербайджаном и Арменией 27 сентября 2020 г. стало серьезным вызовом для Ирана (Андреева, 2021, с. 108). В ходе войны Тегеран попытался сыграть роль посредника между Баку и Ереваном, однако его попытки не увенчались успехом (Агазаде, 2021b, с. 124). В целом иранские власти не смогли проявить какую-либо активность в ходе войны, а также проводить последовательную политику. Если в начале войны

иранские власти призывали к немедленному прекращению боевых действий, то со временем Тегеран занял выжидательную позицию. В начале ноября 2020 г., когда на поле боя ситуация однозначно складывалась в пользу Азербайджана, особое внимание привлекло заявление Верховного лидера Ирана А. Хаменеи о том, что Азербайджан имеет право на освобождение своей территории, оккупированной в течение трех десятилетий, и это указывает на попытку Тегерана приспособиться к новым реалиям в регионе (Sapmaz, 2022, p. 30).

Однако Иран не смог принять участие в переговорном процессе между Азербайджаном и Арменией, в рамках которого было подписано трехстороннее заявление 9 ноября 2020 г. с участием России. В соответствии с данным заявлением российские миротворческие силы дислоцированы на территории Азербайджана⁵, а по условиям переговоров между Москвой, Анкарой и Баку турецкие военные были размещены в Совместном российско-турецком центре по мониторингу режима прекращения огня в городе Агдам (Азербайджан). Несмотря на то что иранские власти приветствовали подписание этого заявления (Маркедонов, Каледжи, Хас, 2020, с. 21), исключение Ирана из этих процессов расценивается как политико-дипломатическая неудача Тегерана, так как Москва и Анкара, его исторические соперники, усилили свое влияние в регионе и ограничили возможности иранских властей на Южном Кавказе.

Таким образом, ВКВ и ее результаты нанесли серьезный удар по имиджу и интересам Ирана на Южном Кавказе, значительно ослабив его влияние на регион. Главной причиной этого стало то, что ИРИ не имеет военного союзника в регионе в отличие от России и Турции, хотя и является единственным региональным игроком, имеющим дипломатические отношения со всеми тремя странами Южного Кавказа⁶. Более того, из-за своей

³ Евросоюз запустил работу гражданской миссии в Армении // ТАСС. 20.02.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17094059> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Почему в Армении так много дипломатов США? // Аргументы и факты. 02.05.2018. URL: https://aif.ru/politics/world/pochemu_v_armenii_tak_mnog_o_diplomatov_ssha (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ У России нет дипломатических отношений с Грузией, а у Турции — с Арменией.

экономической слабости Тегеран не может играть заметную роль в региональных экономических процессах, что также ограничивает его действия в регионе (Атрисангари, 2020, с. 44).

Влияние ВКВ на азербайджано-иранские отношения: причины напряженности

Как известно, региональные и глобальные процессы не только взаимозависимы, но и взаимодополняют друг друга, в связи с чем уровень двусторонних отношений между странами, способными влиять на динамику геополитических и геоэкономических процессов, привлекает особое внимание. Учитывая стратегически выгодное географическое расположение Ирана и Азербайджана, позволяющее им стать значимыми звеньями в евразийских транспортных проектах, от уровня и качества отношений между этими странами в значительной степени зависит как актуальный статус региона Южного Кавказа, в том числе полноценное обеспечение региональной безопасности, так и транспортная геополитика в Центральной Евразии в целом. Однако если проанализировать азербайджано-иранские отношения в 1991—2019 гг., то становится ясно, что уровень взаимоотношений между азербайджанскими и иранскими властями отличается турбулентностью из-за отсутствия долгосрочного доверия и внешнеполитических отношений на высшем уровне (Агазаде, 2021а).

Данная тенденция сохранилась и после ВКВ в силу того, что разногласия между Баку и Тегераном по региональным вопросам усугубились. В целом факторы, повлиявшие на уровень двусторонних отношений после войны, можно разделить на две группы: внутривнутриполитические и внешнеполитические.

Внутриполитические факторы

Известно, что в Азербайджане и Иране проживают представители различных этнических групп, в том числе персоязычных и тюркоязычных народов. Численность персоязычного населения Азербайджана составляет около 1,3 % (Ибрагимов, Агазаде, 2017,

с. 203), однако вокруг численности азербайджанцев, проживающих на территории Ирана, не утихают споры. Основной причиной этого является то, что в соответствии с внутренней политикой иранские власти не включают вопрос об этнической принадлежности при проведении переписи населения, из-за чего в иранских и азербайджанских источниках цифры разнятся. Если в иранских источниках указывается, что около 15—20 млн человек, проживающих на территории ИРИ, являются азербайджанцами⁷, то в азербайджанских источниках этот показатель составляет 35—40 млн человек⁸.

Несмотря на отсутствие официальных документов ИРИ, подтверждающих количество азербайджанцев в Иране, их примерное число можно определить исходя из заявления А.А. Салехи, бывшего министра иностранных дел ИРИ, по словам которого 40 % населения Исламской Республики говорит на тюркском языке⁹. В опубликованной в 2013 г. статье, автором которой является сотрудник Ереванского государственного университета, на основе проведенного исследования сделан вывод, что численность азербайджанцев составляет примерно 85 % численности всех тюркоязычных народов, проживающих в Иране (Rashidvash, 2013, р. 220). Учитывая, что в настоящее время население Ирана составляет около 87 млн человек¹⁰, можно подсчитать, что на тюркском языке говорят примерно 35 млн человек ($87 \text{ млн} \times 40 / 100 = 34,8 \text{ млн}$). Если учесть, что около 85 % тюркоязычных народов, проживающих в

⁷ Ethnic Groups // Iranome. URL: http://www.iranome.ir/ethnic_groups (accessed: 27.02.2023).

⁸ “Cənubi Azərbaycanı 35—40 milyon azərbaycanlı yaşayır, onların 500 mini sərhədi keçsə, çox böyük sosial problemlər ola bilər” // Məclis. January 31, 2023. URL: <https://meclis.info/news/cnubi-azrbaycanda-35-40-milyon-azrbaycanli-yasayr-onlarn-500-mini-srhdi-kecs-cox-boyuk-sosial-problemlr-ola-bilr/> (accessed: 02.04.2023).

⁹ İranlı Bakan: ‘İran Halkının %40’ı Türkçe Konuşur’ // Youtube. January 12, 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=z0xQOXil7HM&ab_channel=AgoraMeydan%C4%B1 (accessed: 27.02.2023).

¹⁰ Население Ирана // Countrymeters. URL: <https://countrymeters.info/ru/Iran> (дата обращения: 27.02.2023).

Иране, являются азербайджанскими тюрками, то можно заключить, что на территории Ирана проживает 29,5 млн азербайджанцев ($34,8 \text{ млн} \times 85 / 100 = 29,58 \text{ млн}$, или 34 % населения ИРИ).

Кроме численности иранских азербайджанцев от других этнических групп, проживающих на территории ИРИ, также отличает способность быстрой мобилизации во время внутривластных событий. В этой связи иранские власти проводят осторожную политику в отношении АР с начала 1990-х гг., опасаясь, что Баку использует этнический фактор против Тегерана. Необходимо отметить, что азербайджанские власти также обеспокоены возможным использованием Ираном ираноязычных этнических групп, проживающих в Азербайджане. Однако, в отличие от азербайджанцев в ИРИ, ираноязычные группы в Азербайджане более лояльны по отношению к центральным властям (Aghazada, Goncharova & Chernyavskiy, 2021, p. 153).

Наряду с этнополитическим фактором религиозно-идеологический аспект также провоцирует напряженность между двумя странами. Азербайджан является одной из «первых и основных целей ирано-шиитского внимания» (Сажин, 2019, с. 165), в связи с чем он подвергался идеологическим атакам со стороны ИРИ с начала 1990-х гг., и деятельность Тегерана в этом направлении продолжается по сей день вне зависимости от состояния политических и торгово-экономических отношений между двумя странами. Основная цель иранских властей заключается в том, чтобы установить в Азербайджане систему, основанную на шиитской идеологии, то есть фактически изменить конституционное устройство страны¹¹. Примечательно, что долгие годы существовало мнение о том, что, имея шиитский рычаг в отношении Азербайджана, Тегеран обладает серьезным влиянием на Баку, поскольку

большинство населения АР исповедует джафаритский мазхаб. Однако ВКВ продемонстрировала, что на самом деле религиозный фактор не является эффективным механизмом для сдерживания Азербайджана в руках иранских властей, но время от времени становится причиной ухудшения двусторонних отношений.

Внешиполитические факторы

Среди внешнеполитических факторов, прежде всего, следует отметить растущее влияние Турции на геополитические процессы в Кавказско-Каспийском регионе. Начиная с 1990-х гг. сближение между Азербайджаном и Турцией вызывало беспокойство в Тегеране (Дудайти, 2022, с. 775), а первая серьезная обеспокоенность после ВКВ со стороны Ирана по этому поводу наблюдалась в декабре 2020 г., когда президент Турции Р.Т. Эрдоган, находясь в Баку, прочитал стихотворение о разделенном Азербайджане (Şeyban, 2022, p. 43). Подписанием 15 июня 2021 г. Шушинской декларации, выведшей азербайджано-турецкие отношения на качественно новый уровень (Агамалиев, Дадабаева, Савичева, 2022, с. 87), был де-юре оформлен азербайджано-турецкий военный союз, что и стало одной из основных причин возникновения напряженности в азербайджано-иранских отношениях летом 2021 г. Более того, избрание в августе 2021 г. Э. Раиси новым президентом ИРИ привело к ухудшению двусторонних отношений, поскольку, в отличие от своего предшественника Х. Рухани, при котором развитие азербайджано-иранских отношений достигло своего пика, новый президент ИРИ начал проводить более жесткий курс в отношении АР. Однако встреча президентов двух стран на полях 15-го саммита Организации экономического сотрудничества в Туркменистане 28 ноября 2021 г. временно снизила уровень напряженности¹².

¹¹ İranın Azərbaycana ideoloji həmlələri // Azvision. August 5, 2022. URL: <https://azvision.az/news/302298/--iranin-azerbaycana-ideoloji-hemleleri--.html> (accessed: 27.02.2023).

¹² Кондратьев В. Иран и Азербайджан провели двусторонние переговоры на полях саммита ОЭС // Каспийский вестник. 30.11.2021. URL: <http://casp-geo.ru/iran-i-azerbajdzhan-proveli-dvustoronnie-peregovory-napolyah-sammita-oes/> (дата обращения: 27.02.2023).

Азербайджано-израильские отношения являются следующим фактором, оказывающим серьезное влияние на отношения между АР и ИРИ. В основе тесного взаимодействия между Азербайджаном и Израилем лежит уравнивание угроз в международном, региональном и национальном контекстах (Çiçekçi, 2021, р. 282). Несмотря на отсутствие доказательств, иранские официальные лица часто заявляют о том, что Азербайджан предоставляет Израилю пространство для проведения разведывательных операций против ИРИ (Abbasov & Souleimanov, 2022, р. 146). В свою очередь, темп развития двусторонних отношений между Ираном и Арменией также сказывается на характере азербайджано-иранских отношений (Alizada, 2021). Другими словами, азербайджанские и иранские власти используют израильский и армянский факторы с целью сдерживания угроз со стороны друг друга.

Кроме вышеуказанных внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов другой важной причиной обострения азербайджано-иранских отношений является проведение военных учений после ВКВ вблизи границы с Азербайджаном, которых в 1991—2020 г. Иран ни разу не проводил. В связи с этим в своем выступлении президент Азербайджана И.Г. Алиев, подчеркивая, что каждая страна может проводить любые военные учения на своей территории, так как это ее суверенное право, задавался вопросом: «Почему во время оккупации нашей территории Арменией Иран не проводил военных учений? Почему это происходит после того, как мы освободили эти земли, положив конец 30-летней оккупации?»¹³

В свою очередь, проведение совместных военных маневров в сентябре 2021 г. с участием азербайджанских и турецких военных

¹³ Prezident İranın Azərbaycanla sərhəddəki hərbi təlimləri barədə: “Nə üçün bizim sərhədimizdə?” // Banker.az. September 27, 2021. URL: <https://banker.az/prezident-iranin-az%99rbaycanla-s%99rh%99dd%99ki-h%99rbi-t%99liml%99rin%99n%99-ucun-bizim-s%99rh%99dimiz%99/> (accessed: 27.02.2023).

на Каспии было встречено жесткой критикой со стороны официального представителя министерства иностранных дел Ирана С. Хатибзаде, считавшего такого рода мероприятия нарушением Конвенции о правовом статусе Каспия¹⁴. Действительно, согласно ст. 3 данной Конвенции, вооруженные силы, не принадлежащие прикаспийским странам, не могут присутствовать на Каспийском море¹⁵. Однако, несмотря на то, что парламенты других прибрежных стран ратифицировали данный документ, иранский Меджлис пока не сделал этого, в связи с чем Конвенция все еще не вступила в силу.

Еще одной причиной обострения двусторонних отношений стало открытие генконсульства Ирана в Капане на юге Армении 21 октября 2022 г.¹⁶ В ответ на этот шаг иранских властей в ноябре 2022 г. Азербайджан принял решение об открытии своего посольства в Израиле, а 29 марта 2023 г., во время официального визита министра иностранных дел АР Дж. Байрамова в Израиль, состоялась церемония официального открытия посольства¹⁷. Более того, визит в Баку президента Израиля И. Герцога 30—31 мая 2023 г.¹⁸, а затем два события, произошедших 1 июня 2023 г., — приостановка деятельности

¹⁴ Tehranın əsas dərdi // Azpolitika. September 14, 2021. URL: <https://azpolitika.info/?p=644017> (accessed: 27.02.2023). См. также: (Федоровская, 2022а, с. 105).

¹⁵ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561355353> (дата обращения: 27.02.2023).

¹⁶ В Капане состоялась церемония открытия Генерального консульства Ирана // МИД Республики Армении. 21.10.2022. URL: https://www.mfa.am/ru/speeches/2022/10/21/consulate_iran/11696 (дата обращения: 27.02.2023).

¹⁷ В Израиле состоялась церемония официального открытия посольства Азербайджана // Азербайджанское государственное информационное агентство «Азертадж». 29.03.2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/V_Izraile_sostoyalas_ceremoniya_oficialnogo_otkrytiya_posolstva_Azerbaidzhana_VIDEO-2549216 (дата обращения: 02.04.2023).

¹⁸ İsrail Prezidenti İsxak Hersoqun rəsmi qarşılama mərasimi olub // Azərbaycan Respublikası Prezidentinin rəsmi saytı. May 30, 2023. URL: <https://president.az/az/articles/view/60041> (accessed: 27.08.2023).

Культурного центра Ирана в Баку¹⁹ и объявление иранскими властями о том, что в Иране по обвинению в шпионаже арестован Ф. Сафарли, гражданин Азербайджана и студент Йенского университета в Германии, числившийся пропавшим без вести с 5 марта 2023 г.²⁰, — стали еще одной причиной ухудшения двусторонних политических отношений.

Одной из ключевых причин напряженности является позиция Ирана по Зангезурскому коридору²¹. Согласно п. 9 заявления от 9 ноября 2020 г., подписанного лидерами России, Азербайджана и Армении, все транспортные и экономические связи на Южном Кавказе должны быть разблокированы, а также по согласованию с Баку и Ереваном должно быть обеспечено строительство новых транспортных коридоров, связывающих Нахичеванскую Автономную Республику (НАР) с другими регионами Азербайджана²². Открытие этого коридора не только позволит Азербайджану получить самый короткий и выгодный путь к Нахичевани, но и сделает Баку независимым от Ирана в вопросах транзита и обеспечения энергетической безопасности НАР (в частности после строительства турецкой части газопровода Ыгдыр — Нахичевань)²³. Однако иранские власти выступили

категорически против реализации этого проекта, ссылаясь на возможную потерю связей с Арменией в случае открытия этого коридора.

Кульминационной точкой в ухудшении азербайджано-иранских отношений стало нападение на посольство АР в Тегеране 27 января 2023 г., в результате чего погиб один сотрудник службы охраны посольства, а двое других получили ранения²⁴. 28 января, на следующий день после инцидента, состоялись телефонные переговоры между президентами двух стран, И.Г. Алиевым и Э. Раиси. Выразив соболезнования, иранский президент отметил, что нападение на посольство не должно повлиять на отношения с Азербайджаном²⁵. Однако 30 января посольство Азербайджана в Тегеране полностью приостановило свою деятельность²⁶.

6 февраля МИД Азербайджана опубликовало видео, на котором запечатлено, как нападающий делал жесты рукой неизвестным людям на расстоянии, а также как иранские полицейские, проезжая в служебной машине мимо посольства, в течение нескольких секунд разговаривали с полицейским, охраняющим посольство, а затем уехали²⁷. 17 февраля И.Г. Алиев прямо обвинил иранские власти в причастности к нападению²⁸, в ответ на что представитель МИД Ирана призвал официальных лиц Азербайджана воздержаться

¹⁹ İranın Azərbaycanadakı Mədəniyyət Mərkəzinin fəaliyyəti dayandırıldı // Banker.az. June 2, 2023. URL: <https://banker.az/iranin-az%C9%99rbaycandaki-m%C9%99d%C9%99niyy%C9%99t-m%C9%99rk%C9%99zinin-f%C9%99aliyy%C9%99ti-dayandırıldı/> (accessed: 27.08.2023).

²⁰ İranda Fərid Səfərliyə 2 il həbs verilib // Azadlıq radiosu. August 18, 2023. URL: <https://www.azadliq.org/a/ferid-seferli-iran-hebs/32554013.html> (accessed: 27.08.2023).

²¹ Данный коридор называется Зангезурским или Сюникским коридором в зависимости от политической позиции различных экспертов. Однако учитывая его геополитическое значение для региона, данный маршрут можно назвать Южнокавказским коридором.

²² Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2023).

²³ Gasimov K. Construction of Turkish Part of Iğdir — Nakhchivan Gas Pipeline to Begin Soon — Minister // Trend News Agency. March 30, 2023. URL: <https://en.trend.az/business/energy/3728825.html> (accessed: 04.04.2023).

²⁴ Isayev H. Azerbaijan's President Blames Iran for Embassy Attack // Eurasianet. February 21, 2023. URL: <https://eurasianet.org/azerbaijans-president-blames-iran-for-embassy-attack> (accessed: 01.03.2023).

²⁵ Motamedi M. Iran Says Embassy Attack Should Not Affect Azerbaijan Relations // Al-Jazeera. January 29, 2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/29/iran-says-embassy-attack-should-not-affect-azerbaijan-relations> (accessed: 01.03.2023).

²⁶ Azerbaijan Completely Suspends Tehran Embassy Operations, Evacuates Staff // Azernews. January 30, 2023. URL: <https://www.azernews.az/nation/205665.html> (accessed: 01.03.2023).

²⁷ İrandaکی səfirliyimizə hücumun heç yerdə görmədiyiniz tam görüntüləri // Youtube. February 6, 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZZ87s8IogE&t=1043s&ab_channel=AZTV (accessed: 01.03.2023).

²⁸ Isayev H. Azerbaijan's President Blames Iran for Embassy Attack // Eurasianet. February 21, 2023. URL: <https://eurasianet.org/azerbaijans-president-blames-iran-for-embassy-attack> (accessed: 01.03.2023).

от преубеждений и политизации нападения на азербайджанское посольство в Тегеране²⁹.

Торгово-экономические отношения на фоне напряженности

Несомненно, ВКВ, ее результаты и последствия на Южном Кавказе стали поворотной точкой в двусторонних отношениях между АР и ИРИ в политической сфере. Одним из ключевых последствий войны стало восстановление полного контроля Баку над всей границей между АР и ИРИ. Очевидно также, что в ходе и после войны иранским властям пришлось скорректировать свою позицию как в отношении Баку, так и в отношении Еревана, что привело к усилению напряженности в политических отношениях между Азербайджаном и Ираном³⁰. Традиционно во время ухудшения двусторонних политических отношений снижался объем торгового оборота, однако в этот раз, несмотря на то что двусторонние политические отношения переживают, по всей видимости, самый худший период в своей истории, наблюдается рост объема торгового оборота. Как представляется, это отражает новую тенденцию в отношениях между Баку и Тегераном.

Если торговый оборот между двумя странами в 2020 г. составлял 339,1 млн долл. США, то в 2021 г. этот показатель достиг 440,8 млн долл. США, а в 2022 г. — 506,2 млн долл. США. Уровень торгово-экономических отношений не снизился даже после нападения на посольство АР в Тегеране в конце января 2023 г.: наоборот, наблюдался рост объемов экспорта товаров из Ирана в Азербайджан. В целом за период с 1 января по 30 сентября 2023 г. Азербайджан импортировал из Ирана товары на сумму 340,8 млн долл. США (табл. 1).

²⁹ Iran Calls on Azerbaijan to Avoid Politicization of Fatal Mission Attack // Fars News Agency. February 20, 2023. URL: <https://www.farsnews.ir/en/news/14011201000195/Iran-Calls-n-Azerbaijan-Avid-Pliicizain-f-Faal-Missin-Aack> (accessed: 01.03.2023).

³⁰ Suleymanov R. Economic Cooperation between Azerbaijan and Iran: A Basis for New Geopolitical Shifts // Institute for Development and Diplomacy. July 17, 2022. URL: https://idd.az/media/2022/11/15/idd_policy_brief_suleymanov_17_july.pdf (accessed: 01.03.2023).

Таблица 1
Торговые отношения между АР и ИРИ в 2019—2023 гг., млн долл. США

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023 (январь — сентябрь)
Импорт	452,7	300,6	397,6	476,4	340,8
Экспорт	41,1	38,5	43,2	29,8	11,7
Торговый оборот	493,8	339,1	440,8	506,2	352,5
Торговый баланс	-411,6	-262,1	-354,4	-446,6	-329,1
Доля в общем импорте, %	3,31	2,80	3,4	3,28	2,70
Доля в общем экспорте, %	0,2	0,28	0,19	0,08	0,04
Доля в общем торговом обороте, %	1,48	1,38	1,30	0,96	0,90

Источник: составлено автором на основе статистических данных, размещенных на официальных сайтах Государственного комитета статистики Азербайджанской Республики и Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики: Ticarət // Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika komitəsi. URL: <https://www.stat.gov.az/source/trade/?lang=az> (accessed: 10.10.2023); Xarici ticarətin vəziyyəti haqqında arayış // Azərbaycan Respublikası Dövlət Gömrük komitəsi. URL: <https://customs.gov.az/az/faydali/gomruk-statistikasi/xarici-ticaretin-veziyyeti-haqqinda> (accessed: 10.10.2023).

Эту новую положительную тенденцию можно объяснить следующим образом. Экономике обеих стран в значительной степени пострадали из-за коронавирусной инфекции COVID-19, что оказало влияние и на двусторонние торгово-экономические отношения, снизив объем торгового оборота с 493,8 млн долл. США в 2019 г. до 339,1 млн долл. США в 2020 г. (см. табл. 1). Поэтому, несмотря на напряженность в политических отношениях, желание вернуться к прежним показателем вынудило Баку и Тегеран улучшать состояние двусторонних торгово-экономических отношений. Например, в ноябре 2021 г. президентами Азербайджана, Ирана и Туркменистана было подписано соглашение о своле природного газа, которое предусматривает ежегодные поставки из Туркменистана в Азербайджан через территорию Ирана природного

газа объемом от 1,5 до 2 млрд куб. м в год, или 5—6 млн куб. м в сутки (Белов, Савичева, 2021, с. 620). В июне 2022 г. стороны договорились удвоить объемы поставляемого газа³¹.

Кроме того, Азербайджан является ключевым экономическим партнером Ирана на Южном Кавказе, и более 51 % объема торговли ИРИ с регионом приходится на АР (Kaleji, 2021, p. 127). В условиях санкций, применяемых против ИРИ, Тегеран не намерен терять своего ведущего торгового партнера в этом регионе.

По причине того, что после ВКВ влияние ИРИ на Южном Кавказе серьезно ослабло, иранские власти стремятся играть важную роль в железнодорожных и автомобильных транспортных системах, соединяющих Азию и Европу, которые проходят через регион³². С этой целью 11 марта 2022 г. Тегеран подписал с Баку меморандум о взаимопонимании по созданию железных и автомобильных дорог, соединяющих Восточно-Зангезурский экономический район Азербайджана и Нахичеванскую Автономную Республику через территорию Ирана. Согласно документу, для создания нового коридора планируется строительство четырех мостов и двух железных дорог через р. Аракс³³. Благодаря данному коридору Азербайджан получит короткий сухопутный маршрут до Нахичевани, а Иран сможет выступить в качестве транзитной территории между Турцией и Азербайджаном. Кроме того, ИРИ является единственным прямым транзитным маршрутом для АР, ведущим к Персидскому заливу. Тем самым

реализация этого проекта повысит политическую и экономическую взаимозависимость двух стран.

Необходимо отдельно рассмотреть роль и место Азербайджана и Ирана в транспортной геополитике Центральной Евразии. Следует отметить, что на сегодня в Центральной Евразии реализуется два ключевых транспортных проекта: МТК «Север — Юг» и Срединный транспортный коридор. Обе страны являются важной частью МТК «Север — Юг» (рис. 1): для Ирана этот коридор является маршрутом транзита и торговли с Россией, Грузией и Беларусью, а Азербайджану — позволяет диверсифицировать экономику, повышает значимость страны в транспортной геополитике Евразии, а также способствует решению внешнеполитических задач.

На фоне украинского кризиса и западных санкций против России увеличивается значимость маршрута Азербайджан — Иран и для Москвы. Поэтому напряженность между АР и ИРИ рассматривается Россией как попытка открытия нового фронта на Южном Кавказе, в связи с чем Москва пытается играть посредническую роль между Баку и Тегераном. Любая возможная напряженность в азербайджано-иранских отношениях может привести к ухудшению ситуации в целом на Южном Кавказе, где Россия имеет исторически сложившиеся интересы, а также к приостановке транспортных проектов, что не отвечает экономическим интересам Москвы. В частности, в условиях санкций, применяемых Западом, рост военных угроз на южных рубежах РФ угрожает безопасности мирного населения и распространению радикальной исламистской идеологии в российском обществе.

Неслучайно 8 сентября 2022 г. состоялась трехсторонняя встреча между Азербайджаном, Ираном и Россией в Баку, в результате которой была подписана декларация о развитии МТК «Север — Юг»³⁴.

³¹ Тегеран: Туркменистан удвоит поставки газа в Азербайджан через Иран // Бизнес Туркменистан. 03.06.2022. URL: <https://business.com.tm/ru/post/8704/tegeran-turkmenistan-udvoit-postavki-gaza-v-azerbaidzhan-cherez-iran> (дата обращения: 17.04.2023).

³² Shaffer B. Iran's Policy Toward the Caucasus and Central Asia // *Central Asia — Caucasus Analyst*. August 17, 2022. URL: <https://www.cacianalyst.org/resources/220817-FT-Iran.pdf> (accessed: 17.04.2023).

³³ Sharifli Y. New Transport Agreement between Azerbaijan and Iran and Its Implications on Bilateral and Regional Policy // *Caucasus Watch*. June 7, 2022. URL: <https://caucasuswatch.de/en/insights/new-transport-agreement-between-azerbaijan-and-iran-and-its-implications-on-bilateral-and-regional-policy.html> (accessed: 17.04.2023).

³⁴ Iran, Azerbaijan, Russia Agree for Development of INSTC // *Shargh*. September 10, 2022. URL: <https://www.sharghdaily.com/Section-iran-256/855727-iran-azerbaijan-russia-agree-for-development-of-instc> (accessed: 17.04.2023).

Международный транспортный коридор «Север – Юг»

Мультимодальный международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг» связывает северо-западную часть Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и страны Скандинавии с государствами Центральной Азии (ЦА), Персидского залива и Индийского океана

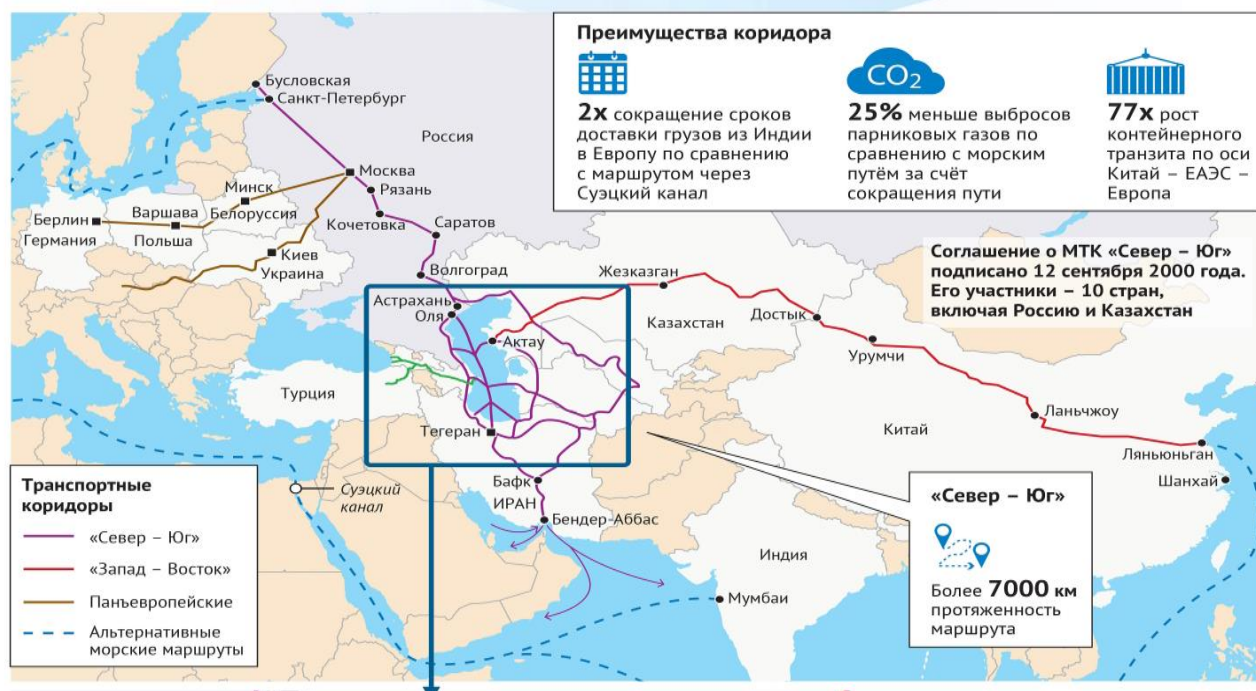

Рис. 1. МТК «Север — Юг»

Источник: Международный транспортный коридор «Север — Юг» // Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай». 28.02.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/mtk-sever-yug/> (дата обращения: 05.04.2023).

Важным элементом документа является договоренность о строительстве железной дороги Астара — Решт и увеличении транзита грузов по МТК «Север — Юг» до 30 млн тонн к 2030 г.³⁵ Более того, территория Азербайджана является единственным прямым и недорогим сухопутным маршрутом между Россией и Ираном, что, в частности, после подписания соглашения о свободной торговле между ИРИ и ЕАЭС в январе 2023 г. обрело особую важность³⁶. Тем самым взаимодействие между прибрежными странами Каспийского

моря должно послужить основой этого коридора и стимулировать региональную интеграцию (Малышева, 2021, с. 61).

Срединный коридор, известный также как Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), является своего рода продолжением коридора «Восток — Запад». Проект направлен на соединение Китая с Турцией через Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию, а дальше пролегает в Европу (Борзова, Савичева, Кулумбегова, 2022, с. 865) (рис. 2). Вместе с тем необходимо отметить, что МТК «Север — Юг» и ТМТМ являются «соперниками», что привело к столкновению интересов региональных и глобальных центров силы: если МТК «Север — Юг» поддерживается Россией, Ираном и Индией, то на ТМТМ делают ставки Китай и Турция.

³⁵ Iran, Azerbaijan, Russia Agree for Development of INSTC // Shargh. September 10, 2022. URL: <https://www.sharghdaily.com/Section-iran-256/855727-iran-azerbaijan-russia-agree-for-development-of-instc> (accessed: 17.04.2023).

³⁶ Иран и ЕАЭС подписали соглашение о свободной торговле // ТАСС. 19.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16840757> (дата обращения: 17.04.2023).

Рис. 2. Транскаспийский международный транспортный маршрут (Срединный коридор)

Источник: Маршрут // Международная ассоциация «Транскаспийский международный транспортный маршрут». URL: <https://middlecorridor.com/ru/marshrut> (дата обращения: 05.04.2023).

Отдельно необходимо отметить, что благодаря географическому положению Азербайджан принимает участие в обоих проектах, что увеличивает его значимость в транспортной геополитике Евразии и превращает его в ведущий транспортный центр (Федоровская, 2022b, с. 124). Учитывая, что участие в этих коридорах и позиция региональных и глобальных центров силы по развитию этих проектов во многом определяют межгосударственные отношения, а также то, что оба маршрута проходят через Кавказско-Каспийский регион, можно сделать вывод, что Кавказско-Каспийский регион на сегодня является новым «Хартлендом» Евразии.

Заключение

Вторая карабахская война, с одной стороны, создала условия для изменения того традиционного баланса, который существовал на Южном Кавказе на протяжении 25 лет, а с другой — изменила региональный

геополитический контекст, открыв новые возможности для внутрирегиональных интеграционных процессов.

Учитывая общие исторические, этнокультурные и религиозные ценности, при исследовании отношений между АР и ИРИ следовало бы увидеть положительную динамику во всех сферах двустороннего сотрудничества, однако различные позиции по региональным вопросам, внутривосточные и внешнеполитические факторы оказывают негативное влияние на темп развития азербайджано-иранских отношений. Наряду с этим отсутствие доверия между властями двух стран является серьезным препятствием на пути развития отношений. Это обусловлено политикой Баку и Тегерана в отношении друг друга в области обеспечения безопасности на государственной границе, а также прагматическими элементами их внешней политики, базирующимися на восприятии угроз. Если иранские власти оценивают развитие военно-политических отношений

Азербайджана с Турцией и Израилем как возможную угрозу для территориальной целостности ИРИ, то всесторонняя поддержка Еревана со стороны Тегерана рассматривается азербайджанскими властями как препятствие на пути урегулирования армяно-азербайджанского конфликта.

Однако, несмотря на напряженность, возникшую в азербайджано-иранских политических отношениях после Второй карабахской

войны, торгово-экономические связи между двумя странами сохраняют темп развития, что, возможно, в ближайшем будущем выведет политические отношения, включающие элементы конфликтности и соперничества, на уровень, основанный на взаимных интересах и способствующий региональной безопасности и ускоренному экономическому развитию.

Поступила в редакцию / Received: 24.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 10.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Агазаде М. М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021а. Т. 21, № 4. С. 803—821. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821>
- Агазаде М. М. Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? // Постсоветские исследования. 2021б. Т. 4, № 2. С. 119—126.
- Агамалиев С. М., Дадабаева З. А., Савичева Е. М. Контуры Нагорно-Карабахской войны 2020 г: позиции ключевых акторов // Вопросы истории. 2022. № 1—2. С. 82—92.
- Андреева Е. С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5. С. 104—116. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_104
- Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 1. С. 32—48. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48>
- Белов В. И., Савичева Е. М. Иран и Азербайджан: вызовы безопасности и сотрудничеству // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 7. С. 615—625.
- Борзова А. Ю., Савичева Е. М., Кулумбегова Л. Т. Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 8. С. 861—871.
- Дудайти А. К. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте регионального взаимодействия России, Ирана и Турции в постсоветский период // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 8. С. 771—779.
- Ибрагимов А. Г., Агазаде М. М. Внешняя политика Азербайджанской Республики // Внешняя политика стран СНГ / под ред. Д. А. Дегтерева, К. П. Курылева. Москва: Аспект Пресс, 2017. С. 202—225.
- Мальшичева Д. Б. Международный транспортный коридор «Север — Юг» в стратегии России // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2. С. 59—72. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-59-72>
- Маркедонов С. Каледжи В., Хас К. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Москва: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020.
- Сажин В. И. Иран — Азербайджан: азербайджанский вопрос сегодня // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 157—172.
- Федоровская И. М. Иран и новая геополитическая ситуация на Южном Кавказе // Россия и новые государства Евразии. 2022а. № 1. С. 102—110. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-102-110>
- Федоровская И. М. Проекты развития транспортной инфраструктуры Закавказья // Россия и новые государства Евразии. 2022б. № 4. С. 123—131. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-123-131>
- Федоровская И. М. Транспортные проекты Азербайджана // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 1. С. 118—126. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-1-118-126>
- Abbasov N., Souleimanov E. A. Azerbaijan, Israel, and Iran: An Unlikely Triangle Shaping the Northern Middle East // Middle East Policy. 2022. Vol. 29, iss. 1. P. 139—153. <https://doi.org/10.1111/mepo.12611>
- Aghazada M. M., Goncharova A. A., Chernyavskiy S. I. Azerbaijani Turks in Iran: From the History to the Modernity // Voprosy Istorii. 2021. No. 5—1. P. 145—156.

- Akçay N., Guo Changgang.* Türkiye's Middle Corridor and China's BRI: Identification and Assessment // *Insight Turkey*. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 63—74. <https://doi.org/10.25253/99.2023251.4>
- Alizada N.* İran'da Türk Kimliği: Dünü ve Bugünü. İstanbul : Kutlu Yayınevi, 2021.
- Avdaliani E.* New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus. Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-4037-8>
- Balcı Ç., Aslanlı K.* 2. Karabağ Savaşı ve İran: Stratejik İletişim Perspektifi. İstanbul : İran Araştırmaları Merkezi, 2022.
- Belov (Yurtaev) V. I., Binish.* India, Russia and Iran: A New Study on “North — South” International Transport Corridor // *Information and Innovations*. 2021. Vol. 16, no. 4. P. 18—25. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25>
- Çiçekçi C.* İkinci Dağlık Karabağ Savaşı Işığında İsrail — Azerbaycan İlişkileri: Yapısal ve Analitik Bir Çerçeve // *Güvenlik Çalışmaları Dergisi*. 2021. Vol. 23, iss. 2. P. 267—285. <https://doi.org/10.54627/gcd.949893>
- Gök A.* Türk Devletleri Teşkilatı ve Dağlık Karabağ Zaferinin Yarattığı Fırsatlar // *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. 2022. Ağustos. P. 109—145. <https://doi.org/10.17752/guvenlikstrjtj.1093710>
- Kaleji V.* Iran and Azerbaijan after the Second Karabakh War // *Baku Dialogues*. 2021. Vol. 5, no. 1. P. 126—146.
- Rashidvash V.* Iranian People: Iranian Ethnic Groups // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013. Vol. 3, no. 15. P. 216—226.
- Sanaei M., Karami J.* Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 25—49. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49>
- Sapmaz A.* İran'ın Azerbaycan'a Yönelik Dış Politikası: İkinci Karabağ Savaşı'nın Belirleyiciliği // *SDE Akademi Dergisi*. 2022. Vol. 2, iss. 4. P. 12—43.
- Sarıkaya Y.* İranın İkinci Karabağ Savaşı Tutumu: Takke Düştü Kel Göründü // *Giresun Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi*. 2021. Vol. 7, no. 1. P. 84—103. <https://doi.org/10.46849/guiibd.872423>
- Sattarov F.* The Emerging Potential of the Middle Corridor // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 2022. No. 21. P. 198—207.
- Şeyban S.* Etki ve Sonuçları Bakımından İkinci Karabağ Savaşı'nı Farklı Açıdan Okumak: Türk Dünyası ve Dönüşen İş Birliği // *Demokrasi Platformu Dergisi*. 2022. Vol. 11, iss. 36. P. 32—62.

Сведения об авторе:

Agazade Mirmexhti Mirkamil oglı — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-734-747

EDN: PPIALJ

Научная статья / Research article

«Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии

Р.Т. Мамедов

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

 rashid_mamedov_2000@mail.ru

Аннотация. Рассматривается стратегическое использование «мягкой силы» как неотъемлемого компонента внешней политики Турции в регионе Южного Кавказа. Исследуются стратегии и механизмы, с помощью которых Турция проецирует свое культурное, экономическое и дипломатическое влияние в регионе, оцениваются целенаправленные усилия Турции по улучшению своего имиджа, авторитета и значимости в Грузии. Уделяя особое внимание культурной дипломатии, образовательным обменам, гуманитарной помощи и экономическому партнерству, автор раскрывает, как Турция стремится формировать восприятие собственного имиджа, развивать сотрудничество и укреплять геополитическое положение. Методологически исследование базируется на конкретных примерах применения турецкой «мягкой силы» в Грузии. Помимо этого автор анализирует общие рамки политики Турции в этой южнокавказской стране с помощью историко-описательного метода. Анализ контента турецких СМИ и других проводников турецкой культуры, таких как ТВ-шоу, фильмы, сериалы и др., применялся для понимания того, как Анкара использует «мягкую силу» для продвижения своих культурных и политических интересов в Грузии. Посредством эмпирического анализа рассматриваются инициативы Турции в области «мягкой силы», включая продвижение турецкого языка и культуры, образовательные стипендии и гуманитарную помощь. Кроме того, в исследовании изучено восприятие инициатив Турции в области «мягкой силы» местным населением и оценено влияние этих инициатив на региональную динамику. Полученные результаты подчеркивают многогранный характер турецкой «мягкой силы» и последствия ее применения для Грузии. Учитывая христианское большинство населения южнокавказской республики, Турция опирается на светские инструменты своей «мягкой силы», при этом не отказываясь от религиозного влияния на мусульманские общины в стране.

Ключевые слова: внешняя политика, Южный Кавказ, мягкая сила, Маариф, Диянет, дипломатия мыльных опер

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мамедов Р. Т. «Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 734—747. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-734-747>

© Мамедов Р.Т., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Soft Power” as a Part of Turkish Foreign Policy in Georgia

Rashid T. Mamedov

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 rashid_mamedov_2000@mail.ru

Abstract. This study examines the strategic use of soft power as an integral component of Türkiye’s foreign policy in the South Caucasus region. The author explores the strategies and mechanisms by which Türkiye projects its cultural, economic, and diplomatic influence in the region. It also examines Türkiye’s purposeful efforts to improve its image, authority and significance in Georgia. Paying special attention to cultural diplomacy, educational exchanges, humanitarian aid and economic partnership, the paper reveals how Türkiye seeks to shape its perceptions, develop cooperation and strengthen its geopolitical position. Methodologically, the study is based on case studies of Turkish soft power in Georgia. In addition, the author analyzes the general framework of Turkish policy in Georgia using the historical-descriptive method. The content analysis of Turkish media and other Turkish cultural agents such as TV shows, films, serials, etc. was used to understand how Ankara uses soft power to promote its cultural and political interests in Georgia. Through empirical analysis, the study examines specific examples of Türkiye’s soft power initiatives, including the promotion of the Turkish language and culture, educational scholarships and humanitarian aid. In addition, the study examines the perception of Türkiye’s soft power initiatives by the local population and assesses their impact on regional dynamics. The findings emphasize the multifaceted nature of Turkish soft power and the consequences of its use for Georgia. Given Georgia’s Christian majority, Türkiye relies on secular instruments of its soft power, while not giving up religious influence on the Muslim communities of Georgia.

Key words: foreign policy, South Caucasus, soft power, Maarif, Diyanet, soap operas diplomacy

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Mamedov, R. T. (2023). “Soft power” as a part of Turkish foreign policy in Georgia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 734—747. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-734-747>

Введение

С начала правления Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. механизмы «мягкой силы» постепенно стали приобретать все более значимый характер в реализации внешнеполитических планов Анкары. Следует отметить, что ключевые инструменты политики, основанные на исторической, культурной и языковой общности, а также основные институты турецкой «мягкой силы» оформились еще в 1990-е гг. Однако Партия справедливости и развития за годы пребывания у власти выработала эффективный комплекс мер реализации «мягкой силы», благодаря чему Анкара укрепляет свои позиции в различных регионах мира несиловым путем. Потенциал «мягкой силы» Турции огромен, из-за чего можно предположить, что страна и дальше будет наращивать свое присутствие в других государствах с ее помощью.

Грузия наряду с Азербайджаном является объектом турецкой «мягкой силы» в регионе Южного Кавказа. Грузия обладает важным

географическим положением, ресурсами, страны связывает длительный период взаимоотношений. В годы холодной войны отношения между двумя соседними странами были заморожены из-за противостояния между коммунистическим и капиталистическим блоками. Южный Кавказ считался чувствительной пограничной зоной и зоной потенциального конфликта между Советским Союзом и НАТО. Турецко-грузинская граница была закрыта и строго контролировалась, что препятствовало установлению каких-либо контактов между двумя соседними странами (Rohoziński et al., 2008, pp. 31—40). Однако с момента установления дипломатических отношений в 1991 г. страны заново открыли друг друга и перешли к тесному взаимодействию в различных областях. Турция осуществляет политику «мягкой силы» в отношении в Грузии через культурное, образовательное и экономическое сотрудничество.

Грузины и турки не являются родственными народами, в большинстве своем

исповедуют разные религии. Поэтому использование Турцией исламской и тюркской части своей политической идентичности существенно ограничено. Территориальное положение Грузии выделяет ее на фоне южнокавказских соседей, поскольку именно через Грузию проходят основные транспортные пути, связывающие Турцию с Азербайджаном, Россией и делающие возможным ее экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии. Грузия служит важным транзитным маршрутом для энергоресурсов, особенно нефти и природного газа, из Каспийского региона на международные рынки. Трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан и газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум являются важными проектами, которые подчеркивают роль Грузии в энергетической безопасности и экономических интересах Турции. Кроме того, Грузия сохраняет нейтралитет на фоне сложных армяно-азербайджанских отношений. Для Грузии важность Турции проявляется в первую очередь в экономической сфере. В частности, страна обеспечивает транзит грузинских товаров, направляющихся на рынки Европы и Ближнего Востока. Близость турецких портов и хорошо развитая транспортная сеть позволяют Грузии получить доступ к мировым торговым маршрутам, повышая ее экспортный потенциал. Более того, Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии. Турция является популярным туристическим направлением для грузин, и наоборот. Этот туристический обмен укрепляет связи между людьми, способствует культурному взаимопониманию и получению экономических выгод в секторе туризма для обеих стран.

Говоря об исторических связях с Турцией, следует отметить, что непосредственно в состав Османской империи входила Западная Грузия, к которой относятся такие регионы, как Аджария, Мегрелия, Гурия и Имеретия. Примечательно, что современная гуманитарная политика Турции направлена прежде всего на мусульманские регионы: Аджарию и Квемо-Картли. При этом целый ряд проектов реализуются и в Тбилиси.

Обзор литературы и методология

Важную роль для нашего исследования играет идеология «неоосманства», содержание которой заключается в наращивании политического влияния Турции в странах, ранее входивших в состав Османской империи. Для успешного применения механизмов «мягкой силы» турецкие политики использовали различные инструменты в зависимости от трех доминирующих идеологических концепций — пантюркизма, панисламизма, «неоосманства». На связь между внешнеполитической доктриной «неоосманства» и активизацией присутствия Анкары на бывших территориях Османской империи указывали следующие авторы: В.А. Аватков (2014b), А.Б. Бурашникова (2013), И.В. Кудряшова и В.В. Матюхин (Кудряшова, Матюхин, 2013), Э.Т. Мехдиев (2016), М.А. Шпаковская и О.В. Барнашов (Шпаковская, Барнашов, 2018), А.И. Зубкова (2015), Е.А. Сафонкина (2014), В.А. Надеин-Раевский¹. Эти авторы выделяли истоки, а также основные черты и направления стратегии реализации политики «неоосманства». Кроме того, важно ознакомиться с работами таких зарубежных авторов, как М.Б. Алтунышик (Altunışık, 2010), Ш. Кардаш (Kardaş, 2011; 2012), Ф.С. Ларраби (Larrabee & Lesser, 2003).

Невозможно пройти мимо работы одного из идеологов турецкой политики Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина», в которой он представил новое видение турецкой внешней политики в духе неоосманской идеологии (Davutoğlu, 2001). В книге предлагаются новые рамки турецкой внешней политики, основанные на «стратегической глубине», которая проистекает из исторического и культурного наследия Турции как моста между Европой и Азией. Внешнеполитическая доктрина, изложенная в работе, играла роль основного ориентира турецкой внешней

¹ Надеин-Раевский В. А. Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции // Российский совет по международным делам. 03.09.2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii/> (дата обращения: 24.08.2023).

политики на протяжении практически десятилетия. Основной упор в контексте переосмысления роли Турции в условиях трансформации международной системы по окончании холодной войны на региональном и глобальном уровнях делался на уникальном характере сочетания в ней особенностей геополитического положения и историко-культурного «бэкграунда». Выделяя данные характеристики и причисляя Турцию к группе «центральных» держав, А. Давутоглу обосновывал претензии Турецкой Республики на роль ключевого игрока как в рамках различных регионов (Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Центральная Азия и т. д.), так и в масштабах мировой системы, опираясь прежде всего на внутренний потенциал страны как правопреемницы Османской империи с ее богатой историей.

Следует упомянуть работы, посвященные месту «мягкой силы» во внешней политике Турции. Среди отечественных авторов можно выделить работу А.И. Алиевой (Алиева, 2014), где анализируется использование Турцией «мягкой силы» в своей внешней политике по отношению к странам Ближнего Востока, Балкан и Кавказа. Кроме того, в исследовании рассматривается культурная дипломатия Турции и роль турецких неправительственных организаций (НПО) в продвижении турецкой «мягкой силы» за рубежом. Зарубежные авторы также посвятили этому вопросу немало работ: так, к примеру, можно выделить статьи Н. Аназа (Anaz, 2022), С. Чевика (Çevik, 2019), М. Алтунишик (Altunışık, 2008), Х. Алтыная (Altınay, 2008).

В отдельную группу следует выделить работы, посвященные непосредственно политике Турции в отношении Грузии. Особенностям этой политики посвящены работы отечественных авторов: В.А. Аваткова (Аватков, 2014а), В. Иванова (Ivanov, 2011), Л.М. Александриян (2016). Кроме того, большой вклад в разработку этой темы внесли зарубежные исследователи: И. Чхиквадзе (Chkhikvadze, 2011), Й. Рогозинский (Rohoziński et al., 2008, pp. 31—40), Д.Р. Гёксел (Göksel, 2013), К. Киришджи и А. Моффат (Kirişçi & Moffat, 2015), М. Челикпала (Çelikpala, 2005;

Çelikpala & Veliyev, 2015), С. Чолакоглу (Çolakoglu, 2011).

В качестве методологии исследования автор использовал метод кейс-стади, рассматривая конкретные примеры применения механизмов турецкой «мягкой силы» в Грузии. Это помогло понять специфику внедрения этих механизмов и их влияния на местные сообщества. Кроме того, был проведен сравнительный анализ, позволивший выявить сильные и слабые стороны турецкой «мягкой силы» в Грузии. С помощью историко-описательного метода были проанализированы общие рамки турецкой политики в Грузии. Анализ контента турецких СМИ и других проводников турецкой культуры, таких как телевизионные шоу, фильмы, сериалы и музыка, применялся с целью понимания того, как Турция использует «мягкую силу» для продвижения своих культурных и политических интересов в Грузии.

Роль мягкой силы во внешней политике Турции

Важной составляющей турецкой «мягкой силы» является ценностный аспект. В 1923 г. Турецкая Республика была основана как демократическое и светское государство. Это была одна из первых стран, предоставивших женщинам право голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах, действуя в соответствии с принципом М.К. Ататюрка «Мир дома — мир во всем мире». Определенные демократические ценности продолжают сохранять свое значение в турецком обществе до сих пор. Поэтому для мусульманских стран Ближнего Востока Турция привлекательна тем, что является светским, демократическим правовым государством (Keуman, 2010). Светскость и принадлежность к мусульманскому миру выгодно выделяла Турцию как среди региональных игроков (Иран), так и на фоне глобальных держав (Balci, 2005).

Важность турецкой модели признавали американские аналитики и государственные служащие. В Турции они видели страну, которая будет продвигать ценности, присущие

американской модели: демократию, капитализм и секуляризм (Benhaïm & Öktem, 2015). Таким образом, поддержка турецкой модели американцами — это прежде всего способ для США продвигать свои интересы. Это было особенно характерно для американских аналитических центров времен администрации Дж. Буша-младшего². Популяризация образа демократической страны была характерна и для самих турок³. Приверженность распространению демократии и экономическому развитию прослеживается, например, в проведенном до прихода к власти в Египте Мухаммеда Мурси интервью министра иностранных дел Турции в 2009—2014 гг. Ахмета Давутоглу изданию Американского университета в Каире в марте 2012 г.⁴

Все это положительно сказывалось на имидже Турции, что нашло отражение в Индексе «мягкой силы», в котором Турция занимает 20-е место⁵. Положительные аспекты внутренней политики и государственного управления, а именно демократизация, сохранение светскости и экономический рост долгое время играли важную роль в укреплении международного авторитета Турции.

За последние годы ситуация стала меняться, что отрицательно сказалось на при-

влекательности страны. После парламентских выборов 2015 г. в Турции наблюдался заметный всплеск авторитарных тенденций, что нашло отражение в докладе *Freedom House* «Свобода в мире». За пятилетний период рейтинг свободы в стране снизился с 38 пунктов в 2017 г. до 32 пунктов в 2022 г., что позволяет классифицировать Турцию как «несвободную страну»⁶. Ограничения распространяются и на сферу Интернета. Турция вводит строгие меры цензуры и ограничивает доступ к международным источникам информации⁷. Такие рейтинги подчеркивают вызывающий тревогу регресс в сфере свободы в Турции и создают препятствия для наращивания ее потенциала «мягкой силы».

Кроме того, непопулярные и спорные решения, принятые политическими лидерами республики, также способствовали снижению привлекательности Турции. Вмешательство Р.Т. Эрдогана, настойчиво выступавшего за снижение процентных ставок, несмотря на критику экономистов, в денежно-кредитную политику государства во время пандемии привело к рекордному падению курса турецкой лиры осенью 2021 г. Эти события усугубили снижение привлекательности Турции на мировой арене⁸.

Турция продвигает свое культурное наследие, состоящее из османского, тюркского и исламского компонентов. Так, на сайте МИД Турции важность Турции для НАТО объясняется следующим образом: Турция мобилизует свою «мягкую силу», используя свои глубокие исторические связи с населением и странами в широкой географии, где действует НАТО. Примерами выступают миссии НАТО в Боснии, Косово, Македонии и Афганистане, — конфликтах, в которых Турция смогла использовать свою религиозную и культурную самобытность для

² Fifth Annual Turgut Ozal Memorial Lecture // The Washington Institute for Near East Policy. March 15, 2002. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/fifth-annual-turgut-ozal-memorial-lecture> (accessed: 14.05.2023).

³ Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Mr. Ahmet Davutoğlu to EU Ambassadors on the Occasion of Europe Day, 8 May 2009, Ankara // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. May 8, 2009. URL: https://www.mfa.gov.tr/speech-delivered-by-the-minister-of-foreign-affairs-h_e_-mr_-ahmet-davutoglu-to-eu-ambassadors-on-the-occasion-of-europe-day_-8-may-2009_-ankara.en.mfa (accessed: 14.05.2023).

⁴ Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu published in AUC Cairo Review (Egypt) on 12 March 2012 // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. March 12, 2012. URL: https://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_-ahmet-davuto%C4%9Flu-published-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (accessed: 14.05.2023).

⁵ Global Soft Power Index // Brand Finance. 2023. URL: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2023-digital.pdf> (accessed: 11.05.2023).

⁶ Turkey: Freedom in the World 2022 Country Report // Freedom House. 2022. URL: <https://freedomhouse.org/country/turkey/freedom-world/2022> (accessed: 11.05.2023).

⁷ Ibid.

⁸ Рекордное падение турецкой лиры. Почему это произошло и что ждет Турцию дальше // ТАСС. 29.11.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13050995> (дата обращения: 11.05.2023).

установления доверительных отношений с местным мусульманским населением⁹.

Продвижением турецкого языка, культуры и искусства успешно занимается Институт Юнуса Эмре. Фонд Юнуса Эмре был создан в соответствии с законом № 5653 в 2007 г. с целью расширения культурного обмена Турции с другими странами, популяризации турецкого языка, истории, культуры и искусства, предоставления услуг в зарубежных странах тем, кто желает получить образование по турецкому языку, культуре и искусству, а также развития дружбы между Турцией и другими странами мира¹⁰. Начав свою деятельность примерно через два года после основания Фонда Юнуса Эмре, Институт Юнуса Эмре на данный момент имеет 56 культурных центров за рубежом¹¹. Институт организует множество мероприятий с целью ознакомления и популяризации турецкой культуры и искусства.

Османским наследием турецкая «мягкая сила» не ограничивается. Так, Турция активно продвигает свою современную культуру и искусство через различные платформы. Например, Стамбульская биеннале является одним из самых важных событий современного искусства в мире, а турецкая киноиндустрия в последние годы получила международное признание.

Значимая роль в продвижении бренда Турции принадлежит Турецкому агентству по сотрудничеству и координации (ТІКА). ТІКА — финансируемая правительством организация, которая была создана в 1992 г. с целью укрепления своих двусторонних связей с тюркскими республиками бывшего СССР¹².

⁹ Türkiye's Relations with NATO // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/nato.en.mfa> (accessed: 14.05.2023).

¹⁰ 5653 Nolu Kanun // T.C. Resmi Gazete. May 18, 2007. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2007/05/20070518-3.htm> (accessed: 14.05.2023).

¹¹ Yunus Emre Foundation // Yunus Emre Enstitüsü. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/kurumsal/yunus-emre-enstitusu> (accessed: 14.05.2023).

¹² Kanun No. 4668. Türk İşbirliği ve Kalkınma İdaresi Başkanlığının Teşkilât ve Görevleri Hakkında Kanun // T.C. Resmi Gazete. May 7, 2012. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2001/05/20010512.htm#1> (accessed: 14.05.2023).

ТІКА в основном выполняла функции организации, которая могла бы осуществлять гуманитарную деятельность и координировать приоритеты внешней политики. ТІКА отвечает за налаживание и реализацию программ официальной помощи Турции в целях развития, которые включают широкий спектр проектов, связанных с образованием, здравоохранением, сельским хозяйством, инфраструктурой и многим другим (Akilli & Çelenk, 2019). Турция является активным поставщиком гуманитарной помощи, особенно в таких кризисных зонах, как Сирия, Ирак и Палестина, что способствует положительному имиджу Турецкой Республики и репутации ответственного регионального игрока¹³.

ТІКА работает в более чем 170 странах и имеет офисы и представительства по всему миру, а объем инвестируемых средств составляет 8,14 млрд долл. США (Akilli & Çelenk, 2019, p. 142). В своей работе агентство руководствуется принципами уважения к местной культуре, устойчивого развития и инклюзивности. Посредством своих программ развития и культурных программ ТІКА стремится выстраивать прочные партнерские отношения и способствовать взаимопониманию между Турцией и другими странами, тем самым укрепляя «мягкую силу» Турции и глобальное влияние.

Важной составляющей культурного аспекта «мягкой силы» является религиозное влияние Турции. Будучи преимущественно мусульманской страной, Турция зарекомендовала себя как центр исламской мысли и сторонник политического ислама в регионе. В этом контексте главным агентом «мягкой силы» выступает Управление по делам религии (Диянет). Диянет использовался в ряде важных аспектов нового курса турецкой внешней политики, что отражает исламистскую идентичность и интересы Турции. Диянет

¹³ No:119 -;21 Temmuz 2003, Bakanlığımızın Irak Dışişleri Bakanlığı'nın yeniden yapılandırılması çalışmalarına destek olması hk // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 2003. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_119--_21-temmuz-2003_-bakanligimizin-irak-disisleri-bakanligi_nin-yeniden-yapilandirilmesi-calismalarina-destek-olmasi-hk.tr.mfa (accessed: 20.04.2023).

занимается формированием идентичности и идеологии, например, путем издания фетв (исламских юридических заключений), осуществляет надзор за религиозными институтами страны и участвует в информационно-пропагандистских мероприятиях среди турецких общин и мусульман по всему. Более того, Диянет осуществляет благотворительную деятельность на международном уровне. Так, Диянет оказал поддержку Ираку и Сирии поставками продовольствия¹⁴.

Турция активно стремится расширить свои экономические связи с другими странами посредством торговли, инвестиций и инфраструктурных проектов. Например, Турция наращивает свое экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа¹⁵ путем заключения соглашений о свободной торговле, совместных инвестиционных проектов и предоставления финансовой и технической помощи. По сообщению бывшего министра торговли Турции Мехмета Муша, за 2020 г. экспорт Турции составил рекордные 225 млрд долл. США, а общий товарооборот — почти 500 млрд долл. США¹⁶. М. Муш отметил, что сегодня турецкие товары можно купить в любой стране мира, что свидетельствует о доверии к Турции как производителю качественных товаров¹⁷.

Еще одной составляющей гуманитарного аспекта является образовательная политика. Внешняя политика Турции в сфере образования направлена на установление более тесных связей с другими странами и содействие культурному обмену и сотрудничеству через образовательные программы. Турция активно привлекает иностранных студентов

посредством учреждения ряда стипендий, студенческих обменов и получения совместных степеней. Следует выделить *Türkiye Bursları*, которая предлагает широкий спектр стипендиальных программ для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантов, а также исследовательские стипендии и языковые курсы¹⁸. С момента своего основания *Türkiye Bursları* стала одной из самых престижных стипендиальных программ в мире, более 30 тыс. иностранных студентов из 171 страны получили стипендии для обучения в Турции¹⁹. Программа внесла значительный вклад в продвижение высшего образования и культуры Турции во всем мире и укрепила отношения Турции с другими странами. В стране также находится ряд международных университетов, которые предлагают курсы на английском языке и привлекают студентов со всего мира.

Долгое время турецкое образование за рубежом ассоциировалось исключительно со школами Фетхуллага Гюлена. Они представляли собой сеть образовательных учреждений, созданных последователями турецкого писателя и проповедника Ф. Гюлена. Школы предлагали светское образование с акцентом на технические науки. Несмотря на некоторую критику за пропаганду ислама и турецких ценностей школ со стороны светского истеблишмента²⁰, они успешно функционировали в 160 странах мира²¹. Настоящим ударом по школам стал конфликт Ф. Гюлена с Р.Т. Эрдоганом. В результате правительство

¹⁴ Kriz Bölgeleri // Türkiye Diyanet Vakfı. URL: <https://tdv.org/tr-TR/faaliyetlerimiz/kriz-bolgeleri/> (accessed: 20.04.2023).

¹⁵ Türkiye's Relations with Southern Caucasus Countries // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-s-relations-with-southern-caucasus.en.mfa> (accessed: 14.05.2023).

¹⁶ Turkish Exports to Surpass Year-End Target: Trade Minister // Daily Sabah. December 16, 2022. URL: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkish-exports-to-surpass-year-end-target-trade-minister> (accessed: 14.05.2023).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ About Us // Türkiye Scholarships. URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/about> (accessed: 14.05.2023).

¹⁹ Türkiye Bursları'na 2022'de 171 Ülkeden Yaklaşık 170 Bin Başvuru Yapıldı // Anadolu Agency. December 30, 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-burslarina-2022de-171-ulkeden-yaklasik-170-bin-basvuru-yapildi/2776032> (accessed: 14.05.2023).

²⁰ Aydıntaşbaş A. The Good, the Bad and the Gülenists // European Council on Foreign Relations. September 23, 2016. URL: https://ecfr.eu/publication/the_good_the_bad_and_the_gulenists7131/ (accessed: 14.05.2023).

²¹ US State Department Human Rights Report Cites Albania's Closure of Gülen-linked Schools // Turkish Minute. March 22, 2023. URL: <https://turkishminute.com/2023/03/22/us-state-department-human-right-report-cite-albanias-closure-of-gulen-linked-schools/> (accessed: 14.05.2023).

предприняло шаги по закрытию этих школ в Турции и обратилось к другим странам с просьбой сделать то же самое.

Однако сразу после «разгрома» школ Ф. Гюлена Турцией была предложена альтернатива в виде образовательного комплекса «Маариф». Турецкий фонд «Маариф» — некоммерческая организация, основанная турецким правительством в 2016 г. для предоставления образовательных услуг за рубежом²². Организация стремится продвигать и распространять турецкую культуру и язык, наводить мосты между различными странами и вносить вклад в развитие человеческих ресурсов во всем мире. Школы «Маариф» работают более чем в 67 странах, включая Балканы, Центральную Азию, Африку и Ближний Восток, и в настоящее время существует более чем 250 учебных заведений фонда²³. Организация также предоставляет стипендии студентам из разных стран для обучения в Турции и поддерживает академические и научные исследования.

«Мягкая сила» Турции в Грузии

Описанные выше инструменты «мягкой силы» в той или иной степени присутствуют в Грузии. Значимую роль в укреплении турецко-грузинских связей играет ТІКА, которая реализует крупномасштабные проекты в Грузии с 1994 г. Программы, завершенные в последние годы, включали улучшение социальной и экономической инфраструктуры, сферы услуг, организацию образовательных программ (профессиональное, языковое обучение), ремонт и оснащение учебных центров, здравоохранение, улучшение качества питьевой воды и санитарных условий²⁴.

²² Yarar E. Maarif Foundation Becomes Global Brand in Education for Turkey // Daily Sabah. June 14, 2020. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/news-analysis/maarif-foundation-becomes-global-brand-in-education-for-turkey> (accessed: 14.05.2023).

²³ Kasap S. Turkey Makes Maarif Foundation Global Education Brand // Anadolu Agency. October 2, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/education/turkey-makes-maarif-foundation-global-education-brand/1599532> (accessed: 14.05.2023).

²⁴ Central Asia and Caucasus. Projects and Activities // ТІКА Program Coordination Offices. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/2016/INGILIZCE%20SITE>

Помимо этого, ТІКА реализует различные культурно-образовательные программы: помогает адаптироваться турецким студентам в Грузии, организует благотворительные мероприятия, способствующие закреплению положительного образа Турции. С 2000 г. ТІКА реализует проект «Тюркология», в рамках которого в грузинских вузах для расширения исследований по этой тематике и повышения уровня заинтересованности Турцией среди грузинского населения были созданы отделения тюркологии²⁵. Заслуживает внимания проведенная совместно с новостным агентством *Anadolu* «Онлайн-программа в области журналистики нового поколения для базового и продвинутого уровней». В ходе данной программы обучение прошли более 800 представителей прессы из 22 стран, включая Грузию²⁶.

В 2012 г. Грузия получила 4,23 % от общей финансовой, профессиональной и технической поддержки ТІКА, что сделало ее седьмым по объему получателем поддержки от ТІКА (Ter-Matevosyan, 2014). В 2011 г. по количеству реализуемых в рамках ТІКА проектов Грузия занимала второе место на постсоветском пространстве после Киргизии²⁷, в 2019 г. — 5-е место среди постсоветских стран²⁸. Несмотря на некоторый спад, поддержка все еще остается значительной, что подчеркивает особое значение Грузии во внешней политике Турции. Следует отметить, что бенефициарами ТІКА являются

[%20ESERLER/TANITIM%20BRO%C5%9E%C3%9CRLER%C4%B0/PDF/Central%20Asia%20and%20Caucasus%20-%20Projects%20and%20Activities.pdf](https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_and_aa_provide_basic_and_advanced_new_generation_journalism_training-63660) (accessed: 25.10.2022).

²⁵ ТІКА'dan Gürcistan Doğubilim Enstitüsüne Destek // ТІКА. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/haber/tika_dan_gurcistan_dogubilim_enstitusune_destek-48263 (accessed: 11.10.2022).

²⁶ ТІКА and AA Provide Basic and Advanced New Generation Journalism Training // ТІКА. URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_and_aa_provide_basic_and_advanced_new_generation_journalism_training-63660 (accessed: 11.10.2022).

²⁷ Ibid.

²⁸ Turkish Development Assistance Report 2019 // ТІКА. 2019. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/publication/2019/TurkiyeKalkinma2019WebENG.pdf> (accessed: 11.10.2022).

в основном населенные мусульманами территории Грузии, и лишь несколько программ были реализованы в Тбилиси и Гори.

Популяризацией турецкой культуры в Грузии занимается Центр турецкой культуры Юнуса Эмре, открытый при Тбилисском государственном университете им. И. Джавахишвили в мае 2012 г. бывшим заместителем премьер-министра Турции Бюлентом Аринчем²⁹. Центр проводит различные культурные мероприятия, дни культуры Турции, реализует научные проекты и учебные курсы по тюркологии.

Заслуживает внимания проект «Я предпочитаю турецкий», в рамках которого по инициативе Института Юнуса Эмре в начальных, средних и высших учебных заведениях ряда стран: Боснии и Герцеговины, Грузии, Польши, Японии, Египта, Черногории и Румынии — ведется преподавание турецкого в качестве второго иностранного языка. Турция активизировала свою политику в языковой сфере, организовав международные экзамены по турецкому языку. С точки зрения своего формата и статуса они являются аналогами таких экзаменов, как *IELTS*, *TOEFL*, *TEF* и т. п. Существуют два международных экзамена по турецкому языку, по итогам прохождения которых можно получить сертификат об уровне владения языком, необходимый при поступлении в турецкие вузы, для преподавания турецкого языка, работы переводчиком и т. д. В первую очередь, это экзамен на знание турецкого языка (*Türkçe Yeterlik Sınavı, TYS*), проводимый Институтом Юнуса Эмре, а именно его культурными центрами по всему миру три раза в год. Также необходимо отметить экзамен Центра изучения турецкого языка при Анкарском университете (*TÖMER*), проводимый только на территории Турции. Преимуществом этих экзаменов является небольшая стоимость в сравнении с аналогами по английскому, французскому или немецкому языкам. Многие университеты сотрудничают с Институтом Юнуса Эмре для

проведения экзамена на знание турецкого языка.

Турецкие религиозные организации открыли несколько десятков школ-интернатов в Аджарии, где дети из бедных сельских семей обучаются бесплатно, после чего многие отправляются в Турцию, чтобы получить религиозное образование. Примечательно, что с 1993 г. несколько тысяч граждан Грузии, в основном из Аджарии и Квемо-Картли (регион Юго-Восточной Грузии, население которого в значительной степени является мусульманским), уехали в Турцию для получения религиозного образования (как высшего, так и профессионального) и прохождения коранических курсов (Liles, 2012). Большинство из них вернулись и были зачислены на службу в мечети в разных населенных пунктах.

По данным за 2009 г., 184 мечети находятся в Аджарии, 140 из которых были построены за последние годы (Liles, 2012, p. 15). По данным на май 2014 г., в Грузии насчитывалось уже 311 мечетей³⁰, и, несмотря на то, что большинство из них являются молитвенными домами, официально они зарегистрированы как мечети.

Таким образом, Турция представлена на всех уровнях образования в Грузии. Турецкая Республика имеет различные инструменты, которые повышают важность турецкого языка как языка науки и экономической деятельности. Турция использует местные структуры для формирования кадров, знакомых с местной спецификой.

Говоря о турецкой «мягкой силе», нельзя не упомянуть такой феномен, как турецкие сериалы, которые получили большую популярность в разных частях мира: арабских странах, на Балканах, в Центральной Азии. В Грузии турецкие сериалы также достаточно популярны. Благодаря интересу аудитории повышается и интерес к турецкому языку

²⁹ Şeker M. Yunus Emre Tiflis'te // Yeni Şafak. June 2, 2012. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/mehmet-seker/yunus-emre-tifliste-32657> (accessed: 11.10.2022).

³⁰ New Adjara Head Faces Conservative Backlash after Approving Batumi Mosque // OC Media. July 24, 2018. URL: <https://oc-media.org/new-adjara-head-faces-conservative-backlash-after-approving-batumi-mosque/> (accessed: 11.10.2022).

и культуре³¹. Турецкие сериалы заменили латиноамериканские, которые имели высокие рейтинги в 90-е гг. XX в. Первым турецким сериалом, вышедшим в эфир на грузинском телеканале «Маэстро», стал «*Aşk ve Ceza*» («Любовь и наказание»). Сериал имел колоссальный успех, а главных героев Саваш и Ясмин обсуждала вся Грузия. Темой для обсуждения стала и личная жизнь актеров, участвующих в сериале: Мурат Йылдырым, исполнивший роль Саваша, женат на грузинке, его часто встречают в Батуми. Такой успех дал импульс запуску еще двух сериалов. Примеру «Маэстро» последовали и другие грузинские телеканалы. Сейчас турецкие сериалы транслируются на трех грузинских каналах: «Маэстро», «Рустави 2» и «Имеди» — по два часа в день³². Одним из факторов закрепления турецких сериалов, выделяющихся на фоне подобных продуктов из других стран, является трансляция понятных грузинам ценностей, декларирующих важность семьи, религии и традиционной морали.

Если Азербайджан для Турции является важным источником энергоресурсов, то значение Грузии заключается в том, что она служит важнейшим транспортным узлом, соединяющим Турцию с Азией. Поэтому Турция инвестировала в современную инфраструктуру Грузии, включая порты, железные дороги и автомагистрали, способствуя развитию региональной и международной торговли. Стратегическое расположение страны и транспортные сети предоставляют возможности для транзитной торговли, энергетических коридоров и региональных связей, повышая ее значимость в регионе.

В экономическом плане Турция стала крупным торговым партнером Грузии, объем

³¹ Türk Dizileri Gürcistan'da Türk Dilinin Elçileri Oldu // Anadolu Agency. November 28, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/turk-dizileri-gurcistaninda-turk-dilinin-elcileri-oldu/1657785> (accessed: 07.11.2022).

³² Batiashvili Z. Peculiarities of “Soft Power” in the Example of Turkish Soap Operas // Georgian Foundation for Strategic and International Studies. 2020. URL: <https://gfsis.org.ge/files/library/opinion-papers/137-expert-opinion-eng.pdf> (accessed: 07.11.2022).

двусторонней торговли за последние годы достиг рекордно высокого уровня³³. Турция вложила значительные средства в инфраструктуру Грузии, включая строительство крупного трубопровода для транспортировки природного газа из Азербайджана через Грузию в Турцию. Обе страны играют очень важную роль в соединении Центральной Азии и Кавказа с Европой. Турция также принимала участие в различных энергетических проектах в Грузии.

Экономическое сотрудничество было закреплено подписанием 21 ноября 2007 г. Соглашения о свободной торговле³⁴. Тем самым между странами установились более тесные экономические и торговые отношения. Подписание документа стало очень важным событием, поскольку оно устранило тарифные и нетарифные барьеры в торговле между двумя соседними странами. Соглашение о свободной торговле помогло Турции стать крупнейшим торговым партнером Грузии (Aydin, 2011, p. 146). Объем торговли между двумя странами начал постепенно расти после подписания этого соглашения. В 2007 г. объем торговли между Турцией и Грузией составил 900 млн долл. США, из которых 728 млн пришлось на турецкий экспорт. В 2012 г. объем товарооборота между двумя соседними странами достиг 1,4 млрд долл. США. В 2012 г. импорт из Грузии составил 180 млн долл. США, тогда как экспорт Турции в Грузию — 1,25 млрд долл. США. Хотя Грузия занимает незначительное место во внешней торговле Турции, последняя стала основным торговым партнером Грузии с общим оборотом в 1,8 млрд долл. США в 2020 г.³⁵ Турции

³³ External Merchandise Trade of Georgia in 2022 (Preliminary) // National Statistics Office of Georgia. 20.01.2023. URL: <https://www.geostat.ge/media/50862/External-Merchandise-Trade-of-Georgia-in-2022-%28Preliminary%29.pdf> (accessed: 07.11.2022).

³⁴ Georgia // Ministry of Trade of Republic of Türkiye. URL: <https://www.trade.gov.tr/free-trade-agreements/georgia> (accessed: 07.11.2022).

³⁵ Trade Data Georgia // UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org/TradeFlow?Frequency=A&Flows=M&CommodityCodes=TOTAL&Partners=100&Reporters=792&period=2022&AggregateBy=none&BreakdownMode=plus> (accessed: 14.05.2023).

принадлежит 18 % грузинского импорта, что делает ее крупнейшим импортером Грузии, а доля в экспорте достигает 7,8 %³⁶.

Турция входит в десятку крупнейших иностранных инвесторов в Грузии. Турецкие фирмы были очень активно вовлечены в грузинскую программу приватизации, которая началась после «революции роз» 2003 г. Правительство Грузии призвало турецкие компании больше инвестировать в Грузию, чтобы снизить экономическую зависимость от Российской Федерации и остановить экспансию российских фирм в стране. До сих пор турецкая сторона инвестировала в основном в строительство, транспорт, телекоммуникации, банковское дело, энергетические проекты, пищевую промышленность, туризм и сельское хозяйство³⁷.

Грузия осуществила комплексные экономические реформы для улучшения своей бизнес-среды и привлечения иностранных инвестиций. Она занимает более высокое место с точки зрения легкости ведения бизнеса по сравнению с другими странами Южного Кавказа. Правительство сосредоточило свое внимание на создании благоприятного инвестиционного климата, поощрении предпринимательства и упрощении бюрократических процедур, что привело к увеличению прямых иностранных инвестиций. Все это объясняет такую активность турецкого бизнеса в Грузии, особенно в Аджарии.

Турецкие компании стали важными инвесторами в Грузии, и лишь американские фирмы имеют большую долю рынка, чем турецкие. Компании из Турции активно участвовали в строительных работах (включая строительство терминалов аэропортов и гидроэлектростанций), инвестировали в стекольный завод, телекоммуникационные компании

и предприятия по эксплуатации аэропортов. Они создали целый ряд малых и средних компаний в Грузии³⁸.

Говоря о Грузии, в сфере НПО следует отметить Ассоциацию грузинских и турецких бизнесменов *GÜRTIAD*, основанную в 1999 г. в городе Тбилиси пятью членами-основателями: Тамазом Чинкараули, Хасаном Байрактаром, Османом Тураном, Джошкуном Башманавом и Ильясом Дурмушем. Ассоциацией руководят 11 членов правления. В настоящее время ассоциация насчитывает 95 грузинских и турецких членов (корпоративные компании, представительства, частные лица), которые осуществляют бизнес в Грузии и представлены в 25 различных областях, таких как строительство, здравоохранение, социальные услуги, банковское дело, обрабатывающая промышленность, торговля, продукты питания и напитки, логистика, туризм и гостиничный менеджмент, текстиль, розничная торговля. Целью организации является улучшение отношений между Грузией и Турцией посредством создания платформы для деловых людей обеих стран.

Деятельность Диянет также охватила несколько сфер в Грузии, которые преимущественно касаются религиозных и духовных вопросов. Диянет функционирует в Турции с 1924 г., а с 1980-х гг. Управление расширило свою активность за рубежом, накопив богатый опыт работы с иностранными мусульманскими общинами. Диянет помогает гражданам Грузии в организации хаджа, обучении имамов, подготовке теологов, предоставлении стипендий для обучения в аспирантуре, распространении исламской литературы на грузинском языке. Диянет также координирует финансовую поддержку и консультации в области восстановления мечетей и строительства новых (Ter-Matevosyan, 2014). Руководство Диянет посетило Грузию в 2009 г., а глава Грузинской Православной Церкви посетил

³⁶ Georgia Imports by Country // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/georgia/imports-by-country> (accessed: 14.05.2023).

³⁷ Glogowska J. Turkey and Georgia: Strategic Connections // Bilgesam. March 23, 2012. URL: http://www.bilgesam.org/en/index.php?option=com_content&view=article&id=497:turkey-and-georgia-strategic-connections&catid=86:analizlerkafkaslar&Itemid=145 (accessed: 14.05.2023).

³⁸ Арунова М. Р. Турция — Грузия: сотрудничество и проблемы // Институт Ближнего Востока. 15.10.2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7629#more-7629> (дата обращения: 14.05.2023).

Турцию и встретился с лидером Диянет в мае 2014 г. (Ter-Matevosyan, 2014, p. 22).

В 1995 г. Президиум по делам религий учредил Евразийский исламский совет (ЕИС) (*Avrasya Islam Şurası*), который стал важным фактором в продвижении интересов Турции среди мусульманских общин СНГ (Ter-Matevosyan, 2014). На данный момент ЕИС организовал восемь конференций, в которых также приняли участие лидеры мусульманской общины Грузии, включая муфтиев Аджарии.

Интересна ситуация в регионе Квемо-Картли, в котором большинство населения составляют азербайджанцы, традиционно исповедовавшие ислам шиитского толка, в отличие от аджарцев-суннитов. В этом регионе, так же как и в самом Азербайджане, количество суннитов растет. Этот процесс связан с деятельностью суннитских благотворительных организаций, в частности ТІКА и Диянет. Большинство суннитских имамов Грузии получают финансовые субсидии от Анкары и являются продолжателями идеологии турецких религиозных проповедников Османа Нури Топбаша и Ахмета Махмута Унлю. Также планируется открытие суннитских образовательных центров с включением в педагогический состав турецких богословов в местах компактного проживания шиитов в Квемо-Картли. В частности, по просьбе Диянет в 2021 г. турецкое руководство выделило около 3 млн долл. США на открытие новых религиозных учебных заведений в регионах и отдельных населенных пунктах Грузии, а также на заработную плату проповедникам-суннитам³⁹.

Безусловно, главным противником Диянет и его активности в Грузии является Грузинская Православная Церковь. Между двумя странами существует некоторая религиозная напряженность. Часть грузинского общества с традиционными взглядами и духовенство,

политическая роль которого в последние годы возрастает, не одобряют религиозную активность некоторых турецких организаций на своей территории, особенно в Аджарии. Турции приходится считаться с этой частью грузинского общества. Так, например, во время восстановления мечети Азизие в Батуми, одного из символов османского наследия и доминирования в регионе, турецкая сторона предложила восстановить старые грузинские церкви в Турции, чтобы уравновесить и устранить эту напряженность⁴⁰. Усилия по сотрудничеству продолжаются, но их окончательный результат остается неопределенным, а успех зависит от укрепления двусторонних отношений.

Заключение

В кейсе Грузии нашли свое отражение общие принципы и подходы «мягкой силы» Турции: использование гуманитарной помощи, применение образовательной политики и особый акцент на культурную близость и общее историческое наследие. Данные факторы должны были помочь Турции установить связи с новыми государствами после окончания холодной войны, развивая с ними всестороннее экономическое, политическое и культурное сотрудничество.

Несомненно, содержание «мягкой силы» формировалось под влиянием внутреннего контекста турецкой политики. Поэтому неудивительно, что на раннем этапе, когда страна в глазах мирового сообщества продолжала оставаться светской и демократической, турецкими политиками использовалась «турецкая модель». Стремление большинства стран Балкан и Южного Кавказа интегрироваться с ЕС играло на руку Турции, поскольку образ демократического и светского государства, которое к тому же входит в НАТО, выгодно выделяло Турцию на фоне других региональных центров силы.

³⁹ Mamedov K. Turkey Radicalizes the Azerbaijani Community of Georgia // *Atalayar*. February 22, 2022. URL: <https://www.atalayar.com/en/opinion/kemran-mamedov/turkey-radicalizes-azerbaijani-community-georgia/20220216143705136179.html> (accessed: 11.10.2022).

⁴⁰ Menabde G. Restoration of Aziz Mosque in Adjara Reignites Debate Over Ottoman Legacy in Georgia // *RefWorld*. February 8, 2016. URL: <https://www.refworld.org/docid/56baed524.html> (accessed: 11.10.2022).

Уникальное историческое наследие Турции позволяет ей продвигать свою «мягкую силу» за счет трех аспектов своей политической идентичности: тюркской, исламской и османской, что она успешно и делает, особенно в регионах, где эти аспекты пересекаются. На этом фоне выделяется кейс Грузии. Страна является христианской, большинство населения не принадлежит к тюркскому миру, а единственный объединяющий фактор — османский — вызывает отрицательные ассоциации, поскольку напоминает об османском владычестве над частью страны. Поэтому на передний план в формировании привлекательного имиджа выходят такие характеристики Турции, как демократичность и светскость. Членство в НАТО и экономический рост делают сотрудничество с Турцией еще более актуальным для Грузии.

Следует отметить, что Турция эффективно использовала свою «мягкую силу» для укрепления отношений с Грузией. Благодаря культурным, экономическим и дипломатическим инициативам Турции удалось расширить свое влияние и улучшить имидж в стране, особенно на раннем этапе возобновления отношений. Однако переориентация внешней политики Турции на Ближний Восток, совпавшая с пересмотром традиционной внешней политики, усилила исламский аспект в общественно-политическом пространстве Турции. Данный факт отрицательно сказывается на турецкой «мягкой силе» в Грузии, поскольку ставит под сомнение имидж Турции как светской и демократической страны.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 07.10.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А. Внешнеполитическая линия Турецкой Республики в отношении стран Закавказья в контексте внешнеполитической идеологии Турции // Ежегодник ИМИ. 2014а. № 2. С. 13—22.
- Аватков В. А. Неосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014б. № 3. С. 71—78.
- Александрян Л. М. Политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 72—79.
- Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6, № 3. С. 63—94.
- Бурашников А. Б. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 2. С. 65—69.
- Зубкова А. И. Мягкая сила Турции: феномен “soft power” как инструмент культурной дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 52—62.
- Кудряшова И. В., Матюхин В. В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. № 3. С. 117—136.
- Мехдиев Э. Т. «Неосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 32—39.
- Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9, № 2. С. 145—166.
- Шпаковская М. А., Барнашов О. В. Концепция неосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2. С. 30—36.
- Akilli E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2019. Vol. 21, no. 3. P. 135—151. <https://doi.org/10.25253/99.2018EV.05>
- Altınay H. Turkey's Soft Power: An Unpolished Gem or an Elusive Mirage? // Insight Turkey. 2008. Vol. 10, no. 2. P. 55—66.
- Altunışık M. B. The Possibilities and Limits of Turkey's Soft Power in the Middle East // Insight Turkey. 2008. Vol. 10, no. 2. P. 41—54.
- Altunışık M. B. Turkey: Arab Perspectives // Foreign Policy Analysis Series. 2010. No. 11. P. 1—34. URL: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf (accessed: 11.10.2023).

- Anaz N. An Assessment of Turkey's Soft Power Resources in Asia: Potential and Limitations // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2022. Vol. 24, no. 5. P. 755—771. <https://doi.org/10.1080/19448953.2022.2037960>
- Aydin M. *Non-Traditional Security Threats and Regional Cooperation in the Southern Caucasus*. Amsterdam : IOS Press, 2011.
- Balci B. Les Relations entre la Turquie et l'Asie Centrale Turcophone, 1991—2004 // *Outre-Terre*. 2005. Vol. 10, no. 1. P. 297—315. <https://doi.org/10.3917/oute.010.0297>
- Benhaïm Y., Öktem K. The Rise and Fall of Turkey's Soft Power Discourse. Discourse in Foreign Policy under Davutoğlu and Erdoğan // *European Journal of Turkish Studies. Social Sciences on Contemporary Turkey*. 2015. No. 21. P. 1—25. <https://doi.org/10.4000/ejts.5275>
- Çelikpala M. From a Failed State to a Weak One? Georgia and Turkish-Georgian Relations // *The Turkish Yearbook*. 2005. No. 36. P. 159—199.
- Çelikpala M., Veliyev C. Azerbaijan — Gürcistan — Türkiye. Bölgesel işbirliğinin başarı örneği // *CIES Policy Brief*. 2015. No. 3. P. 1—24. URL: [https://www.khas.edu.tr/sites/khas.edu.tr/files/inline-files/CIES%20Policy%20Brief%202003%20\(1\).pdf](https://www.khas.edu.tr/sites/khas.edu.tr/files/inline-files/CIES%20Policy%20Brief%202003%20(1).pdf) (accessed: 21.05.2023).
- Çevik S. B. Reassessing Turkey's Soft Power: The Rules of Attraction // *Alternatives*. 2019. Vol. 44, no. 1. P. 50—71. <https://doi.org/10.1177/0304375419853751>
- Chkhikvadze I. Zero Problems with Neighbors: The Case of Georgia // *Turkish Policy Quarterly*. 2011. Vol. 10, no. 2. P. 1—9.
- Çolakoğlu S. Türkiye — Gürcistan İlişkileri // *TASAM. Stratejik Öngörü Dergisi*. 2011. No. 6. P. 1—24. URL: [https://www.khas.edu.tr/sites/khas.edu.tr/files/inline-files/CIES%20Policy%20Brief%202003%20\(1\).pdf](https://www.khas.edu.tr/sites/khas.edu.tr/files/inline-files/CIES%20Policy%20Brief%202003%20(1).pdf) (accessed: 21.05.2023).
- Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul : Küre Yayınları, 2001.
- Göksel D. N. Turkey and Georgia, Zero-Problems? // *On Wider Europe*. 2013. P. 1—8. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep18680?seq=4> (accessed: 21.05.2023).
- Ivanov V. Religious Dimension of Turkey's Policy in Ajaria and the Georgian Orthodox Church // *Central Asia and the Caucasus*. 2011. Vol. 12, no. 3. P. 79—90.
- Kardaş Ş. From Zero Problems to Leading the Change: Making Sense of Transformation in Turkey's Regional Policy // *Turkish Policy Brief*. 2012. Vol. 5, no. 1. P. 1—8. URL: https://www.tepav.org.tr/upload/files/1346423043-0.From_Zero_Problems_to_Leading_the_Change_Making_Sense_of_Transformation_in_Turkeys_Regional_Policy.pdf (accessed: 25.02.2023).
- Kardaş Ş. Turkey and the Arab Spring: Coming to Terms with Democracy Promotion? // *German Marshall Fund Policy Brief*. 2011. P. 1—5. URL: <https://ru.scribd.com/document/70529678/Turkey-and-the-Arab-Spring-Coming-to-Terms-with-Democracy-Promotion> (accessed: 25.02.2023).
- Keyman E. F. Globalization, Modernity and Democracy: Turkish Foreign Policy 2009 and Beyond // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 15, no. 2. P. 1—20.
- Kirişçi K., Moffat A. Turkey and the South Caucasus: An Opportunity for Soft Regionalism // *Regional Security Issues*. 2015. P. 67—88.
- Larrabee F. S., Lesser I. O. *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty*. Santa Monica : RAND, 2003.
- Liles T. Islam and Religious Transformation in Adjara // *ECMI Working Paper*. 2012. No. 57. P. 1—23. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/140738/Working_Paper_57_En.pdf (accessed: 11.10.2022).
- Rohoziński J., Konończuk W., Tworowski W., Sadowski R., Menkiszak M., Piotrowski M. A. Turkey after the Start of Negotiations with the European Union — Foreign Relations and the Domestic Situation. Part II // *Raport OSW / CES Report*. 2008. P. 1—111. URL: https://web.archive.org/web/20110711153033/http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/raport_turcja_II_ang.pdf (accessed: 11.10.2023).
- Ter-Matevosyan V. Cooperation Paradigms in the South Caucasus: Making Sense of Turkish-Georgian Relations // *Études Arméniennes Contemporaines*. 2014. No. 4. P. 103—125. <https://doi.org/10.4000/eac.689>

Сведения об авторе:

Мамедов Рашид Таджаддинович — аспирант, Институт Европы РАН; ORCID: 0009-0006-6800-7251; e-mail: rashid_mamedov_2000@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-748-761

EDN: PRLYMK

Научная статья / Research article

Черноморская политика Турции в области энергетической безопасности

М. Челикпала¹, Э. Татлыоглу²✉¹Университет Кадир Хас, Стамбул, Турция²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ermantatlioglu@gmail.com

Аннотация. Внешняя политика Турции в последнее время приняла более автономную траекторию, менее связанную с политикой ЕС или НАТО. Примечательно, что Черноморский регион выделяется как территория, где Турция выбрала независимый и самобытный курс. Растущая важность Черноморского региона подчеркивает необходимость определения политики Турции, которая будет способствовать стабильности в этом регионе. Недавние конфликты с участием России, Украины и Грузии, а также интересы внерегиональных игроков усугубили проблемы безопасности региона и риски для энергетической безопасности. Понимание роли Турции в этом контексте особо значимо для ученых, политиков и практиков в области международных отношений. После распада Советского Союза в 1991 г. вместо атмосферы военной конкуренции эпохи холодной войны в Черноморском регионе была создана среда содействия и сотрудничества, сочетающая в себе политические, экономические и культурные цели. Однако возникли конфликты между некоторыми прибрежными территориями. Например, Россия и Грузия в 2008 г., а также Россия и Украина в 2014 и 2022 гг. вызвали изменение восприятия безопасности и стабильности региона. Таким образом, интерес внешних игроков к Черному морю возрос, о чем свидетельствует рост их присутствия в регионе. Это создало обстоятельства, которые увеличивают риск конфликта в регионе и ставят под угрозу энергетическую безопасность. Кроме того, регион привлек внимание со стороны нечерноморских государств, что привело к возникновению новых проблем. В свете этих событий авторы стремятся дать объективный анализ черноморской политики Турции, подчеркивая ее растущую значимость в рамках развивающейся динамики региональных процессов и проблем энергетической безопасности. Кроме того, будут рассмотрены основные столпы турецкой политики в отношении Черноморского региона в рамках принципа региональной ответственности.

Ключевые слова: энергетика, геополитика, политика, безопасность, Черноморские проливы, конвенция Монре

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Челикпала М., Татлыоглу Э., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Челикпала М., Татлыоглу Э. Черноморская политика Турции в области энергетической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 748—761. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-748-761>

Türkiye's Black Sea Policy for Energy Security

Mitat Celikpala¹ , Erman Tatlioglu²

¹Kadir Has University, Istanbul, Türkiye

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

ermantatlioglu@gmail.com

Abstract. Türkiye's foreign policy has recently taken on a more autonomous trajectory, less directly tied to European Union (EU) or NATO policies. Notably, the Black Sea region stands out as an area where Türkiye has charted an independent and distinctive course. The Black Sea region's growing importance underscores the need to define Türkiye's policy that contributes to stability in the region. Recent conflicts involving Russia, Ukraine, and Georgia, as well as the interest of non-regional actors, have heightened the region's security concerns and energy security risks. Understanding Türkiye's role in this context is essential for international relations scholars, policymakers, and practitioners. After the dissolution of the Soviet Union in 1991, the Cold War environment of military competition was replaced by an environment of cooperation and collaboration in the Black Sea region, combining political, economic, and cultural goals. However, the emerging conflicts between some littorals, such as Russia and Georgia in 2008 and Russia and Ukraine in 2014 and 2022, have caused a change in the perception of security and stability of the region. Thus, the interest of external actors in the Black Sea has increased and their attempts have begun to demonstrate a greater presence in the region. This has induced circumstances that increase the risk of conflict in the region and threaten energy security. Furthermore, the region has attracted the interest of non-littoral states, which has led to new challenges. In light of these developments, the authors seek to provide an objective examination of Türkiye's Black Sea policy, emphasizing its growing significance within the region's evolving dynamics and energy security concerns. In addition, the main pillars of Türkiye's Black Sea policy under the principle of regional ownership will be discussed.

Key words: energy, geopolitics, politics, security, Turkish straits, Montreux Convention

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Celikpala, M., & Tatlioglu, E. (2023). Türkiye's Black Sea policy for energy security. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 748—761. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-748-761>

Введение

После распада Советского Союза ситуация в Черноморском регионе претерпела значительную трансформацию. В первую очередь это было связано со снижением экономического, информационного и политического влияния России на черноморские государства, а также сокращением российского военного и военно-морского присутствия в регионе. Появившиеся в этом районе новые государства не только были настроены на развитие связей с западными странами, но и стремились к интеграции в различные европейские структуры и институты с целью

получения экономической помощи (Юрченко, 2008, с. 19). Кроме того, геополитические дискурсы, направленные на Черное море, также изменились, и на первый план вышли рассуждения, ориентированные не на военно-политическую, а на энергетическую безопасность (Erbaş, 2012, pp. 143—145).

Под руководством Турции прибрежные государства Черного моря начали работать над выстраиванием отношений и развитием сотрудничества, прежде всего в экономической сфере, и эти усилия оказались плодотворными, поскольку за короткое время привели к формированию Организации

черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

Одна из инициатив по обеспечению мира и безопасности на Черном море была выдвинута представителями ВМС Турции на втором совещании командующих Черноморскими военно-морскими силами в Варне в 1998 г. В 2001 г. в Стамбуле черноморские государства (Болгария, Грузия, Румыния, Российская Федерация, Турция и Украина) подписали соглашение, по которому на основе Конвенции Монтрё 1936 г. была создана Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия «Блэксифор» (*BLACKSEAFOR*). Основной целью создания данной группы было обеспечение сотрудничества в сфере безопасности на Черном море (Uçarol, 2015, p. 1185). Соглашение о создании группы «Блэксифор» стало явной демонстрацией общей воли прибрежных государств обеспечить региональную стабильность в Черном море и дальнейшее развитие на основе солидарности и взаимопонимания между военно-морскими силами. Это соглашение является проявлением принципа региональной ответственности, составляющего основу черноморской политики Турции (Karadeniz Jeopolitiği, 2017, pp. 403—410).

Еще одним подходом, основанным на принципах безопасности, стал Документ о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области (МДБ) на Черном море, который был инициирован под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Документ МДБ, направленный на укрепление мира, безопасности и сотрудничества между прибрежными государствами, был подписан на встрече министров иностранных дел ОЧЭС, состоявшейся в Киеве в 2002 г., и вступил в силу в 2003 г.¹

В 2004 г. ВМС Турции начали операцию «Черноморская гармония» (*Operation Black*

Sea Harmony)² с целью содействия региональному миру, а с присоединением к ней в 2006 г. России операция приобрела международный характер. С присоединением Украины и Румынии операция «Черноморская гармония» превратилась в важную инициативу по обеспечению безопасности на Черном море (Kasim, 2007).

Однако конфликты между Россией и Грузией, Россией и Украиной в последние два десятилетия привели к изменениям в восприятии безопасности в регионе. У внерегиональных игроков возрос интерес к Черному морю, и они предпринимают попытки расширить свое присутствие и деятельность в нем. Эти процессы оказывают негативное влияние на региональную энергетическую безопасность, увеличивая риск конфликта в регионе. После вступления Болгарии и Румынии в НАТО в 2004 г. и в ЕС в 2007 г. внешние игроки, такие как ЕС, США и НАТО, начали в большей степени участвовать в геополитических процессах в Черноморском регионе³. Кроме того, конфликт между Россией и Грузией в 2008 г. и присоединение Крыма к Российской Федерации в 2014 г. усилили напряженность в прибрежных государствах и привели к кризису доверия в Черноморском регионе.

В 2014 г., после успешного завершения 21 операции, деятельность группы «Блэксифор» была приостановлена, а реализация пунктов Документа МДБ в военно-морской сфере в Черном море стала невозможной с 2018 г.⁴ Региональные инициативы, которые

² Операция «Черноморская гармония» была инициирована Турцией на национальном уровне в марте 2004 г. с целью внести вклад в обеспечение безопасности на море в Черном море. Основной задачей операции является поддержка усилий, предпринимаемых во всем мире для предотвращения террористической деятельности, незаконного распространения оружия массового уничтожения и связанных с ним материалов.

³ Makarychev A. S. Securitization and Identity: The Black Sea Region as a “Conflict Formation” // PONARS Eurasia Policy Memo. 2008. No. 43. P. 1—5. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm_043.pdf (accessed: 08.11.2022).

⁴ Tulun T. E. Black Sea Needs Confidence and Security Building Measures More Than Ever // AVİM. 2018.

¹ Letter Dated 10 May 2002 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations Addressed to the Secretary-General // UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/466840?ln=en> (accessed: 08.11.2022).

были начаты в Черноморском регионе для укрепления диалога и сотрудничества, не смогли предотвратить превращение Черного моря в зону глобальной конкуренции и серьезных конфликтов.

С началом российской специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. Черное море снова оказалось в центре внимания. Турция расценила ситуацию как состояние войны и 27 февраля 2022 г.⁵ применила ограничительные положения Конвенции Монтрё 1936 г. в отношении воюющих сторон. Однако следует отметить, что, действуя беспристрастно в отношениях между Россией и Украиной, Турция начала играть решающую роль в качестве посредника, помогающего двум странам сесть за стол переговоров для достижения перемирия и заключения мира. Будучи архитектором Черноморской зерновой инициативы, которая позволила доставлять украинскую сельскохозяйственную продукцию на мировые рынки, Турция продолжает свои конструктивные усилия по восстановлению атмосферы доверия в Черноморском регионе. Оказавшись единственным членом НАТО, который может сохранять дипломатические каналы открытыми для диалога, несмотря на всевозможные негативные условия, Турция обеспечила бесперебойность энергетических поставок через акваторию Черного моря (Oktav, 2022).

Целью данной статьи является объективное изучение турецкой черноморской политики, которая играет важную роль в защите геополитических и экономических интересов Анкары и обеспечении безопасности в Черноморском регионе. Несмотря на членство Турции в НАТО, Турецкая Республика занимает независимую и беспристрастную позицию в отношении Черного моря. Политика Турции, сформированная в духе принципа

региональной ответственности, подчеркивает взгляд Турции на Черное море как на «море мира». Анкара стремится развивать сотрудничество со странами региона как в экономическом плане, так и в сфере безопасности, уделяя особое внимание совместным инициативам и сотрудничеству между прибрежными государствами для повышения безопасности на Черном море.

В статье исследуется позиция Турции как члена НАТО, способного поддерживать открытые дипломатические каналы для диалога в сложных обстоятельствах. Эти факторы имеют решающее значение для понимания вклада Турции в обеспечение энергетической безопасности всего Черноморского региона. В этой работе через призму энергетической безопасности⁶ и международной значимости Черноморского региона будут рассмотрены черноморская политика Турции, принцип региональной ответственности и в целом геополитические процессы в регионе.

Геополитическое значение Черного моря

После распада Советского Союза политическая география Черноморского региона изменилась и появились страны, которые хотели вырваться из-под советского влияния и сблизиться с Западом (Erbaş, 2014). Когда эти страны вышли из Варшавского договора, а позднее Румыния и Болгария стали членами НАТО, то регион оказался в сфере интересов Евроатлантического альянса (Koçer, 2011, pp. 28—29). В результате Черное море привлекло внимание всего мира в связи с изменениями в непосредственном окружении России после холодной войны. Помимо проблем безопасности, связанных с тем, что здесь расположены транспортные энергетические коридоры между Европой и Азией, а также важные экономические рынки, Черноморский

No. 30. URL: <https://avim.org.tr/en/Analiz/BLACK-SEA-NEEDS-CONFIDENCE-AND-SECURITY-BUILDING-MEASURES-MORE-THAN-EVER> (accessed: 08.11.2022).

⁵ Dışişleri Bakanı Çavuşoğlu: Montrö Sözleşmesi'nin Bütün Hükümlerini Şeffaf Bir Şekilde Uygulayacağız // Anadolu Ajansı. 27.02.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/disisleri-bakani-cavusoglu-montro-sozlesmesinin-butun-hukumlerini-seffaf-bir-sekilde-uygulayacagiz/2517057> (accessed: 01.11.2022).

⁶ В данной статье «энергетическая безопасность» рассматривается согласно терминологии Международного энергетического агентства: «Энергетическая безопасность — это постоянное наличие источников энергии по доступной цене». См.: Energy Security // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/topics/energy-security> (accessed: 08.11.2022).

регион стал центром торговых и экономических интересов западных стран. Ухудшение политических отношений между Россией и ЕС в последние годы, а также опасения ЕС по поводу нехватки электроэнергии и сокращения потоков газа в Европу из России подтолкнули ЕС к поиску альтернативных источников, которые могли бы снизить энергетическую зависимость европейских стран от России. Например, из-за конфликта на Украине поток газа в ЕС сократился на 82 %⁷.

Что касается России, то, с одной стороны, она изо всех сил старалась сохранить свое влияние на бывшие советские государства, а с другой — риски и возможности, создаваемые глобализацией и либерализмом, побудили страны Черноморского региона устанавливать новые международные связи (Yiğit & Gülbiten, 2017, pp. 58—59). Тот факт, что Черное море жизненно важно не только для Турции, но и для России, неоспорим. Интерес внерегиональных стран и усиление их влияния в районе Черного моря вызывали беспокойство региональных держав. Во время конфликта между Россией и Грузией в 2008 г. Турция четко выполнила положения Конвенции Монтрё, в результате чего были предотвращены действия некоторых внерегиональных государств, которые могли привести к дальнейшей эскалации напряженности в Черном море (Russia, Central Asia, and the Caucasia, 2020, p. 153). После присоединения Крыма к Российской Федерации в 2014 г. вопрос с членством Украины в НАТО выходит на первый план, что и проложило путь для того, чтобы Россия и Запад встретились лицом к лицу в Черноморском регионе. Украина стала полем битвы между Востоком и Западом, превратившись в буферную зону. Кроме того, в последние годы восприятие в России Болгарии и Румынии как ненадежных партнеров в данном районе привело к тому, что эти страны обратились за поддержкой к НАТО и США в вопросах своей

безопасности. Такая ситуация привела к нарастанию присутствия США в этих странах и регионе в целом.

Черноморская политика Турции

Во время холодной войны Турция продемонстрировала решительную волю к выполнению Конвенции Монтрё без каких-либо исключений и приложила много усилий для поддержания безопасности и стабильности вокруг Черного моря. Будучи региональной черноморской державой, Турция предлагала странам региона различные области сотрудничества и возглавила целый ряд инициатив после распада Советского Союза. Полностью осознавая чувствительные параметры безопасности в районе Черного моря, Турция стремилась создать атмосферу сотрудничества в регионе, минимизировать риски для ухудшения стабильности в морской среде и всегда удерживать Черное море вне геополитической конкуренции. С помощью этой политики, которая была сформирована в соответствии с принципом региональной ответственности, Турция стремилась сотрудничать со странами региона в области экономики и безопасности.

Внешняя политика Турции в последнее время стала более независимой, менее связанной с политикой ЕС или НАТО. Примечательно, что Черноморский регион выделяется как территория, где Турция проводит самобытный курс (Shlykov, 2023, p. 141). В этом плане Турция осуществляет уникальную черноморскую политику, основанную на трех столпах безопасности и стабильности Черноморского региона:

1) с политической точки зрения — выполнение Конвенции Монтрё, поддержка территориальной целостности и суверенитета стран региона;

2) с экономической точки зрения — поддержка сотрудничества со всеми странами Черноморского региона (например, на двустороннем уровне и на уровне ОЧЭС);

3) с точки зрения безопасности — продолжение реализации установленных соглашений и инициатив в области безопасности (группа «Блэксифор», операция «Черноморская гармония», Документ МДБ).

⁷ Russian Natural Gas Flow to the European Union, January 2019 — July 2022 // International Energy Agency. July 18, 2022. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/russian-natural-gas-flow-to-the-european-union-january-2019-july-2022> (accessed: 08.11.2022).

Соблюдение международного права

Конвенция Монтрё 1936 г., принятая в качестве наиболее важного политического документа сразу после Лозаннского мирного договора 1923 г., играет определяющую роль для Турции. С момента своего принятия Конвенция Монтрё, которая беспристрастно выполнялась даже в самые трудные времена, такие как Вторая мировая война и эпоха биполярного противостояния, способствует установлению мира и стабильности на Черном море и предотвращению конфликтов. Конвенция, которая является неперенным условием для Турции, а также для России, позволяет блокировать экспансию внерегиональных сил и сохранять исключительную роль Турции для ее западных союзников и России (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 508).

Южная Осетия и Абхазия, которые с начала 1990-х гг. стремились к отделению и независимости от Грузии, получили поддержку России. В контексте этого конфликта в Грузии Москва помешала Тбилиси взять эти регионы под свой контроль, проведя военную операцию в 2008 г. Турция не стала активной стороной данного конфликта из-за своих отношений с двумя странами и действовала сдержанно во время этой войны. В то же время Турция выполнила положения Конвенции Монтрё и не допустила проход двух госпитальных судов, отправленных из США в Грузию для оказания помощи, чем способствовала предотвращению эскалации напряженности (Elmas, 2018, p. 347).

При присоединении Крыма к России в 2014 г. Турция заняла антироссийскую позицию, заявив, что признает Крым частью Украины и поддерживает суверенитет и территориальную целостность Украины⁸. Аналогичным образом в отношении инцидента в Керченском проливе в 2018 г. Турция выступила против захвата Россией в Азовском море трех кораблей ВМС Украины, следовавших

⁸ TBMM Başkanı Şentop: Türkiye, Kırım'ın İlhakını Tanımamıştır, Tanımayacaktır // Anadolu Ajansı. 25.10.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/tbmm-baskani-sentop-turkiye-kirimin-ilhakini-tanimamistir-tanimayacaktır/2720157> (accessed: 10.11.2022).

из Одессы в Мариуполь, и в то же время Турция не откликнулась на просьбу Украины закрыть турецкие проливы (Sivış, 2019, pp. 567—570).

Российская специальная военная операция на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., негативно повлияла на безопасность региона и стала одним из важнейших вопросов в мировой повестке дня. С самого начала конфликта Турция предпринимала различные попытки положить конец противостоянию и обеспечить постоянное перемирие в рамках своей собственной региональной политики в Черноморском регионе. Для достижения этой цели текущая ситуация между Россией и Украиной определяется Турцией как «состояние войны»⁹, и с 27 февраля 2022 г.¹⁰ Анкара ввела в действие ограничительные положения Конвенции Монтрё для стран, находящихся в состоянии войны. Чтобы предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности в регионе, членам НАТО и третьим странам рекомендовано не проводить свои военные корабли через проливы.

Поддержка экономического сотрудничества в Черном море

После распада Советского Союза новые государства Черноморского региона принялись развивать экономику, чтобы укрепить свой суверенитет. Турция попыталась наладить экономическое сотрудничество со странами региона в условиях сформировавшейся

⁹ Согласно ст. 19 Конвенции Монтрё, военным кораблям стран, находящихся в состоянии войны, запрещено проходить через проливы, если Турция не находится в состоянии войны. Если же Турция находится в состоянии войны, то согласно ст. 20, турецкое правительство может действовать по своему усмотрению в отношении прохода военных кораблей. См.: The Montreux Convention. 1936 // UN Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20173/v173.pdf> (accessed: 10.11.2022).

¹⁰ Malsin J. Turkey Says War Exists in Black Sea, Allowing it to Block Russian Navy // The Wall Street Journal. February 27, 2022. URL: <https://www.wsj.com/livecoverage/russia-ukraine-latest-news-2022-02-26/card/turkey-says-war-exists-in-black-sea-allowing-it-to-block-russian-navy-uDQCa9dMZsNGZLQsfWYg> (accessed: 24.10.2022).

новой политической географии и сыграть активную роль в обеспечении стабильности в регионе¹¹. В этом контексте по инициативе Турции 25 июня 1992 г. на Стамбульском саммите была создана Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) для развития двусторонних и многосторонних отношений¹². Тот факт, что Черноморский регион богат энергоресурсами и по нему проходят маршруты транзита энергии и транспортировки энергоресурсов, подчеркивает необходимость ОЧЭС (Bakan & Güven, 2021, pp. 533—534). ОЧЭС стремится извлечь выгоду из взаимодополняющих аспектов экономик стран-членов, установить сотрудничество в таких областях, как экономика и торговля, а также обеспечить свободное перемещение товаров и услуг в Черноморском регионе. Следует отметить, что, несмотря на обширные проекты, ОЧЭС не удалось превратиться в надежную региональную структуру, которая могла бы эффективно укреплять экономическое и торговое взаимодействие. Вследствие такой критики в адрес ОЧЭС высказываются предложения о том, что организации следует уделить приоритетное внимание конкретным инициативам, которые, возможно, не столь велики по масштабу, но могут принести ощутимые экономические выгоды (Эшба, 2013, с. 45).

Подходы Турции к транспортным маршрутам стали учитывать интересы России, что

¹¹ Apakan E. Türkiye's Approach to the Black Sea Region and the Organization of The Black Sea Economic Cooperation (BSEC) // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-approach-to-the-black-sea-region-and-to-the-organization-of-the-black-sea-economic-cooperation-_bsec_-.tr.mfa (accessed: 24.10.2022).

¹² ОЧЭС — региональная организация экономического сотрудничества, была создана на Стамбульском саммите, состоявшемся 25 июня 1992 г. Постоянный секретариат ОЧЭС, начавший деятельность с 1994 г., находится в Стамбуле. В ОЧЭС входят 13 стран: Албания, Азербайджан, Болгария, Армения, Грузия, Молдова, Северная Македония, Румыния, Российская Федерация, Сербия, Турция, Украина и Греция. См.: Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/the-black-sea-economic-cooperation.en.mfa> (accessed: 22.10.2022).

привело к развитию более прочных политических отношений. В результате трубопровод «Голубой поток», важный инфраструктурный маршрут, по которому природный газ из России транспортируется в Турцию через Черное море, успешно начал работу в 2003 г. (Balta, 2019, pp. 83—84). Транспортировка природного газа по «Голубому потоку» и «Турецкому потоку» как в Турцию, так и в Европу, а также строительство атомной электростанции «Аккую» российской государственной компанией «Росатом» являются основными направлениями сотрудничества в Черноморском регионе между Турцией и Российской Федерацией. По трубопроводу «Голубой поток», введенному в эксплуатацию в 2003 г., Россия ежегодно доставляет 16 млрд куб. м природного газа в Турцию через Черное море¹³. По соглашению, подписанному в 2016 г., «Турецкий поток» доставляет природный газ из России сначала в Турцию, а затем в Европу. Поставки газа по трубопроводу «Турецкий поток» годовой мощностью 16 млрд куб. м начались 1 января 2020 г.¹⁴

Помимо российских газопроводов в регионе существуют и альтернативные инфраструктурные проекты. Благодаря своему выходу к Черному морю и дорожному сообщению с основными странами — экспортерами и импортерами энергоносителей, Грузия занимает стратегическое положение на энергетических торговых маршрутах Восток — Запад и Север — Юг. Газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум (БТЭ) был расширен для соединения с Трансанатолийским газопроводом. Если через турецкие проливы проходит ежегодно 200 млн баррелей нефти по трубопроводу Баку — Супса, то 260 млрд кубометров природного газа, что соответствует трети

¹³ The Blue Stream Pipeline Project, Europe // Hydrocarbons Technology. URL: <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/bluestream-pipeline/> (accessed: 24.10.2022).

¹⁴ Karabay Z. B. 34.8 Billion Cubic Meters of Gas Carried Through TurkStream in 2 Years // Anadolu Agency. January 7, 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/energy-projects/348-billion-cubic-meters-of-gas-carried-through-turkstream-in-2-years/34380#> (accessed: 24.10.2022).

добычи России, поступает на мировые рынки через турецкие проливы по существующим турецким трубопроводам в Черном море, а сжиженный природный газ (СПГ) перевозится танкерами¹⁵.

Турция принимает все меры для поддержки экономического сотрудничества в Черноморском регионе и обеспечения беспрепятственного прохода торговых судов через турецкие проливы. Например, в то время как Запад вводит беспрецедентно тяжелые экономические санкции против России в глобальном масштабе, Турция, имеющая хорошие отношения с обеими сторонами, стала партнером в решении проблем посредством диалога и не присоединилась к антироссийским санкциям¹⁶. Вместе с тем из-за блокады со стороны России и минирования портов Украиной возникла проблема для выхода торговых судов из украинских портов, что привело к возникновению глобального продовольственного кризиса.

Турция использовала свою посредническую деятельность для привлечения Генерального секретаря ООН к процессу урегулирования ситуации. 22 июля 2022 г. с подписанием «Инициативы по безопасной транспортировке зерна и продовольствия из украинских портов» был сделан первый шаг, а 27 июля 2022 г. в Стамбуле был создан Совместный координационный центр для регулирования этой деятельности. В этом центре работают официальные представители Украины, России, Турции и ООН, а зерновая продукция была благополучно отправлена из трех украинских портов (Одесса, Черноморск и Южный)¹⁷. В период с 1 августа по

17 декабря 2022 г. более 14 млн тонн зерна было перевезено 560 судами¹⁸, и благодаря проводимой Турцией политике быстро растущие в мире цены на зерно снизились. Кроме того, Турция также осуществила необходимые действия по передаче зерна бедным и нуждающимся странам.

Обеспечение безопасности на Черном море

С целью поддержания мира и стабильности на Черном море, расширения регионального сотрудничества и взаимной солидарности, а также укрепления добрососедских отношений после подписания «Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия» в Стамбуле 2 апреля 2001 г. была создана группа «Блэксифор». Ее создание стало закономерным результатом военно-морских учений, проводимых с 1998 г. с участием прибрежных стран Черного моря. С подписанием этого документа представители прибрежных стран Черного моря впервые в истории региона продемонстрировали свою решимость объединить военно-морские силы для совместного патрулирования, развития добрых отношений, углубления взаимного сотрудничества, взаимопонимания, дружбы и региональной стабильности. Наряду с другими морскими инициативами группа «Блэксифор» была нацелена как на укрепление взаимного доверия между прибрежными странами, предотвращение поляризации в регионе, минимизации любой возможной нестабильности, так и на удовлетворение потребностей в безопасности для всех прибрежных государств и стран, которые пользуются Черным морем.

¹⁵ Turkey — Oil and Gas // International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. 2021. URL: <https://www.trade.gov/energy-resource-guide-turkey-oil-and-gas> (accessed: 24.10.2022).

¹⁶ Gökçelik Ş. B. Rusya — Ukrayna Savaşı'nda Türkiye'nin Arabulucu Rolü // AVİM. 11.04.2022. URL: <https://avim.org.tr/tr/Yorum/RUSYA-UKRAYNA-SAVASI-NDA-TURKIYE-NIN-ARABULUCU-ROLU> (accessed: 05.12.2022).

¹⁷ BM Müşterek Koordinasyon Merkezi'nin İstanbul'da Açılışını Memnuniyetle Karşıladi // United Nations Türkiye. 29.07.2022. URL: <https://turkiye.un.org/tr/192587-bm-m%C3%BC%C5%9Fterek-koordinasyon->

[merkezinin-i%CC%87stanbulda-a%C3%A7%C4%B1%C4%B1%C5%9F%C4%B1n%C4%B1-memnuniyetle-kar%C5%9F%C4%B1lad%C4%B1](https://www.trthaber.com/haber/gundem/tahil-koridorundan-14-milyon-tondan-fazla-tahil-tasindi-731483.html) (accessed: 04.12.2022).

¹⁸ Tahıl Koridorundan 14 Milyon Tondan Fazla Tahıl Taşındı // TRT Haber. 17.12.2022. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/tahil-koridorundan-14-milyon-tondan-fazla-tahil-tasindi-731483.html> (accessed: 18.12.2022).

Однако конфликт между Россией и Грузией в 2008 г. и присоединение Крыма к Российской Федерации в 2014 г. негативно повлияли на атмосферу взаимного доверия между странами региона. Так, командование группы «Блэксифор» было передано Болгарии после кризиса в российско-украинских отношениях в марте 2014 г., и в итоге деятельность группы была приостановлена¹⁹.

Как уже отмечалось, еще одна инициатива, выдвинутая Турцией совместно с другими прибрежными странами Черного моря для обеспечения безопасности и сотрудничества в регионе, — это Документ о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области на Черном море. В рамках МДБ осуществлялись контакты и обмен информацией между военно-морскими силами, проводились различные мероприятия по сотрудничеству, открывались для посещения военно-морские базы (Uslu, 2019, pp. 43—44).

Кроме того, 1 марта 2004 г. Турция приступила к реализации операции «Черноморская гармония», чтобы внести свой вклад в обеспечение безопасности в Черном море. В рамках операции патрульные катера, патрульные самолеты, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) турецких ВМС регулярно размещаются в Черном море для демонстрации флага и присутствия, наблюдения и контроля за деятельностью торговых судов, которые могут быть связаны с терроризмом или незаконной деятельностью, а также для наблюдения за судами, проходящими через турецкие проливы (Erkek, 2006, pp. 250—275). Кроме того, после встречи, состоявшейся в Стамбуле 7—9 ноября 2006 г., в целях содействия безопасности морской зоны был создан Форум сотрудничества пограничных и береговых служб прибрежных государств Черного моря (Uslu, 2019, p. 47).

В последнее время, когда проблемы, связанные с безопасностью в Черном море,

начали усугубляться, усилия НАТО по расширению своего присутствия в регионе продолжают выходить на передний план. По мнению НАТО, использование Россией ресурсов Черноморского флота для усиления своего присутствия, особенно в Восточном Средиземноморье и Сирии, привело к тому, что Черное море стало восприниматься как один из регионов, где НАТО должна вести себя настороженно по отношению к России (Hodges, Horrell & Kuz, 2022). Турция как член НАТО активно участвует в военно-морских учениях и маневрах на Черном море. После саммита НАТО в апреле 2019 г. в регионе прошли важные военно-морские учения под названием «Морской щит — 19», в которых приняли участие корабли Румынии, Болгарии, Канады, Греции, Нидерландов и Турции (Avatkov & Gudev, 2021, p. 356).

Вместе с тем Турция избегает глобальной конкуренции в Черном море. Турция стремится поддерживать те региональные инициативы, которые она сама и реализовала на практике. Несмотря на прочные экономические связи Анкары с Москвой и их быстрое развитие, Турция все же приняла меры для поддержания баланса сил в Черноморском регионе, Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке. По сути, Турция стремится препятствовать России в получении слишком большого влияния в этих регионах. Эти действия демонстрируют, что в своей внешней политике Турция ставит собственную безопасность выше экономических выгод, особенно в отношениях с Россией. Этот стратегический подход известен как хеджирование (Shlykov, 2023, p. 155).

Роль Турции в обеспечении энергетической безопасности на Черном море

Турция стала энергетическим коридором после того, как в бассейне Каспийского моря были обнаружены богатые углеводородами ресурсы и возникла необходимость транспортировки нефти и природного газа в Европу и на мировые рынки. Газопроводы, идущие в Турцию из России, — это «Голубой поток» и

¹⁹ Mamedov R., Pylova O. On the Road to “Strategic Depth” in the Black Sea Region // Russian International Affairs Council. March 6, 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/on-the-road-to-strategic-depth-in-the-black-sea-region/> (accessed: 18.12.2022).

«Турецкий поток». Газопровод «Голубой поток», по которому российский природный газ поступает в Турцию, был официально открыт в 2005 г. на церемонии в Самсуне (Uçarol, 2015, p. 1334). Кроме того, при поддержке ЕС с целью создания альтернативы российскому газу был построен «Южный газовый коридор» для транспортировки природного газа, добываемого на азербайджанском газовом месторождении Шах-Дениз, в Турцию, а затем в Европу. По состоянию на 31 декабря 2020 г. начата транспортировка азербайджанского газа в Грецию, Болгарию и Италию по Трансадриатическому трубопроводу (*TAP*), который соединен с Трансатоллийским газопроводом (*TANAP*) Турции в рамках Южного газового коридора²⁰.

По оценкам аналитиков, газопроводы, проложенные между Турцией и Россией, а также сложившаяся система энергоснабжения придают особое значение отношениям между двумя странами. Более того, стратегия Турции по созданию энергетического хаба совпадает со стратегией расширения поставок энергии на мировые рынки в соответствии с целью России сохранить свое региональное и глобальное влияние. Однако в рамках поиска альтернатив энергетическому кризису, возникшему в Европе после начала конфликта между Россией и Украиной, в результате переговоров между Турцией и Азербайджаном для содействия энергетической безопасности Европы планируется удвоить ежегодную поставку природного газа по трубопроводу *TANAP* (16 млрд куб. м) и в короткие сроки достичь пропускной способности в 32 млрд куб. м²¹.

В дополнение к этим проектам, повышающим стратегическое значение Черного моря, после отмены проекта «Южный поток»,

по которому планировалось транспортировать российский природный газ в Европу через Болгарию, во время визита президента России В.В. Путина в Турцию 1 декабря 2014 г. был одобрен новый проект — газопровод «Турецкий поток», целью которого является доставка российского природного газа в Турцию, а затем в Европу. Газопровод был введен в эксплуатацию 8 января 2020 г., и Россия укрепила свои позиции в качестве экспортера газа (Айвазян, 2020, с. 81). За два года по «Турецкому потоку» в Европу было транспортировано 34,8 млрд куб. м природного газа²².

США заявили, что не одобряют проект «Турецкий поток», который делает Турцию краеугольным камнем для передачи энергии в Европу, на том основании, что «Европа увеличит свою энергетическую зависимость от России, а это дестабилизирует экономическую и стратегическую стабильность Украины»²³. Однако страны региона выразили желание присоединиться к этому проекту. В настоящее время Болгария обеспечивает свои ежегодные потребности в 3 млрд куб. м природного газа через «Турецкий поток». Кроме того, в 2007 и 2019 гг. были введены в эксплуатацию газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум и *TANAP*. *TANAP* удовлетворяет энергетические потребности Турции, а также превращает Турцию в центр энергетических поставок в Европу. В рамках Южного газового коридора (Erbaş, 2018, pp. 26—28) азербайджанский природный газ экспортируется в Европу через *TANAP*, который проходит через всю Турцию и соединяется с *TAP*.

Более того, имея один из крупнейших флотов служебных и специальных судов (два сейсмических исследовательских и четыре

²⁰ Güngör G. Hazar Denizi Üzerinden Doğu — Batı Bağlantısı İçin Fırsatlar // AVİM. 14.04.2021. URL: <https://avim.org.tr/tr/Analiz/HAZAR-DENIZI-UZERINDEN-DOGU-BATI-BAGLANTISI-ICIN-FIRSATLAR> (accessed: 11.12.2022).

²¹ TANAP'ın Kapasitesi İki Katına Çıkarılacak // T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. 06.10.2022. URL: <https://enerji.gov.tr/haber-detay?id=21046> (accessed: 07.12.2022).

²² TürkAkım Üzerinden 2 Yılda Türkiye ve Avrupa'ya 34,8 Milyar Metreküp Gaz Taşındı // Anadolu Ajansı. 07.01.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkakim-uzerinden-2-yilda-turkiye-ve-avrupaya-34-8-milyar-metrekup-gaz-tasindi/2467928> (accessed: 11.12.2022).

²³ A New Energy Policy for Europe: The Significance of Ukraine // Council on Geostrategy. January 7, 2022. URL: <https://www.geostrategy.org.uk/research/a-new-energy-policy-for-europe-the-significance-of-ukraine/> (accessed: 11.12.2022).

бутовых судна), в 2020 и 2021 гг. Турция в результате многолетних исследований и бурения в поисках углеводородных ресурсов обнаружила месторождения природного газа в Черном море объемом в общей сложности в 540 млрд куб. м. Это делает необходимость поддержания безопасности и стабильности в Черном море более важной, чем когда-либо. Открытие месторождения на расстоянии 170 км от материка стало крупнейшим событием 2020 г.²⁴ Месторождение природного газа было обнаружено в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) Турции и еще раз продемонстрировало значение турецкой ИЭЗ, границы которой были определены в 1986 г. по договору с Советским Союзом.

24 февраля 2022 г., после начала спецоперации России на Украине, западные государства одно за другим ввели против Российской Федерации санкции и стремились снизить зависимость от энергоносителей, приобретаемых у России. Москва попыталась отреагировать на эти санкции за счет энергетики, которая является важным инструментом в ее руках, остановив турбину газопровода «Северный поток — 1» в связи с ремонтными работами и сократив на 75 % транспортируемый природный газ в Европу²⁵. Впоследствии 26 сентября 2022 г. на газопроводах «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» произошла серия взрывов, что вызвало утечку газа. Личности виновных и мотивы диверсий остаются невыясненными. Президент РФ В.В. Путин заявил в интервью, что идея о том, что теракт на «Северном потоке» осуществили какие-то украинские активисты, — «полная чушь». Он также заявил, что взрыв такой мощности и на такой глубине могут

осуществить только специалисты, при поддержке всей мощи государства, обладающего определенными технологиями²⁶. Эти события привели к росту цен на газ в Европе, поэтому ЕС начал поиск альтернативных источников энергии²⁷.

После начала специальной военной операции ЕС опубликовал декларацию по итогам Версальского саммита, в которой объявил, что прекратит все закупки энергоносителей из РФ до 2030 г., а также будет поддерживать инфраструктурные проекты по СПГ внутри союза и в то же время инициирует разработку новых трубопроводных проектов²⁸. США, как крупнейший производитель природного газа, заявили, что поддержат ЕС и станут альтернативой РФ в качестве поставщика природного газа²⁹. Таким образом, решение, принятое на Парижском саммите лидеров ЕС 10—11 марта 2022 г., заставило страны обратиться к альтернативным вариантам. Например, Нигерия, Марокко и страны Западной Африки подписали меморандум о строительстве газопровода Марокко — Нигерия. Также было отмечено, что этот трубопровод будет соединен с газопроводом Магриб — Европа³⁰.

²⁶ Путин назвал чушью версию о подрыве «Северных потоков» украинскими активистами // ТАСС. 14.03.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17264835> (дата обращения: 26.09.2023).

²⁷ Nord Stream 1: How Russia Is Cutting Gas Supplies to Europe // BBC News. September 29, 2022. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-60131520> (accessed: 10.12.2022).

²⁸ Informal Meeting of Heads of State or Government, Versailles // EU Council. March 10—11, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2022/03/10-11/> (accessed: 10.12.2022).

²⁹ Fact Sheet: United States and European Commission Announce Task Force to Reduce Europe's Dependence on Russian Fossil Fuels // The White House. March 25, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/25/fact-sheet-united-states-and-european-commission-announce-task-force-to-reduce-europes-dependence-on-russian-fossil-fuels/#:~:text=Today%2C%20President%20Joe%20Biden%20and%20war%20of%20choice%20against%20Ukraine.> (accessed: 10.12.2022).

³⁰ Kemp Y. Morocco — Nigeria Gas Project Vital to Africa's Energy Security // ESI Africa. November 8, 2023. URL: <https://www.esi-africa.com/research-and-development/morocco-nigeria-gas-project-vital-to-africa>

²⁴ Karadeniz'deki Keşif Gaz Talebinin Yüzde 22'sini 40 Yıl Boyunca Karşılatabilecek // Anadolu Ajansı. 19.10.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/karadenizdeki-kesif-gaz-talebinin-yuzde-22sini-40-yil-boyunca-karsilatabilecek/2011244> (accessed: 02.12.2022).

²⁵ Nord Stream 1 Gas Supply Cut Aimed at Sowing Uncertainty, Germany Warns // Reuters. June 15, 2022. URL: <https://web.archive.org/web/20220623123156/https://www.reuters.com/business/energy/german-minister-accuses-russia-finding-excuse-cut-nord-stream-1-gas-2022-06-15/> (accessed: 02.09.2023).

Кроме того, канцлер Германии посетила Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Катар и подписала с ОАЭ контракт на поставку СПГ³¹.

Хотя Запад ищет альтернативные российским маршруты транспортировки энергоносителей, считается, что Черноморский регион останется важным энергетическим центром. Отмечается, что в энергетическом секторе Турция одновременно продолжает поставлять природный газ Каспийского моря из Азербайджана и быстро разрабатывает проекты по использованию ресурсов природного газа, разведанных в Черном море. В географическом плане Черное море, связанное с Юго-Восточной Европой, Ближним Востоком, Балканами, Кавказом, Каспием, а также со Средиземноморьем, является чрезвычайно важным регионом для региональной и глобальной стратегии Турции.

Помимо существующих транспортных линий Черное море продолжает фигурировать во многих проектах, поскольку оно обеспечивает бесперебойное энергоснабжение и энергетическую безопасность для многих стран. На саммите в Астане 12—13 октября 2022 г. РФ предложила Турции создать энергетический центр, включая новый трубопровод для соединения с «Турецким потоком». Турция готовится к созданию инфраструктуры во Фракии, которая расположена близко к ЕС³².

Заклучение

В эпоху холодной войны Черное море было регионом, где действовал режим Монтрё, и изолированным пространством, где ухудшение статус-кво было нежелательным. После холодной войны оно превратилось в

регион, который в разное время приобретал важность в повестке дня международной общественности. С начала 1990-х гг. в Черноморском регионе сложилась новая политическая география, что обусловило изменения в политике региональных государств. Проходящие через Черное море энергетические транспортные линии и обнаружение новых источников энергетических ресурсов привели к актуализации вопросов энергетической безопасности на Черном море. Для Турции, которая выражает желание быть энергетическим коридором на всех уровнях, Черное море также должно быть регионом, где обеспечивается стабильность и непрерывность поставок энергии.

Турция и Россия, две важные в военном и политическом отношении державы в Черноморском регионе, придерживаются политики, которая отдает приоритет региональному сотрудничеству, а не конкурентному противостоянию. В последние годы отношение Болгарии и Румынии к России определяется как ненадежное соседство в регионе, что заставляет эти страны дистанцироваться не только от сотрудничества с Россией, но и от региональных инициатив. Более того, эти государства запросили поддержку у НАТО и США для обеспечения своей безопасности. Сложившаяся ситуация позволила внерегиональным игрокам расширить свое присутствие в регионе.

Турция проводит политику активизации экономического сотрудничества в соответствии с нормами международного права и реализует трехкомпонентную политику в Черном море. Это делает возможным поддерживать сотрудничество в политическом, экономическом измерениях и в плане безопасности. Когда проблема возникает в одном из компонентов этой политики, другой компонент пытается сбалансировать остальные. Например, 27 февраля 2022 г., уже через три дня после начала специальной военной операции РФ на Украине, Турция определила кризис между двумя странами как «состояние войны» и активировала ограничительные положения Конвенции Монтрё. Турция закрыла турецкие проливы для кораблей воюющих

and-the-energy-link-to-europe/#:~:text=The%20pipeline%20will%20be%20located,reach%20the%20European%20gas%20network. (accessed: 10.11.2023).

³¹ Almanya LNG Tedariki Konusunda BAE İle El Sikişti // Bloomberg HT. 26.09.2022. URL: <https://www.bloomberght.com/almanya-lng-tedariki-konusunda-bae-ile-el-sikisti-2315884> (accessed: 01.12.2022).

³² Владимир Путин предложил создать газовый хаб в Турции // Ведомости. 12.10.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/12/945202-miller-otsenil-defitsit> (дата обращения: 28.09.2023).

сторон, а также проинформировала другие страны по дипломатическим каналам, посоветовав им не отправлять свои корабли в Черное море. Таким образом, можно сказать, что Турция в очередной раз предотвратила дальнейшую эскалацию напряженности в Черном море, реализовав режим Монтрё.

При столкновении с экономическими проблемами активизировались политические аспекты и аспекты безопасности. Так, конфликт усугубил продовольственный кризис, который затронул весь мир. Проблема была решена посредством активации компонента безопасности путем подписания Соглашения о зерновом коридоре с двумя сторонами при участии ООН и создания Совместного координационного центра в Стамбуле. Эти инициативы привели к падению цен на продовольствие в мире. Аналогичным образом была решена проблема, связанная с угрозой дрейфующих мин в Черном море. Турция обеспечила защиту торговым судам и транспортным энергетическим потокам, следующим через турецкие проливы, когда приступила к разведке и наблюдению в море с использованием средств турецких военно-морских сил. Кроме того, Турция выступает за решение возникающих в Черном море проблем посредством диалога и дипломатии, в соответствии с нормами международного права. Несмотря на то, что с начала 1990-х гг. отношения между Турцией и Россией время от времени ухудшались, им всегда удавалось найти выход с помощью диалога и дипломатии, и в целом страны добивались значительных успехов на основе сотрудничества в политической, экономической, торговой и энергетической сферах. Политика, основанная на поиске баланса, принесла абсолютные выгоды всем странам региона и оказалась беспроигрышной.

Турция беспристрастно выполняет посреднические функции во время конфликта в соответствии с принципом региональной ответственности. Кроме того, результатом Черноморской политики Турции стала весьма

конструктивная линия поведения, строгое выполнение положений Монтрё, встреча сторон в Анталии и Стамбуле, доставка украинского зерна на мировые рынки посредством заключения Соглашения о зерновом коридоре, а также конкретные события, такие как обмен пленными. Черноморская политика Турции внесла значительный вклад в восстановление безопасности и стабильности на Черном море.

Благодаря своему геостратегическому положению Турция занимает важное место между странами, располагающими энергетическими ресурсами, и странами, которые в ней нуждаются. Кроме того, Турция выступает в качестве регионального игрока, который может поддерживать стабильность в решении проблем, возникающих в периферийных для нее регионах, таких как Северная Африка, Ближний Восток, Кавказ, и в конфликтах на севере — между РФ и Украиной. Поскольку Турция проводит активную внешнюю политику, она взяла на себя роль миротворца в разрешении многих проблем в прилегающих регионах. Благодаря своему стабильному положению и региональному статусу Турция оказалась идеальной ключевой страной для транзитных энергетических маршрутов.

Учитывая присутствие слишком большого числа игроков в Восточном Средиземноморье и наличие факторов, затрудняющих сотрудничество, логично предположить, что Черное море может стать таким же важным регионом с точки зрения энергетики в будущем, как и Восточное Средиземноморье. И в прошлом и в настоящем Турция выступает надежным игроком в обеспечении безопасности Черного моря и безопасности энергоснабжения. Черное море потенциально может стать безопасной зоной, которая с каждым днем будет иметь все больше ресурсов за счет новых источников энергоснабжения, которые будут бесперебойно поступать в нуждающиеся страны благодаря Турции.

Поступила в редакцию / Received: 30.05.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 28.09.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Айвазян Д. С.* Пределы возможностей Турции как транзитного газового коридора // Современная Европа. 2020. № 7. С. 79—88. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720208392>
- Ирхин А. А., Москаленко О. А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 498—516. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
- Эшба Э. Д.* Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6. С. 42—48. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-42-48>
- Юрченко И. В.* Геополитические особенности Черноморского региона в контексте обеспечения безопасности Юга России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 3. С. 18—24.
- Avatkov V. A., Gudev P. A.* Geopolitics of Russian-Turkish Relations in the Black Sea Region // RUDN Journal of Political Science. 2021. Vol. 23, no. 3. P. 348—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363>
- Bakan S., Güven M. E.* Karadeniz Ekonomik İşbirliği Örgütü (KEİ) Örneğinde Bölgesel İşbirliği Örgütlerinin Etkileri ve Akdeniz Üzerine Değerlendirme // Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2021. Vol. 18, no. 1. P. 528—557. <https://doi.org/10.33437/ksusbd.835867>
- Balta E.* From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia After the Cold War // Uluslararası İlişkiler Dergisi. 2019. Vol. 16, no. 63. P. 69—86. <https://dx.doi.org/10.33458/uidergisi.621309>
- Elmas B.* Türkiye'nin Gürcistan Politikasındaki Değişim ve Dönüşüm // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018. Vol. 11, no. 59. P. 344—351. <http://dx.doi.org/10.17719/jisr.2018.2642>
- Erbaş G. D.* Enerjinin Jeopolitiği: Karadeniz Enerji-Politiği Örneği // Mersin Üniversitesi. 2014. URL: http://apbs.mersin.edu.tr/files/goknil.erbas/Publications_001.pdf (accessed: 28.09.2023).
- Erbaş G. D.* Jeopolitik Kavramında Değişim: Karadeniz Jeopolitiği Örneği // Çankörö Karatekin Üniversitesi Uluslararası Avrasya Strateji Dergisi. 2012. Vol. 1, no. 1. P. 135—146.
- Erbaş G. D.* Karadeniz Bölgesinde Boru Hatları Jeopolitiği // Karadeniz Araştırmaları. 2018. No. 57. P. 17—31.
- Erkek L.* Karadeniz Deniz Güvenlik Politikası [PhD thesis]. İstanbul : İstanbul Üniversitesi, 2006.
- Hodges B., Horrell S., Kuz I.* Russia's Militarization of the Black Sea: Implications for the United States and NATO // Center for European Policy Analysis. 2022. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/russias-militarization-of-the-black-sea-implications-for-the-united-states-and-nato/> (accessed: 28.09.2023).
- Karadeniz Jeopolitiği / ed. by H. Çomak, C. Sancaktar, V. Tatar, B. Ş. Şeker. İstanbul : Beta Basım Yayım Dağıtım A.Ş., 2017.
- Kasım K.* Türkiye'nin Karadeniz Politikası: Temel Parametreler ve Stratejiler // Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu. OAKA Tartışma Platformu. 2007. P. 172—180. URL: <https://silo.tips/download/trkye-nn-karadeniz-politkasi-temel-parametreler-ve-stratejiler> (accessed: 28.09.2023).
- Koçer G.* Karadeniz'in Jeopolitiği ve Güvenliği: Türkiye Perspektifi // Uluslararası Deniz Hukukunda Kıyı Devletinin Gemilere El Koyma Yetkisinin Sınırları Sempozyumu / ed. by E. Başar. Trabzon : ORSAM, 2011. P. 27—38.
- Oktav Ö. Z.* Ukrayna Savaşı'nın Türkiye — Rusya İlişkilerine Olası Etkileri: Fırsatlar ve Krizler // Bilge Strategy. 2022. Vol. 13, no. 23. P. 17—22.
- Russia, Central Asia, and the Caucasia / ed. by Y. Sarı, S. A. Avcu. Eskişehir : Anadolu University, 2020.
- Shlykov P. V.* The State of Strategic Hedging: Turkey's Foreign Policy and Relations with Russia // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21, no. 3. P. 134—158. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-134-158>
- Sivış E.* Bölgeselcilik Kavramı Işığında Karadeniz Bölgesi: Soğuk Savaş Sonrası Dış Politika Dinamikleri // Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2019. Vol. 12, no. 4. P. 563—577. <https://doi.org/10.25287/ohuiibf.570057>
- Uçarol R.* Siyasi Tarih (1789—2014). İstanbul : Der Yayınları, 2015.
- Uslu İ.* Soğuk Savaş Sonrası Karadeniz Bölgesi'nde Güvenlik ve İşbirliğine Yönelik Politikalar [MA thesis]. Ankara : Ufuk Üniversitesi, 2019.
- Yiğit S., Gülbiten G.* Rusya'nın Yakın Çevre Dış Politikası ve Azerbaycan // Barış Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi. 2017. Vol. 5, no. 1. P. 54—70. <https://doi.org/10.16954/yalovabaccd.329892>

Сведения об авторах:

Челикпала Митат — доктор наук (PhD), профессор, декан факультета экономики, административных и социальных наук, Университет Кадир Хас; ORCID: 0000-0003-3773-6145; e-mail: mitat@khas.edu.tr;
Татлыоглу Эрман — аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9745-2043; e-mail: ermantatlioglu@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-762-765

EDN: PSBZJF

Рецензия на книгу:
Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023. 664 с.

И.Л. Прохоренко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

 irinapr@imemo.ru

Для цитирования: Прохоренко И. Л. Рецензия на книгу: Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023. 664 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 762—765. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-762-765>

Book Review:
Degterev, D. A., & Aghazada, M. M. (Eds.). (2023). The Greater Mediterranean as an Emerging Subsystem of International Relations. Moscow: Aspekt Press publ., 664 p. (In Russian)

Irina L. Prokhorenko

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 irinapr@imemo.ru

For citation: Prokhorenko, I. L. (2023). Book review: Degterev, D. A., & Aghazada, M. M. (Eds.). (2023). The Greater Mediterranean as an Emerging Subsystem of International Relations. Moscow: Aspekt Press publ., 664 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 762—765. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-762-765>

В современном глобальном и одновременно фрагментированном мире феномены регионализма и регионализации как процесса структурирования международного региона (и не только в виде регионального интеграционного проекта) приобретают особое значение,

особенно в связи с трендом на формирование полицентричного мироустройства (Идентичность: личность, общество, политика..., 2023, с. 67—85, 97—128). Коллективная монография «Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных

© Прохоренко И.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

отношений» под редакцией доктора политических наук, кандидата экономических наук, профессора Дениса Андреевича Дегтерева и кандидата исторических наук Мирмехти Миркамил оглы Агазаде, изданная в 2023 г., вносит существенный вклад в анализ регионального измерения мировой системы, феномена регионализма и практик социального конструирования международного региона.

В масштабном исследовании (52 автора, четыре раздела, 10 глав, 42 параграфа) с использованием метафоры «Большое Средиземноморье» проведено многомерное и многоаспектное изучение политического, экономического, социального и культурного пространства на пересечении трех континентов — Европы, Азии и Африки, между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря. В авторском коллективе — известные и авторитетные эксперты — страновики, регионоведы и специалисты-международники из ведущих российских образовательных и научных центров. В основу книги легли как статьи прежде всего двух тематических номеров журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» (№ 3—4 2021 г.), так и специально написанные для монографии параграфы. Издание было приурочено к 25-летию юбилею кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. Патриса Лумумбы, известной своими научно-исследовательскими разработками и опытом подготовки профессиональных и научно-педагогических кадров.

В фокусе внимания авторов находятся вопросы теории и практики конструирования макрорегиона в этой части света, его функциональное состояние и динамика, конкуренция, а порой и конфронтация региональных и внерегиональных игроков (США, Европейского союза и отдельных государств-членов, Великобритании, России), предлагающих различные, иногда альтернативные, проекты регионального порядка в сфере экономики, в частности энергетики, экологии, безопасности и борьбы с международным терроризмом

и религиозным экстремизмом, управления этнополитическими, в том числе этноконфессиональными, конфликтами и территориальными спорами.

Ключевыми для коллектива авторов является ряд вопросов:

Что в настоящее время представляет собой Большое Средиземноморье — формирующийся макрорегион, региональный комплекс безопасности или региональную подсистему международных отношений?

Каким образом и в каких направлениях и темпах происходит институциональное становление и конструирование региона?

Какое влияние на это может оказать дискурс о бассейне Средиземного моря как единой экосистеме в контексте необходимости решения региональных аспектов глобальных проблем?

Решение этого отнюдь не простого исследовательского вопроса, учитывая продолжающиеся соответствующие научные споры (Логика новой мироустроительной архитектуры..., 2021; Воскресенский, 2019; Falk, 2003; Van Langenhove, 2011), не ограничивается исключительно первым, теоретическим, разделом: все авторы так или иначе затрагивают и решают его применительно к конкретной научной проблеме или аспекту макрорегионального пространства.

Отсюда становятся понятны структура и логика монографии: от концептуализации Большого Средиземноморья — к исследованию стратегий региональных и великих держав в макрорегионе, от вызовов и угроз региональной безопасности и анализа региональных аспектов глобальных проблем — к основным направлениям регионального сотрудничества. Заголовки разделов являются по-настоящему «говорящими»: «Архитектоника Большого Средиземноморья» (Большое Средиземноморье..., 2023, с. 13—220), «Стратегии великих и региональных держав в бассейне Средиземного моря» (Большое Средиземноморье..., 2023, с. 221—454), «Региональная безопасность» (Большое Средиземноморье..., 2023, с. 455—624) и «Региональное сотрудничество» (Большое Средиземноморье..., 2023, с. 625—658).

Специальных параграфов по детальному рассмотрению стратегии и политики Соединенных Штатов и Европейского союза как ведущих внерегиональных игроков в книге не предусмотрено, как и изучения стратегических планов НАТО в отношении Большого Средиземноморья. Однако представлены отдельные параграфы, посвященные анализу становления итальянской геополитической школы в 1920—1940-е гг. для понимания нынешней стратегической культуры и внешнеполитических приоритетов Италии, политике Кипра и Греции в отношении Турции, геополитических проектов США и ЕС и стратегическому партнерству Румынии и США в Черноморском регионе после распада Советского Союза, политике Ирана по «системному» сдерживанию Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, влиянию США в событиях «арабской весны», позиции ФРГ по греко-турецкому спору, германо-алжирским двусторонним отношениям, а также роли бундесвера ФРГ в борьбе с международным терроризмом в регионе. Внимательный читатель без труда, в том числе по оглавлению книги, найдет интересные для себя разбросанные по тексту материалы и выводы касательно потенциала США, Евросоюза и НАТО оказывать влияние на формирование регионального порядка в Большом Средиземноморье.

В свою очередь достаточно подробно рассмотрены военно-политические аспекты отношений Китая со странами Средиземноморья, активное участие КНР в высококонкурентном соперничестве за ресурсы в Африке и арабском мире в контексте борьбы КНР за региональное и глобальное лидерство и наращивания своей военной мощи и ресурсов «мягкой силы» (Большое Средиземноморье..., 2023, с. 273—285, 645—658).

Особый интерес представляют главы, написанные специалистами-востоковедами, учитывая тот факт, что в новой версии Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. государства исламской цивилизации названы «все более востребованными и надежными партнерами России в вопросах обеспечения безопасности, стабиль-

ности, решения экономических проблем на глобальном и региональном уровнях» и особо обозначены Иран, Сирия, Саудовская Аравия, Турция и Египет как ключевые партнеры России в исламском мире¹. Были детально изучены причины, итоги и последствия «арабской весны» («арабского пробуждения») и систематизированы их экспертные оценки, выявлены истоки, динамика и перспективы регулирования региональных конфликтов в Сирии и Северной Африке, оценено сотрудничество Израиля со странами Восточного Средиземноморья, изучен феномен этнополитической, в том числе этноконфессиональной, конфликтности в регионе, исламский вызов и модели развития в мусульманских странах региона.

В главе «Турецкий фактор» (Большое Средиземноморье..., 2023, с. 332—388), а также в отдельных параграфах проанализированы борьба Турции за региональное лидерство, изменения в ее внешнеполитической стратегии и концепции национальной безопасности на основе идей «Голубой родины» и «выживания государства», имперские амбиции Анкары в духе неоосманизма и притязаний на прилежащие морские акватории в Восточном Средиземноморье, популистские идеи и практики во внешней политике Турецкой Республики, особенности противодействия терроризму как внутри самой страны, так и за ее пределами.

Практическая значимость данного исследовательского проекта не вызывает сомнений: книга писалась в России и для России. Именно сквозь призму российских национальных интересов рассмотрены различные сегменты (например, черноморский) и измерения пространства Большого Средиземноморья (геополитическое, энергетическое, образовательное и технологическое и др.), а также факторы, влияющие на его конфигурацию и динамику, прежде всего турецкий, религиозный и этноконфессиональный,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.10.2023).

фактор международного терроризма. И такой подход, нацеленный на выявление тенденций и причинно-следственных связей с оправданными экскурсами в историю, а также использование методов прогнозирования, вполне оправдал себя, учитывая стремительное

изменение международной среды в регионе в последние годы в контексте трансформации современного миропорядка и в связи со специальной военной операцией России на Украине и нынешней войной между Израилем и ХАМАС в секторе Газа.

Поступила в редакцию / Received: 25.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023.
- Воскресенский А. Д. Регионализм как парадигма мироустройства // Современная политическая наука : методология / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Никитина. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2019. С. 675—695.
- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. Москва : Весь мир, 2023.
- Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. А. Д. Воскресенского. Москва : Стратегические изыскания, 2021.
- Falk R. Regionalism and World Order: The Changing Global Setting // *Theories of New Regionalism. International Political Economy Series* / ed. by F. Söderbaum, T. M. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. P. 63—80. https://doi.org/10.1057/9781403938794_4
- Van Langenhove L. *Building Regions: The Regionalization of the World Order*. New York, London : Routledge, 2011.

References

- Degterev, D. A., & Aghazada, M. M. (Eds.). (2023). *The Greater Mediterranean as an emerging subsystem of international relations*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Falk, R. (2003). Regionalism and world order: The changing global setting. In F. Söderbaum, T. M. Shaw (Eds.), *Theories of new regionalism. International political economy series* (pp. 60—80). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781403938794_4
- Semenenko, I. S. (Ed.). (2023). *Identity: The individual, society, and politics. New outlines of the research field*. Moscow: Ves' Mir publ. (In Russian).
- Van Langenhove, L. *Building regions: The regionalization of the world order*. New York, London: Routledge.
- Voskressenski, A. D. (2019). Regionalism as universe paradigm. In O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin (Eds.), *Contemporary political science. Methodology*. 2nd edition (pp. 675—695). Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Voskressenski, A. D. (Ed.). (2021). *Logic of the new world architectonics and the strategies of states*. Moscow: Strategicheskie izyskaniya publ. (In Russian).

Сведения об авторе:

Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования, отдел международно-политических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, Российская академия наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0002-8090-7934; e-mail: irinapr@imemo.ru

About the author:

Prokhorenko Irina L'vovna — Dr. of Sc. (Political Sciences), Head, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS); ORCID: 0000-0002-8090-7934; e-mail: irinapr@imemo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-766-768

EDN: QBSTLT

Рецензия на книгу:

Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / под ред. И. Д. Звягельской. Москва : Аспект Пресс, 2022. 288 с.

В.П. Кириченко

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

 black-whit@yandex.ru

Для цитирования: Кириченко В. П. Рецензия на книгу: Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / под ред. И. Д. Звягельской. Москва : Аспект Пресс, 2022. 288 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 766—768. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-766-768>

Book Review:

Zvyagelskaya, I. D. (2022). *The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions*. Moscow: Aspekt Press publ., 288 p. (In Russian)

Vladimir P. Kirichenko

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

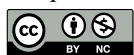
 black-whit@yandex.ru

For citation: Kirichenko, V. P. (2023). Book review: Zvyagelskaya, I. D. (2022). *The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions*. Moscow: Aspekt Press publ., 288 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 766—768. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-766-768>

Богатый природными ресурсами регион Восточного Средиземноморья (ВС) является местом столкновения интересов различных государств. В рецензируемой коллективной монографии рассматриваются военно-политические, экономические и правовые аспекты соперничества и сотрудничества стран Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Автором вступительной статьи является научный руководитель Института востоковедения РАН, академик Виталий Вячеславович Наумкин. Исследователь отмечает, что «к числу характерных черт ВС относится присутствие в нем государств и групп населения, не только различающихся между собой по этнонациональному признаку, но и объединяющихся в

своего рода этноцивилизационные кластеры, причем к кластерам региональным в определенной мере примыкают диаспоральные» (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 25). Выделяются греческий кластер, включающий Грецию, Республику Кипр, а также греческие общины стран региона. Второй кластер включает арабские государства Восточного Средиземноморья и арабские общины Турции, Израиля и Кипра. К третьему кластеру, по мнению В.В. Наумкина, относится Турция, непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра, а также турецкие диаспоры Сирии, Иордании и других стран (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 25).

© Кириченко В.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

При этом автор отмечает, что конфессиональная солидарность в общественных процессах не является определяющей. Примером может стать Египет, которому принадлежность как к мусульманской, так и отчасти к христианской цивилизациям не мешает кооперироваться с Израилем и соперничать с Турцией по вопросам добычи и транспортировки газа (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 25).

Первый раздел коллективной монографии посвящен соперничеству Турции и Греции в Восточном Средиземноморье, а также кипрской проблеме. В данном разделе проводится анализ Лозаннского договора 1923 г., Лозаннской конвенции о режиме проливов, Конвенции Монтрё 1936 г. и других документов, касающихся территориального и морского права. Выполнение условий данных соглашений является предметом спора Турции и Греции.

Во второй части раздела рассматриваются исторические корни турецко-греческих противоречий и анализируются отношения двух стран. Несмотря довольно активное развитие экономических отношений между Турцией и Грецией в 2000-х гг., уже в 2010-х гг. напряженность между двумя странами возникла вновь. Причиной стала конкуренция за разработку открытых у берегов Израиля газовых месторождений. В целом, как отмечается в окончании раздела, «положительный эффект [для нормализации турецко-греческих отношений. — *Прим. авт.*] могут возыметь шаги по развитию совместной деятельности в Восточном Средиземноморье: поисково-спасательные операции и связанные с ними учения, экологический мониторинг и охрана окружающей среды, научные исследования, туризм, в идеале какие-то проекты по совместному поиску и разработке углеводородов в тех районах континентального шельфа, принадлежность которых не вызывает разногласий» (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 85).

Отдельное место в коллективной монографии занимает рассмотрение деятельности Восточно-Средиземноморского газового форума, образованного Кипром, Египтом,

Францией, Грецией, Израилем, Италией, Иорданией и Палестинской администрацией. Причина создания этой организации — обеспокоенность руководства Израиля, Кипра, Греции и Египта «амбициями президента Турции Р.Т. Эрдогана и его попыткой в 2018—2019 гг. перекроить границы Средиземного моря через подписание соответствующего соглашения с Ливией, которое фактически не учитывало ряд греческих интересов» (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 96).

Отдельного внимания заслуживают главы монографии, посвященные газовой политике Израиля, Ливана, Египта и Палестинской администрации. Весьма показательной является проблема газового месторождения Газа-Марин. Разработка этого месторождения и строительство инфраструктуры для транспортировки газа на палестинские территории могли бы снизить зависимость от поставок энергии из Израиля. Однако находящееся у власти в Секторе Газа движение ХАМАС препятствует переговорам Палестинской национальной администрации с третьими странами. Израиль также не позволяет создать в Газе независимую энергосистему.

Особый интерес представляет также раздел коллективной монографии, посвященный связям государств Персидского залива с регионом Восточного Средиземноморья. В частности, рассматривается соперничество Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) с Турцией. Турецкие амбиции в Средиземноморье вошли в противоречие с планами Эмиратов по расширению контроля над морскими путями в регионе. При этом важными партнерами для ОАЭ являются Египет и Израиль. Вовлеченность Эмиратов в войну в Ливии позволила государству расширить свое влияние и в этой африканской стране.

Для Саудовской Аравии важнейшим в военно-политической сфере является сотрудничество с Египтом. При этом, как отмечает один из авторов коллективной монографии Т.И. Тюкаева, Королевство остается «главным направлением для египетских рабочих мигрантов, денежные переводы которых играют заметную роль в экономике Египта» (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 191).

Также в монографии освещается деятельность Катара по построению союзнических отношений с Турцией и его политика в отношении Ливии.

Говоря о приоритетах Ирана, исследователь А.С. Богачева полагает, что в целом «предпочтение Тегерана будет отдано на ближневосточном направлении Сирии как наиболее лояльному партнеру, а на европейском — Кипру как наиболее экономически перспективному» (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 215).

Заключительный раздел книги посвящен деятельности внешних игроков в регионе Восточного Средиземноморья, таким как

Европейский союз, США и Российская Федерация.

Следует отметить, что коллективная монография «Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции» вызывает большой интерес. Она имеет четкую структуру и при этом охватывает широкий круг региональных проблем. В исследовании подробно анализируются позиции государств региона и противоречия между ними. Данная работа может быть рекомендована как историкам, экономистам и специалистам по международным отношениям, так и широкому кругу читателей.

Поступила в редакцию / Received: 21.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / под ред. И. Д. Звягельской. Москва : Аспект Пресс, 2022.

References

Zvyagelskaya, I. D. (2022). *The struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and ambitions*. Moscow: Aspekt Press publ., 288 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кириченко Владимир Павлович — научный сотрудник, Центр исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения, Российская академия наук; ORCID: 0000-0001-8724-2341; e-mail: black-whit@yandex.ru

About the author:

Kirichenko Vladimir Pavlovich — Researcher, Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-8724-2341; e-mail: black-whit@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-769-772

EDN: QLMCGQ

Рецензия на книгу:
**Turkey, Russia and Iran in the Middle East: Establishing
a New Regional Order / ed. by B. Balci, N. Monceau.
London : Palgrave Macmillan, 2021. 255 p.**

И.А. Соков

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
 sokov@volsu.ru

Для цитирования: Соков И. А. Рецензия на книгу: Turkey, Russia and Iran in the Middle East: Establishing a New Regional Order / ed. by B. Balci, N. Monceau. London : Palgrave Macmillan, 2021. 255 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 769—772. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-769-772>

Book Review:
**Balci, B., & Monceau, N. (Eds.). (2021). Turkey, Russia and Iran
in the Middle East: Establishing a New Regional Order.
London: Palgrave Macmillan, 255 p.**

Иля А. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
 sokov@volsu.ru

For citation: Sokov, I. A. (2023). Book review: Balci, B., & Monceau, N. (Eds.). (2021). Turkey, Russia and Iran in the Middle East: Establishing a New Regional Order. London: Palgrave Macmillan, 255 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 769—772. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-769-772>

Первые десятилетия XXI в. многие эксперты из разных стран называют периодом, в который сформировались предпосылки к смене мирового порядка. Между тем изменения, происходящие на региональном уровне, уже указывают на то, что процесс трансформации миропорядка запущен. Создаются новые региональные центры силы, которые объединяются в неочевидные альянсы, противодействуя мировому гегемону и его сателлитам в установлении «западных правил» в незападном мире.

Рецензируемая коллективная монография под редакцией доктора политических наук

Байрама Балджи и доцента политологии Университета Бордо Николя Монсо посвящена формированию ближневосточных центров силы — Турции, России и Ирана, их роль и влияние в управлении новым Ближним Востоком, а также взаимодействия этих стран по разрешению конфликта в Сирии при снижении роли традиционных международных акторов в регионе: ООН, США, Великобритании и стран Евросоюза. Особый интерес представляют размышления авторов о вызове Западу со стороны «нового блока региональных игроков» (Balci & Monceau, 2021, p. 3) в контексте сирийского кризиса, об отношениях внутри

© Соков И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

этого блока как «сотрудничестве в дивергенции» (*collaboration in divergence*). Отмечается, что «ось Турция — Россия — Иран, сформированная во время сирийского конфликта, являет собой всестороннее изменение Ближневосточного региона» (Balci & Monceau, 2021, p. 4).

Следует признать, что кроме указанных стран в регионе свою внешнюю политику проводят другие акторы: Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Израиль и Египет, которые при снижении роли западных игроков могут более активно реализовывать свои интересы на ближневосточном направлении. Важно также отметить, что Турция, Россия и Иран — наследники великих империй. Это свидетельствует о том, что все эти страны «движимы одним и тем же желанием вернуть имперское прошлое или, по крайней мере, стать частью его наследия, даже если эту позицию можно рассматривать как дискурс легитимации» (Balci & Monceau, 2021, p. 7).

Монографию, состоящую из 13 глав, можно условно разделить на две смысловые части. Во введении (глава 1) соредакторы Байрам Балджи и Николя Монсо разъясняют, какие позиции занимают Турция, Россия и Иран на современном Ближнем Востоке.

В первой части, в которую входят 6 глав, исследуются вопросы мотивации, логики и стратегии, осуществляемые Турцией, Россией и Ираном, чтобы положить конец сирийскому кризису, а также взаимодействие этих государств в достижении сначала стабилизации обстановки в Сирии, а затем — окончательного урегулирования сирийского конфликта.

Во второй части, состоящей из 5 глав, анализируется влияние России, Ирана и Турции на изменения в цивилизационных процессах в странах Ближнего Востока в XXI в. В заключении Мишель Дуэло предлагает размышления о текущей ситуации и будущем отношений между этими тремя региональными центрами силы после окончания конфликта в Сирии.

В главе 2 «„Новая Турция“ на Ближнем Востоке в рамках спирали конкуренции — сотрудничества в турецко-российских отношениях» профессор Университета Кабир Хас

(Стамбул, Турция) Митат Челикпала (*Mitat Çelikpala*) отмечает, что «со времен холодной войны Турция и Россия так и не установили стабильных двусторонних отношений» (Balci & Monceau, 2021, p. 15), поэтому непростой и несбалансированный характер этих отношений как в контексте региональных, так и глобальных событий косвенно влияет на протяженное географическое пространство от Черного моря до Центральной Азии, включая большинство стран Ближнего Востока.

Глава 3 «Сирийский кризис и его влияние на авторитарную трансформацию внутренней и внешней политики Турции», написанная Байрамом Балджи, исследует поворот Турции от целей западных союзников и НАТО в регионе к переформатированным отношениям в «новом блоке с ясными контурами, управляемом Россией» (Balci & Monceau, 2021, p. 55).

В главе 4 «Турция и сирийские повстанцы: от посредника к сюзерену» Тома Пьерре (*Thomas Pierret*), старший научный сотрудник Научно-исследовательского института арабского и мусульманского мира (CNRS-IREMAM), рассматривает эволюцию взаимодействия Турции с различными фракциями противников режима Б. Асада в Сирии и приходит к выводу, что поддержка Анкарой ряда таких фракций станет «одной из главных проблем Турции в будущем» (Balci & Monceau, 2021, p. 73)

Игорь Деланоэ (*Igor Delanoë*), доктор исторических наук, специалист по современной истории в Университете Ниццы — София Антиполис в главе 5 «Москва и вызов восстановлению Сирии» поднимает важную тему послевоенного восстановления сирийского государства. Ущерб от сирийского конфликта, по оценкам ООН, составит свыше 433 млрд долл. США. При этом важной проблемой остаются беженцы и перемещенные лица, количество которых приблизилось к 12 млн человек. Автор утверждает, что Россия не готова самостоятельно проводить послевоенную реконструкцию в Сирии, как и инвестировать значительные средства в экономику страны (Balci & Monceau, 2021, pp. 92—93).

В главе 6 «Роль Ирана в сирийском конфликте», автором которой является доцент

кафедры международных отношений факультета политических наук Университета Анкары Байрам Синкая (*Bayram Sinkaya*), утверждает, что участие Ирана в сирийском конфликте — это «сигнал израильскому режиму и США, что Иран остается в Сирии», где Тегеран преследует две цели: укрепление военного сотрудничества с Дамаском и участие в послевоенном восстановлении страны (Balci & Monceau, 2021, p. 110).

Глава 7 «*Меняющаяся динамика отношений между ОАЭ и Сирией*» доцента кафедры политики и международных отношений Университета шейха Зайда (Абу-Даби) Халида Альмезайни (*Khalid Almezaini*) повествует об «изменяющемся поведении двух государств с 2011 г.» в силу влияния России на ОАЭ. В этой связи ОАЭ перешли «от поддержки оппозиционных групп к повторному открытию своего посольства в Дамаске» (Balci & Monceau, 2021, p. 131). В долгосрочной перспективе ОАЭ намерены развивать экономическое сотрудничество с Сирией и поддерживать светское правительство в этой стране.

Глава 8 «*Новые региональные державы в условиях неопределенности на Ближнем Востоке*» подготовлена профессором политологии Парижского института политических исследований (Sciences Po Paris) Бертраном Бади (*Bertrand Badie*). Автор излагает существующие подходы стран региона в «новой ближневосточной игре», в которой ученый выделяет «две стратегии: враждебную конкуренцию и совместную конкуренцию» (Balci & Monceau, 2021, p. 146). К первой относятся отношения между Саудовской Аравией и Ираном, ко второй — ирано-турецкие отношения, поскольку «эти два крупных игрока, кажется, полагают, что антагонизм прошлого больше не влияет на текущую ситуацию» (Balci & Monceau, 2021, p. 147). Автор также анализирует четыре варианта «ближневосточной игры» и приходит к заключению, что эта игра более позитивно влияет на стабилизацию ситуации в регионе, когда в ней принимают участие региональные акторы, а вовлеченность внерегиональных игроков фактически исключается.

Глава 9 «*Геополитическая встреча Иран — Россия: брак по расчету, а не стратегический альянс*» Клемана Терма (*Clément Therme*), ассоциированного сотрудника Центра перспективных исследований им. Роберта Шумана при Европейском университетском институте (EUI), содержит анализ внешней политики Ирана и СССР, а затем России на ближневосточном направлении за последние 50 лет. Автор утверждает, что и Россия, и Иран хотели бы «вернуть свои отношения на уровень дореволюционного периода (до 1979 г.)» (Balci & Monceau, 2021, p. 165).

В главе 10 «*Отношения Турции и России: между стратегическим партнерством и региональным соперничеством*» Николя Монсо (*Nicolas Monceau*) анализируются условия для восстановления российско-турецких отношений, раскрываются стадии этого восстановления, оцениваются объемы российско-турецкого партнерства в различных областях экономики и военного сотрудничества, а также выявляются точки соприкосновения их национальных интересов в регионе. Отдельно рассматриваются вопросы, влияющие на прочность турецко-российских отношений: расширение НАТО, кипрский вопрос, иранское ядерное досье и сирийский конфликт. Автор приходит к выводу, что «развитие отношений между Россией и Турцией за последние несколько десятилетий отразило дилемму, с которой эти две страны сталкиваются как партнеры и конкуренты» (Balci & Monceau, 2021, p. 190).

Глава 11 «*От Обамы до Трампа и... долговременные изменения, долговечны ли они?*» подготовлена доктором политических наук, экспертом по ближневосточной политике Джозефом Бахутом (*Joseph Bahout*). Автор полагает, что действия США в регионе Ближнего Востока на всем протяжении XXI в. приводили только к «Уловке-22»¹.

Глава 12 «*Сирия, курды и конец турецко-американского альянса*» написана профессором Национального военного колледжа и старшим научным сотрудником Брукингского

¹ Уловка-22 (Catch-22) — это попытка соблюдения некоторого правила, которая сама по себе означает его нарушение.

института в Вашингтоне Омером Ташпынаром (*Ömer Taspınar*). Автор отмечает, что участие Турции в сирийском конфликте обнажило расхождения в турецко-американских отношениях из-за поддержки, оказываемой Соединенными Штатами курдским сепаратистам. Однако это, по мнению автора, еще не свидетельствует об окончательном разрыве Турции с Западом и НАТО.

В заключительной, тринадцатой, главе, написанной дипломатом, специальным консультантом Института Монтань (Париж) Мишелем Дуэло (*Michel Duélos*), после резюме региональных событий с позиции Запада приводится несколько возможных сценариев развития отношений в рамках «треугольника» Турция — Россия — Иран.

«Первый сценарий: региональная стабилизация на основе баланса между Турцией и Ираном... Второй сценарий: треугольник распадается в результате возвращения западно-ориентированной коалиции, берущей регион под свой контроль. Россия терпит неудачу... утрачивая свое центральное место (в урегулировании сирийского кризиса. — *И.С.*)... Третий сценарий: сохранение нынешнего треугольника... Вероятно, Сирия еще долго будет оставаться несостоявшимся государством без перспективы политического решения» (Balci & Monceau, 2021, pp. 243—245). Кроме того, как пишет Мишель Дуэло, «третий сценарий, кажется, является наиболее вероятным, но не самым длительным» (Balci & Monceau, 2021, p. 246).

Поступила в редакцию / Received: 03.02.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список / References

Balci, B., & Monceau, N. (Eds.). (2021). *Turkey, Russia and Iran in the Middle East: Establishing a new regional order*. London: Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе:

Соков Илья Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет; ORCID: 0000-0002-7146-7340; e-mail: sokov@volsu.ru

About the author:

Sokov Ilya Anatol'evich — Dr. of Sc. (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University; ORCID: 0000-0002-7146-7340; e-mail: sokov@volsu.ru